Центр системных региональных исследований и прогнозирования

ИППК РГУ и ИСПИ РАН

Южнороссийское обозрение

Выпуск 21

Басханова Любовь Сайд-Эминовна

ЧЕЧНЯ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Ответственный редактор

В.В. Черноус

Ростов-на-Дону

Издательство СКНЦ ВШ

2004

ББК
Б

Редакционная коллегия серии: Акаев В.Х., Арухов З.С., Волков Ю.Г., Добаев И.П. (зам.отв.ред.), Попов А.В., Черноус В.В. (отв.ред.), Ненашева А.В. (отв.секретарь)

Рецензенты: Д.с.н., проф. Слепцов Н.С.
Кс.н., доц. Немчина В.И.,
К.ф.н., доц. Ханбабаев К.М.,

Б Басханова Л. С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 21. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ. 2004. 150 с.

В монографии директора Информационно-аналитического центра «АЛА (СКАЖИ)» Басхановой Л. С.-Э. анализируются особенности формирования и проявления общественного мнения в условиях чеченского кризиса 90-х гг. XX – начала XXI вв. Автор осуществляла мониторинг общественного мнения в Чечне с 1991 года. На большом фактическом материале раскрывается отношение населения Чечни к событиям последних лет. Книга разрушает многие стереотипы, которые сложились в отношении чеченцев в ходе конфликта федеральных органов власти и сепаратистских режимов Чечни, актов международного терроризма на территории ЮФО и Москвы.

Адресована социологам, политологам, конфликтологам, студентам-регионоведам, всем, кто интересуется проблемами чеченского кризиса.

Д-01(03) 2003 Без объявл.
ISBN 5-87872-141-4

© Л. С.-Э. Басханова
2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Теоретические подходы к изучению общественного мнения в современной социологии

1.2. Общественное мнение в условиях этнополитического конфликта: методология исследования

ГЛАВА 2. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧНИ В ПЕРИОД ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

2.1. Социальная структура чеченского общества и общественное мнение: диалектика взаимосвязи

2.2. Общественное мнение о трансформации политической элиты Чечни в 1990-е гг.

ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧНИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТКОНФЛИКТНОМУ РАЗВИТИЮ РЕСПУБЛИКИ

3.1. Воздействие СМИ на базовые ценности в общественном мнении населения Чечни в постконфликтный период

3.2. Легитимизация в общественном сознании процесса становления конституционного порядка в Чеченской Республике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чеченский кризис: взгляд изнутри

Чеченский кризис на протяжении почти пятнадцати лет остается наиболее сложной и болезненной проблемой Российской Федерации. Он был порождением взаимодействия различных факторов, уходящих своими корнями как в исторические события XVIII – XIX в., так и в процессы приведшие к самоликвидации Советского Союза. В разжигании и затягивании чеченского кризиса с разной мотивацией оказались заинтересованы некоторые клики в правящей «элите» России, чеченские этнократические группировки, интернациональная организованная преступность, международная террористическая исламистская сеть, манипулируемая спецслужбами ряда стран и др.

Историческая судьба чеченцев складывалась непросто. Проточеченские племена формировались в русле древнейшей на Кавказе нахо-дагестанской языковой общности. Этногенез чеченцев развивался на автохтонной основе, но испытал влияние иранских и тюркских миграционных волн. В средневековье чеченские общества находились в зависимости от кабардинских, кумыкских, аварских владельцев. Особенности природно-ландшафтных условий, способов хозяйственной деятельности и внешнеполитические события определяли социально-политическую жизнь чеченцев: устойчивость общины, тукхумно-тайповой структуры, неприятие форм государственной жизни.

В XVI – XVIII в. практически все чеченские общества или их владельцы установили союзно-вассальные отношения с Российским государством. Форсирование присоединения Северного Кавказа и установление здесь российской администрации, противоречия внутри чеченских обществ, между чеченцами и соседними политическими образованиями Кавказа, интриги Османской империи, европейских стран обострили российско-чеченские отношения, что вылилось в усиление активности на Кавказе действий российских войск.

Экспансия России на Северном Кавказе столкнулась с экспансией чеченцев с гор на предгорья и равнины, что было вызвано ростом населения чеченских обществ и ограниченными возможностями горской экономики. В результате усилились процессы исламизации чеченских этнических групп, интеграционные процессы на Северном Кавказе, которые вылились в создание государственных северокавказских образований шейхом Мансуром (Ушурмой) в 1785-1791 г. и имамом Шамилем (1834-1859). Этносоциальная структура чеченцев оказалась дополненной этноконфессиональной: конкурирующими суфийскими тарикатами (накшбандийя и кадирийя), в каждом из которых существовало несколько видов во главе с устазами. Чеченские тайпы, особенно горные, вели в годы Кавказской войны XIX в. упорную борьбу с российскими войсками и понесли тяжелые потери в ходе карательных акций, а часть чеченцев переселилась в пределы Османской империи. Память о последствиях Кавказской войны остается до сих пор болезненным фактором чеченского национального самосознания.

В имперский и советский периоды истории чеченцы втягиваются в модернизационные процессы, но во многом сохранили свои традиционные институты. Советские методы ускоренной и насильственной модернизации наталкивались в 20-30-е гг. XX в. На сопротивление чеченцев, которое переростало в периодические вооруженные конфликты. С 1944 по 1957 г. чеченцы по сфабрикованному обвинению в сотрудничестве с фашистской Германией были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию. Память о депортации и ее жертвах также становится важнейшей частью национального самосознания. После реабилитации (1957 г.) в рамках полиэтничного общества Чечено-Ингушской АССР у чеченцев формируется социальная структура, характерная для советской модели индустриального общества, но отставая по основным показателям модернизации и урбанизации от других народов Северного Кавказа.

В 80-е гг. XX в. чеченцы, не завершив перехода от традиционного общества к советскому индустриальному, оказались втянуты в новую трансформацию по инициативе федерального центра.

В результате возник статусный институциональный конфликт федерального центра с Чечней, переросший в сепаратизм и осложненный острыми противоречиями в чеченском обществе. В августе-ноябре 1991 г. при поддержке части российского руководства происходит насильственное свержение «консервативного» режима Д. Завгаева и разгон легитимных органов власти. В результате практически безальтернативных выборов к власти пришел этнократический режим Д. Дудаева, контролировавший большую часть Чечни и объявивший о выходе из экономического, политического и правового пространства Российской Федерации. В условиях перманентного конфликта с федеральным центром режим Дудаева приобретает авторитарно-криминальный характер. Его противостояние с национал-демократической оппозицией и Парламентом Чеченской республики закончилось разгромом последнего и установлением военной диктатуры Д. Дудаева (июнь 1993). Неспособность режима Д.Дудаева и федеральной власти найти взаимоприемлемый компромисс привела к первой военной кампании по наведению конституционного порядка (дек. 1994 – 1996 г.), которая повлекла значительные людские потери и разрушения, рост сепаратистских настроений.

Поражение войск Дудаева привело к началу восстановительного периода 1995-1996 г. в Чечне, прерванного после захвата некоторых районов г. Грозного сепаратистами. Вывод российских войск не был подкреплен гарантиями безопасности русскому и русскоязычному населению и чеченцам ориентированным на сохранение Чечни в составе России.

В августе 1996 – 1999 г. в стране устанавливается националистический режим А. Масхадова в фактически независимом, но непризнанном государстве Чеченской Республике Ичкерия. Режим А.Масхадова пытался эксплуатировать суфийский ислам, но не сумел сплотить чеченское общество

и наладить восстановление республики. В чеченских событиях нарастает внешнее влияние: усиливаются позиции неоваххабитов, течения в исламе привнесенного в Чечню арабскими исламистскими организациями, которые выдвинули идею создания Кавказского Халифата, преодоление тайповых и вирдовых структур в местном обществе. Чечня стала превращаться в псевдоисламское государство, а фактически в один из центров международного терроризма, торговли заложниками. Чечня в результате миграционных процессов становится моноэтническим государственным образованием, которое покидает и большая часть чеченцев. Чечню все сильнее раздирали противоречия между традиционалистами, неоваххабитами, выливавшиеся в военные столкновения и парализовавшие властные структуры.

Агрессия ваххабистских полевых командиров с территории Чечни против Дагестана (август 1999) привела к антитеррористической операции федеральных сил, которые разгромили международные банды на территории Дагестана, а затем восстановили суверенитет Российской Федерации над Чеченской республикой.

При всей сложности борьбы с остатками отрядов А. Масхадова и других полевых командиров, в ходе которой объективно страдало мирное население, ситуация постепенно меняется в позитивном направлении. В Чечню возвращаются беженцы, началось восстановление экономики и социальной сферы. Принятие Конституции Чеченской республики на референдуме (март 2003), легитимное избрание А. Кадырова Президентом ЧР создали условия для ресоциализации Чечни как полноправного субъекта Российской Федерации.

Даже этот краткий и фрагментарный обзор событий последних лет показывает какие трагические и противоречивые события пережили жители Чеченской Республики. В то же время они были не только объектом, жертвой борьбы различных политических и криминальных сил, но и субъектом этих процессов. К сожалению, это не всегда учитывается авторами

многочисленных публикаций по «чеченскому вопросу».[1] Исключение составляют посвященные анализу общественного мнения чеченцев публикации А. Кадырова, М. Юсупова, Л. Басхановой [2]– автора книги, которую мы предлагаем читателю. Любовь Сайд-Эминовна Басханова сначала в качестве научного сотрудника Чеченского института гуманитарных исследований, а затем директора независимого информационно-аналитического центра «Ала» с 1991г. осуществляет мониторинг общественного мнения Чечни по разработанной ею методике для условий конфлдикта.

В отличие от большинства других исследовательских центров, работающих на территории Чечни эпизодически или в режиме «невода» на контрольно-пропускных пунктах, Л.С.- Э. Басхановой и ее сотрудникам удалось организовать регулярный мониторинг, соблюдая репрезентативность исследования с учетом спецификации горных и равнинных регионов, стратификации чеченского общества. Валидность исследований подтверждается достаточно точным прогнозированием центра «Ала» развития социально-политической ситуации в Чечне на протяжении более десяти лет.

Социолог в условиях вооруженного конфликта – группа риска, Л.С.- Э. Басхановой пришлось испытать преследование местных властей в 90-е г. XX в., переходить на нелегальное положение, бежать из республики. Ее судьба неотделима от судьбы чеченского народа, поэтому ее исследования – это плод включенного наблюдения, но пропущенного через фильтр объективного научного анализа.

Несколько лет центр «Ала» плодотворно сотрудничает с Центром системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и

---

[1] Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX в.) М. 1997, Дауев С. Чечня: коварные таинства истории. М.1999, Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. М. 2000, Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. М. 2000, Современное положение Чечни. Р н/Д 2001, Россия и Чечня: поиски выхода. Спб, 2003 и др.

[2] Кадыров А.А. Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения. М. 2003, Юсупов М.М. Структура и движущие силы чеченского конфликта // Этнопанорама. 2000. №1

ИСПИ РАН, статьи Л.С.- Э. Басхановой регулярно публиковались в наших изданиях. Предполагаемая читателю монография обобщает часть авторских социологических исследований общественного мнения в Чечне. Цель автора не только показать динамику отношения чеченцев к событиям последних лет, но и раскрыть механизмы формирования общественного мнения, его связь с трансформацией социетальной системы чеченцев. Общественное мнение может достаточно объективно отражать происходящие события, а может быть результатом разного рода манипуляций, стресса и т.д. Но без его учета целенаправленное восстановление Чечни как субъекта Российской Федерации, преодоление последствий правления режимов Д.Дудаева и А. Масхадова, военных кампаний на рубеже XX – XXI вв. не будет достаточно эффективным. В этом, наряду с научно-теоретическим, практическое значение монографии Л.С.- Э. Басхановой, которая будет интересна не только ученым, управленцам, но и широкому читателю.

В.В. Черноус, к.полит.н., доцент,
директор Центра системных
региональный исследований
и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН.

ВВЕДЕНИЕ

«Чеченский вопрос» на протяжении всех 1990-х гг. и вплоть до настоящего момента является для России едва ли не главной проблемой как на внутриполитической, так и внешнеполитической арене. Чеченская Республика – совсем маленький клочок земли, одна тысячная территории России, по населению на сегодня – приблизительно одна стопятидесятая. Поэтому насилие и преступления там колоссально спрессованы. Проблемы Чечни – на самом деле сконцентрированные проблемы России. И сегодня будущее Российской Федерации как федеративного и правового государствена во многом зависит от того, насколько адекватным будет решен «чеченский вопрос».

Доминировавшая в последнее время конфликтологическая парадигма, рассмотрение российско-чеченских взаимоотношений сквозь призму конфликтологических теорий закрепляет в общественном сознании конфликтные установки, делает конфликтность отношений нормальным состоянием, в то время как периоды мирного сосуществования и взаимодействия скорее выглядят в рамках такого подхода как отклонения от нормы. Необходимо сломать такой стереотип конфликтности отношений, укоренить в массовом сознании необходимость поиска компромиссов и согласия. Значительную работу в этом направлении проводят федеральные органы власти и управления, включая полпредство Президента в Южном федеральном округе, руководство Чеченской Республики.

Политика целенаправленного воздействия на общественное мнение предполагает знание настроений широких народных масс, знание реального положения вещей. А реальное положение вещей таково, что чеченский народ в ходе проведенных в 2003 г. референдума и выборов Президента Республики выбрал модель согласия, модель единства с Россией, что было закреплено в дальнейшем в активном участии чеченцев в выборах в Государственную Думу и Президента Российской Федерации.

Сегодня сложилась ситуация, когда граждане республики нуждаются в защите их прав и свобод, обеспечение которых связывают с принятием республиканских законов в рамках единого политико-правового пространства Российской Федерации, на основе установления и закрепления конституционного порядка.

Исследования общественного мнения дают возможность учитывать не только лежащие на поверхности, но и скрытые психологические тенденции политических процессов, а соответственно этому и избирать такие мероприятия, которые были бы адекватны возникшей ситуации. Познать состояние и динамику общественного мнения - это значит выполнить основное требование, необходимое для правильного принятия политического решения.

В современной социологии проблема общественного мнения так или иначе является объектом анализа и составной частью практически любого исследования. В различных теоретических подходах акцентируется внимание на проблемах методологии исследования общественного мнения, выявления его структуры и места среди других явлений духовной и социальной жизни. При этом степень теоретического осмысления по-разному оценивается исследователями. Так, А.И. Уледов отмечает, что общественное мнение за последние годы являлось предметом интенсивного изучения и многие его особенности довольно подробно выяснены. В.С. Коробейников напротив считает, что общественное мнение является одним из интереснейших и сравнительно мало исследованных проявлений человеческого духа. Он категорично утверждает: «... вряд ли найдется сегодня в социологии другое понятие, содержание которого было бы столь неясно и вызывало бы столь многочисленные споры»[3] и подчеркивает, что данная проблема - одна из самых дискуссионных. Кроме вышеназванных отечественных исследователей теоретико-методологического содержания общественного мнения следует назвать также В.Г. Гавру, Б.А. Грушина, М.К. Горшкова.

---

[3] Коробейников В. С. Пирамида мнений. М., 1981. С. 7.

Проблемы деятельности институтов изучения общественного мнения электората исследовались в трудах зарубежных и отечественных ученых – А. Дмитриева, П. Бурдье, Э.Ноэль-Нойман, А. Ослона, П. Шампаня и др.

С позиций социологического и психологического анализа проблемы развития массового сознания, его различные состояния и проявления в меняющемся обществе разрабатывались А. Брушлинским, Г. Дилигенским, И. Кирилловым, Ж. Тощенко и др.

Проблемам этнической идентификации, межэтнической напряженности, различным аспектам этнических конфликтов на постсоветском пространстве и их отражению в общественном мнении посвящены труды Г. Денисовой, И. Добаева, А. Здравомыслова, А. Малашенко, В. Тишкова, Л. Хоперской, В. Хотинец, В. Черноуса и др.

Различные аспекты истории и современности чеченского общества, проблемы российско-чеченских взаимоотношений, а также перспективы урегулирования чеченского конфликта представлены в трудах В. Акаева, Я. Ахмадова, В. Верещагина, Д. Гакаева, С. Дауева, Х.-А. Нухаева, Р. Хасбулатова, Э. Хасмагомадова, Я. Чеснова, М.-М. Яхимчика и др. В них отражены базовые традиционные ценности Чеченского народа, особенности его социальной структуры и другие факторы, определяющие общественное мнение.

Отражение российско-чеченского конфликта на разных его стадиях в общественном мнении чеченцев и других народов России анализируются в работах В. Акаева, А. Кадырова, А. Манкиева, М. Юсупова, обзорах различных аналитических центров – ВЦИОМ, ФОМ, Validata и др.

Однако такой аспект общественного мнения, как механизм его функционирования в условиях эскалации этнополитического конфликта и современной стадии сужения конфликта в наиболее сложном регионе России – Чечне, анализ роли и места в таких условиях общественного мнения в системе социальных институтов общества ни отечественными, ни зарубежными исследователями не разрабатывался.

В связи с вышеназванными обстоятельствами автором была поставлена цель - исследовать формирование общественного мнения, а также его спецификацию в условиях эскалации этнополитического конфликта и последующего постконфликтного развития Чеченской Республики.

В ходе исследования было показано, что традиционное сознание чеченцев определяется его внеэтатистской природой. Связи индивид-этносоциум оказываются сильнее связей индивид-государство. В структуре общественного мнения эмоциональные компоненты доминируют над рациональными. Следствием является больший динамизм общественного мнения и манипулятивной восприимчивости общественного сознания.

Массовое сознание из сфер общественной жизни вычленяет одну или несколько жизненно важных ключевых проблем, обретающих роль общенациональной значимости в конкретный период. В них, как правило, аккумулируется, фокусируется вся гамма социальных потребностей. В период нарастания конфликтных процессов повышается интерес к историческому прошлому, т.е. доминируют эмоционально-когнитивные компоненты, включая нетерпимость, экстремизма, а в период сужения к конфликта в массовом сознании доминирует рациональное начало - проблемы личной безопасности, социально-экономические проблемы и т.п., но осложненное постконфликтным синдромом.

Между деформацией современной полиэтничной социальной структуры местного общества Чечено-Ингушетии в форме архаизации моноэтничной социальной структуры Чеченской Республики Ичкерия и общественным мнением существовала прямая и обратная связь. Архаизация социальной структуры и социального пространства мифологизировала и дерационализировала общественное мнение, а мифологизация общественного сознания консервировала демодернизацию и конфликтность социума.

Качество информационного регионального пространства Чечни определяется такими его признаками, как дискретность, высокая

асимметричность, асинхронность динамики относительно федерального информационного пространства. Это ослабляет механизм общественного мнения.

В условиях сужения конфликта, перехода к постконфликтному развитию в Чеченской Республике решающее значение приобретает комплексность и системность в реализации функций средств массовой информации в ходе формирования адекватного общественного мнения населения республики. Системность предполагает в данном случае формирование открытого регионального информационного пространства, интегрированного в единое общероссийское, их согласование, и синхронизацию. Комплексность же означает выработку и реализацию средствами массовой информации конкретных мероприятий по образованию, просвещению, воспитанию и идеологической подготовке населения республики, как субъекта Российской Федерации.

Социологические исследования общественного мнения населения Чеченской Республики однозначно фиксируют легитимизацию в общественном мнении российской идентичности чеченцев, толерантности, конституционного порядка. Однако выявленные неоднозначные мотивы такого выбора, с одной стороны, а также неоднородность чеченского этносоциума («гражданский» север – «трайболистский» юг) актуализируют проблему выбора формы конкретной модели интеграции Чечни как полноправного субъекта Российской Федерации.

В основу данной работы легли результаты социологических исследований, полученных автором лично. В г. Грозном с 1991 г. активно функционирует и осуществляет мониторинг общественного мнения независимый информационно-аналитический центр «Ала» («Скажи»), руководителем которого является автор. В работе широко использовались также данные социсследований, проводившихся иными организациями (Фондом «Общественное мнение», социологическим центром Validata, Северо-Осетинским центром социальных исследований Института

социально-политических исследований Российской академии наук и др.). Источниковую базу исследования составили материалы СМИ Чеченской Республики, а также других субъектов РФ, центральных СМИ.

ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Теоретические подходы к изучению общественного мнения в современной социологии

В наиболее общем виде категория «общественное мнение» используется для обозначения совокупности взглядов индивидов на определенную проблему. Эдуард Бернайз называл общественное мнение «понятием, описывающим едва уловимую, подвижную и неустойчивую совокупность индивидуальных суждений»[4]. Профессор Принстонского университета Харвуд Чайлдз, проанализировав около 40 известных определений общественного мнения, самым удачным считает сделанное Германом Бойлом: «Общественное мнение - это не название чего-то одного, а классификация определенного количества чего-то».[5]

Джеймс Брайс в статье «Природа общественного мнения», написанной еще в 1900 г. рассуждает: «Что мы подразумеваем под общественным мнением? Сложности, которые встречаются при обсуждении этого термина, возникают по большей части от отождествления непосредственно самих мнений с органами, которые занимаются их сбором и обработкой, а также и из-за использования понятия «общественное мнение» для определения иногда мнений каждого, в смысле квинтэссенции всего сказанного или подуманного по какому-либо вопросу, а иногда просто для определения мнения большинства, конкретного вида идей или разговоров, преобладающего над всеми другими».

Как отмечает один из основоположников отечественной школы исследования общественного мнения Б.А. Грушин, общественное мнение «принадлежит к числу явлений, которые с большим трудом поддаются

---

[4] Bernays E. Crystallizing Public Opinion. - N.Y., 1961. P. 61

[5] Harwood C. Public Opinion: Nature, Formation, and Role. - N.J., 1965. P.15.

всестороннему анализу и строгому определению»[6]. Только в отечественной литературе можно встретить почти два десятка определений. «Стержнем одних является фиксация субъекта и объекта общественного мнения, других – его нацеленность на решение имеющихся в обществе проблем, третьих – родовой связи общественного мнения и общественного сознания, четвёртых – его качественно-количественных признаков – распространенности, интенсивности. На эмпирическом уровне предлагается определять общественное мнение через: отношение, оценочные суждения или практические действия социальных общностей, в которых выражается их ответная реакция на различные факты, события или явления общественной жизни».[7]

Здесь необходимо подчеркнуть, что сложность и неоднозначность трактовок понятия общественного мнения определяется еще и междисциплинарным характером интереса к нему, что, в свою очередь связано с многоаспектность данного феномена. Интерес к данному явлению в разное время проявляли представители философии, психологии, педагогики, политологии, социологии. Степень ее разработанности по-разному оценивается исследователями. А. И. Уледов отмечает, что общественное мнение за последние годы являлось предметом интенсивного изучения, и многие его особенности довольно подробно выяснены[8]. В. С. Коробейников напротив считает, что общественное мнение является одним из интереснейших и сравнительно мало исследованных проявлений человеческого духа[9]. Он категорично утверждает: «... вряд ли найдется сегодня в социологии другое понятие, содержание которого было бы столь неясно и вызывало бы столь многочисленные споры»,[10] и подчеркивает, что данная проблема — одна из самых дискуссионных.

---

[6] Грушин Б. А.Мнение о мире и мир мнений. М: Изд-во политической литературы, 1967. С. 7.

[7] Там же. С. 7.

[8] Уледов А. И. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 215.

[9] Коробейников В. С. Пирамида мнений. М., 1981. С. 43.

[10] Там же. С. 7.

Активная разработка социологических и социально-психологических подходов к общественному мнению начинается со второй половины 19 в. Особенно важную роль в этом сыграла работа французского социолога Габриэля Тарда «Общественное мнение и толпа». В ней, в частности, утверждается, что общественное мнение порождается «публикой», которая возникает как социальная общность при капитализме. Именно Г. Тард заложил основы настоящего социологического анализа «общественного мнения», порывая с нормативным подходом к новому феномену. Социальную основу подъема общественного мнения он видит в появлении и развитии «общественности», что само по себе - результат нового способа соединения людей, характеризующий современные общества. Г. Тард описывает в негативном ключе традиционные движения «толпы», которые, по его мнению, принадлежат уже прошлому, чтобы лучше выявить новые свойства, принадлежащие общественности.[11]

Тард анализирует процесс, который сегодня назвали бы процессом общенациональной унификации политического рынка, развернувшийся тогда на его глазах вместе с широким распространением прессы (процесс, который усилится с появлением телевидения) и, соответственно, появлением нового способа социального объединения, который лежит в основе того, что он называет «группами на расстоянии» или «общественностью». До развития общенациональной прессы не существовало «единого» общественного мнения, а имело место «множество» мнений местных, раздробленных, разнообразных, не подозревающих друг о друге.

Тард замечает, что пресса все более и более способствует приданию значения политическим явлениям, а журналисты становятся настоящими лидерами общественного мнения. В отличие от толпы, общественность, уточняет Тард, существует исключительно с помощью прессы и для нее. Общественность действует посредством прессы, «она демонстрирует себя с ее помощью, навязывает себя государственным деятелям, которые

[11] См.: Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1905.

становятся ее исполнителями. Именно это называют силой общественного мнения»[12]. Поэтому Тард связывает мнения, порожденные прессой, с продуктами потребления экономического типа, так как их успех тоже зависит от моды и от известного числа социальных характеристик (возраст, социальный статус и т.д.). Он подчеркивает временный характер этих мнений, «истинность» которых не столько «обсуждается», сколько «потребляется», и «ценность» их состоит не в правильности их самих, а в количественной силе, то есть в числе индивидов, которые в определенный момент их разделяют.

Остановимся еще на некоторых определениях общественного мнения, встречающихся в различных источниках. Так, В. Н Лавриненко пишет, что «общественное мнение – это отношение социальных общностей к проблемам общественной жизни, проявляющееся сначала в эмоциях и суждениях, а затем и в действиях».[13] Из определения, которое приведено в учебном пособии по социологии Елсукова следует, что «общественное мнение – это специфическое проявление общественного сознания, сложное духовное образование, выражающееся в оценках (как в вербальной, так и не в вербальной форме) и характеризующее явное или скрытое отношение к актуальным проблемам действительности, присущее отдельным группам, социальным общностям или обществу в целом».[14] Общественное мнение выражает позицию одобрения или осуждения по тем или иным общественным проблемам, регулирует поведение индивидов, социальных групп, насаждает определённые нормы общественных отношений.

Обобщенный подход к пониманию общественного мнения как «совпадения индивидуальных мнений определенного числа людей» оставляет несколько в стороне важнейшее качество этого понятия, связанное с тем, что оно является общественным. Ведь индивидуальное восприятие реальности может репрезентовать или не репрезентовать консенсус

---

[12] Цит. по: Богомолова Н. Н. Массовая коммуникация и общение. М., Знание, 1988.

13 Лавриненко В. Н. Социология. М: ЮНИТИДАНА, 2000. С. 287.

[14] Елсуков А. Н. История социологии. М: Высшая школа, 1997. С. 429.

(«общность мышления»), а сам он намного более полно представляет типы мнений, формирующихся в результате общения между собой людей, объединенных «чувством общности». Поэтому общественное мнение - явление гораздо более объемное, чем простая сумма точек зрения, высказанных определенной совокупностью индивидов.

Каждая из дефиниций обычно акцентирует внимание на той или иной стороне или проявлении общественного мнения и связана с определенным подходом к ее анализу, в основе которого лежит специфика предметной области исследования общественного мнения. Исходя из этого можно выделить следующие важнейшие аспекты трактовки общественного мнения.

1. Психологические определения, которые рассматривают общественное мнение как массовое явление групповой психологии, психического состояния масс, как социально-психологическое коммуникативное явление (Н. Мансуров, Ю.Н. Минаев, А.П. Моисеев, Б.Д. Парыгин и др.) .[15] Рациональность такой трактовки состоит в том, что она указывает на основу общественного мнения — общественную психологию масс, их социальные чувства, переживания, настроения. Вместе с тем, было бы неверно ограничивать возможности общественного мнения лишь способностью воспроизводить явления и факты действительности на языке общественной психологии.

2. Этические интерпретации общественного мнения, характеризующие его как проявление определенной морали и нравственности общества. Так, Д. А. Потапейко рассматривает общественное мнение как особого рода моральное надстроечное учреждение, а Д. И. Чесноков подчеркивает, что общественное мнение — это более или менее организованная коллективная оценка поступков людей, их нравов, мыслей, чувств, обычаев, привычек, признания одних из них и осуждения других.[16] Анализируемое под этим углом зрения общественное мнение представляет собой наиболее значимый

[15] См., напр., Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. Л., 1965. С. 134.

[16] См.: Потайпеко Д. А. Правосознание как особое общественное явление. Киев, 1970. С. 12; Гормонов М.К. Общественное мнение. История и современность. М., 1988.

критерий характера общественного развития, соответствие или несоответствие его гуманистическому идеалу.

Этические определения общественного мнения показывают, что какой бы нравственной активностью не обладало общественное мнение, связывать его природу исключительно с моралью как формой общественного сознания - значит ограничивать его понимание лишь моральной оценкой, лишь сферой нравственных отношений.

3. Реляционистские (от французского слова “relation” - отношение) трактовки рассматривают общественное мнение как конкретное (оценочное) отношение индивидов, социальных групп, социальных общностей (объектов) к фактам, событиям, явлениям общественной жизни, а через них к их носителям (субъектам). «Общественное мнение, - отмечает Б. А. Грушин, - состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) различных людей, к событиям и фактам социальной действительности».[17] На это свойство общественного мнения указывает А. И. Уледов, определяя его «... как оценочное суждение больших общностей людей по общезначимым вопросом социальной жизни, затрагивающим их общие интересы».[18] В этом случае общественное мнение выступает как взаимодействие его объекта и субъекта, при котором объект с помощью оценочного суждения (мнения) влияет на субъект.

Попытаемся выделить некоторые существенные признаки феномена общественное мнение.

Во-первых, общественное мнение включает не все точки зрения, имеющиеся у отдельных индивидов, а лишь связанные с вопросом или ситуацией, в отношении которой данная совокупность выступает как общность. При этом следует помнить, что общественное мнение - не статический, а динамический процесс высказывания, уточнения и

---

[17] Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 448—449.

[18] Уледов А. И. Актуальные проблемы социальной психологии. М., 1981. С. 72.

согласования мнений, в ходе которого совместно вырабатывается направленность действий.

Во-вторых, общественное мнение всегда относится к конкретному вопросу, возникающему в конкретной ситуации, т.е., не существует абстрактного и внеисторического общественного мнения, общественное мнение – конкретно-историческая категория.

В-третьих, общественное мнение должно быть публично выражено, доведено до сведения общества или какой-либо общности людей, ибо в противном случае оно остается индивидуальной точкой зрения отдельных лиц. Другими словами, общественное мнение возникает внутри группы людей, общающихся друг с другом, вместе согласовывающих суть проблемы, ее вероятные социальные последствия и обдумывающих, какие меры необходимо предпринять. И хотя данный процесс, без сомнения, затрагивает личные суждения, все же мнения индивидов о социальной проблеме по своей форме и содержанию в значительной мере зависят от коллективного (общественного) обсуждения. Механизм общественного мнения имеет коммуникативную природу.

В-четвёртых, общественное мнение дает о себе знать тогда, когда оно высказывается по проблемам, интересующих конкретное общество или конкретную общность людей.

В-пятых общественное мнение складывается только при условии доступа общественности к информации, касающейся конкретного вопроса или группы вопросов. Необходимо при этом иметь ввиду, что общественное мнение может возникать на основе информации, как отражающей реальное положение вещей, так и искажающей действительность. Роль информации огромна и, конечно, не сводима лишь к механической передаче сведений. Потенциал ее воздействия может превосходить кажущуюся реальную значимость объекта. Информация может быть спонтанной — в источниках постоянно встречаются слова, слухи и т.п.. Но, конечно, мы лучше

осведомлены об информации, направленной по определенным каналам. Сюда относятся различного рода тексты, письма, сообщения.

В-шестых, общественное мнение не является чем-то неизменным, тем не менее, должно обладать достаточной интенсивностью, определенностью и сохраняться на протяжении определённого отрезка времени, что и дает возможность фиксировать его в качестве общественного феномена.

Г. Ф. Гегель, изучая феномен общественного мнения, выделил в нём целый ряд структурных элементов: первый – условие существования общественного мнения, второй – объект (содержание) общественного мнения, третий – носитель общественного мнения, четвертый – характер суждения, выступающего в качестве общественного мнения, пятый – соотношение «всеобщего» и «особенного» мнений, сочетание и противоположность в общественном мнении истины и лжи[19].

Объекты общественного мнения по степени сложности разделяются на объекты-факты, объекты-события и объекты явления (процессы).[20] Наиболее простой объект реакции общественного мнения – конкретный факт действительности. Значительной информативностью, набором определенных сведений (фактов), которые составляют его содержание, отличается более сложный объект общественного мнения – событие. И наконец, самым сложным объектом является процесс, для глубокого отражения которого в общественном мнении к субъекту предъявляются определенные требования: обладание определенным объемом знаний и умением теоретически мыслить (обобщать, систематизировать и т.д.). Сложность структуры, противоречивость и некоторая размытость содержания явления или процесса могут вызвать неадекватное его отражение общественным мнением, которое охватывает лишь отдельные элементы данного явления, а не всю его целостность.

---

[19] Гегель Г.Ф. Философия права. М., 1990.

[20] См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

Другой критериальный признак типологии объектов общественного мнения предполагает выделение в качестве таковых факты, события и явления общественного бытия (экономические процессы, условия материальной жизни и т.д.) и общественного сознания (политические представления, системы ценностей и т.д.).

Интегративный подход к выделению субъекта общественного мнения определяет в качестве такового народное большинство. При этом оно должно быть не аморфным образованием, а обладать внутренней структурой, элементами которой вступают – классы, социальные слои, нации, другие социальные общности и отдельные личности. В рамках этих общностей формируется общенародное мнение, и они же являются его выразителями. Социальную общность объединяет общность интересов, она охватывает все возможные состояния и формы жизни людей. Общности бывают разного типа: социально-профессиональные, социально-демографические, территориальные, этнонациональные, государственные и т.д. Включённость той или иной социальной группы в структуру субъекта общественного мнения обусловлены значимостью обсуждаемой проблемы, её важности для данной группы. Специфика восприятия происходящего, разница в интересах и социальном опыте отдельных выразителей общественного мнения обуславливают разнообразие реально функционирующих мнений, столкновение интересов, их борьбу и изменение в сторону согласования или поляризации разных точек зрения.

Сложность взаимоотношений между индивидом и общественным мнением дает право на существование наряду с его интегративной и элитарной концепции. Элитарная концепция общественного мнения – мнение компетентных людей, готовых взять на себя ответственность, – основана на политическом участии. От индивида зависит, захочет ли он участвовать или предпочтет устраниться от участия в общественном мнении. Индивиду не обязательно участвовать в обосновании, проверке мнений, даже если его к тому обяжут как гражданина, он всегда может остаться в сфере частной

жизни. Интегративная концепция предусматривает вовлечение всех в процесс общественного мнения. «Социальная природа человека, побуждающая его дорожить своим именем и бояться изоляции, подчиняет всех людей давлению конформизма, называемому общественным мнением. Каждому, кто не учитывает его, угрожают санкции».[21] Элитарная концепция общественного мнения акцентирует внимание на роли интеллигенции, аристократии, словом – элиты, - в общественной жизни. Именно такой трактовки общественного мнения придерживается Ю. Хабермас, когда выделяет в качестве субъекта последнего публику, отделяя ее от большинства народа. Публика, говорит Ю. Хабермас, - «это не народ не масса, не большинство населения, не «все»; она состоит из тех, кто может резонерствовать на собраниях, в кафе и пивных, в салонах и на страницах газет; она состоит из образованных слоев населения, владеющих собственностью. Они считают себя носителями истины, которая должна быть признана всеми».[22]

Общественное мнение в рамках элитарной концепции выступает инструментом легитимности собственных моральных принципов публики, отличных от общечеловеческих моральных принципов. Элитарное мнение можно представить вкраплением во всеобщее общественное мнение. Элитарное мнение, персонифицируясь своими лидерами, которые публично заявляют о своей позиции (в средствах массовой информации, в личных беседах), образует авангард всеобщего общественного мнения. Оно всегда пробивает себе дорогу; не всегда опубликованное мнение становится общественным, но без лидерства этой формы элитарного мнения новое общественное мнение не сможет реализоваться. Если не существует никакой внешней угрозы, потребность в сплоченности, вызванной общественным мнением, несколько ослабевает. В то же время ее легче сохранять, если членов объединения связывает общность расы, истории, религии, культуры и

---

[21] Мансуров Н. Плюрализм в исследовании общественного мнения. // Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996. С. 9.

[22] Там же. С. 336.

если, как в примитивных обществах, жизненные обстоятельства и представления о ценностях жизни остаются стабильными или изменяются очень медленно. В таких условиях индивид вряд ли заметит давление в сторону конформизма. Однако он быстро его ощутит, если возникает угроза разрыва связей, особенно в военное или революционное время и вообще в периоды коренных переломов или смены ценностей, подвергающей сплоченность опасности, которой индивиду следует научиться избегать и которую надо учитывать в своем поведении.

Коль скоро общественное мнение конкретно-исторично, закономерен вопрос о моменте, а точнее – условиях, его возникновения. К числу важнейших таких условий обычно относят социальные интересы людей. Общественное мнение формируется там и тогда, где и когда на обсуждение народа ставится проблема, имеющая важное практическое значение, затрагивающее существенные интересы людей (экономические, политические, духовные). Таково *первое* условие формирование общественного мнения. Общественное мнение чаще всего касается вопросов, связанных с политикой, экономикой, правом, моралью или искусством, где больше всего спорного и затрагивающего интересы людей. Предметом рассмотрения общественности чаще всего выступают те формы общественного сознания, те вопросы, которые предполагают различия в оценках, характеристиках. Наличие момента дискуссионности в оценках выступает, таким образом, *вторым* условием.

Третье условие формирования общественного мнения – уровень компетентности. Некоторые члены общества в силу разных причин компетентны в одних вопросах социальной действительности, некоторые в других. Можно сказать, что члены общества, взятые в сумме, не обладают соответствующим объемом и уровнем знаний о предмете, а также соответствующими, специфически научными, средствами его анализа, необходимом для компетентного спора.

Возникает вопрос и об исторических границах возникновения (а возможно и существования) феномена общественное мнение. Здесь также отсутствует единство взглядов и мнений на момент исторического развития человечества, начиная с которого есть основания говорить об общественном мнении как социальном феномене. Высказываются самые разнообразные точки зрения, начиная от нахождения зародышей общественного мнения в доисторическую эпоху. Например, Л.Н. Короткова придерживается «расширительного» подхода, утверждая, что «историческую реконструкцию первоначального типа общественного мнения следует соотнести с первыми объединениями коллективов людей, которые в истории называются праобщинами. Ведущей характеристикой этого периода является установление социального (над биологическим, животным эгоизмом) приоритета в человеке, в общественных отношениях. Чтобы выжить и продолжить род, нужны были организованность, дисциплина, справедливое распределение общинного труда. Все, что этому мешало, подавлялось силой такого регулятора социальной жизни, как общественное мнение. Конечно, это было еще «стадное» мнение и проявлялось оно в сфере материальных потребностей с дальнейшим разделением труда, с осознанием своих интересов, поступков. Общественное мнение выступает как способ самоуправления общин».[23]

Сам термин «общественное мнение» (public opinion) появился в Англии в XVI веке, а с XVII века становится общепринятым. Более того, во Франции слова opinio и даже commune opinion встречались с XII-XIII вв. Это свидетельствует о существовании имплицитного понимания важности общественного мнения. Свидетельствует ли это о том, что и появление самого феномена общественного мнения может быть отнесено к этому периоду? Отсутствие четкой общепринятой формулировки понятия еще не означает ни отсутствия явления, ни отсутствия его осмысления культурой.

---

[23] Короткова Л. Н. Социология общественного мнения: Конспект лекций. - СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. С. 5.

«Явление, обозначаемое здесь понятием «общественное мнение», встречалось и встречается у всех народов во все времена. Общественное мнение базируется на бессознательном стремлении людей, живущих в некотором сообществе, прийти к общему суждению, к согласию, которое необходимо, чтобы действовать и принимать решения соответственно обстоятельствам».[24]

Появление во Франции понятия «общественное мнение» можно отнести в середине XVIII в. С тех пор, как отмечает П.Шампань, смысл этого понятия претерпел существенные изменения[25]. В первой половине того века «общественное мнение» трактовалось не столько как мнение общественности (в современном значении данного термина), сколько как обнародованная, ставшая всеобщим достоянием точка зрения элиты, вхожей в академические круги и литературные салоны. Эта точка зрения противостояла выражению частных интересов «политической кучки», которым, в глазах «просвещенной» буржуазии, служила тогдашняя власть. В течение почти всего XIX в. единственным источником «общественного мнения» считались голоса избранных народом парламентариев.

В конце XIX в., как отмечает П.Шампань, рост массовых движений, умножение числа уличных демонстраций, распространение прессы в общенациональном масштабе обусловили появление другого «общественного мнения». Оно вступает в конкуренцию с предыдущим и сосуществует с ним до середины XX столетия, а затем окончательно вытесняет его. Новое мнение также называют общественным, но уже в ином смысле: это мнение самой общественности. Непосредственное и спонтанное, оно отличается по своим качествам от мнения политической элиты, являющегося продуктом специфической политической деятельности. При помощи краткого исторического экскурса П.Шампань в своей книге знаменитой книге показывает, что то, что на деле существует под именем

[24] Бокий М. А., Кириллов Ю. В., Шапиро Л. В. Опросы в городе и для города: теория, методология, результаты, рекомендации, применение статистического пакета SPSS.
[25] Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997. С. 49-50.

общественного мнения — это всего-навсего более или менее разнородная совокупность действующих субъектов (агентов), которые в борьбе друг с другом стремятся навязать свое определение «общественного мнения».[26]

В начале 1970-х гг. П. Бурдье утверждал, что «общественное мнение не существует».[27] Один из главных выводов П. Шампаня также гласит: то, что в действительности существует - это не общественное мнение, не даже «мнение, измеренное в опросах общественного мнения». То, что в действительности существует - это фактически новое социальное пространство, где господствует совокупность действующих лиц - продавцы опросов, политологи, консультанты по вопросам политической коммуникации и политического маркетинга, журналисты и т.п.[28]

Учитывая подходы П. Бурдье и П. Шампаня, следует уточнить понятие субъекта общественного мнения. Субъектом общественного мнения выступает не только структурированное большинство населения, но и социальные акторы (политологи, специалисты по опросам, журналисты и др.), когда общественное мнение становится продуктом коллективных действий по производству коллективных представлений о его существовании.

Не существует «истинного общественного мнения». Есть только вера в правильный способ его понимания и измерения. Возможна только одна-единственная дефиниция «общественного мнения»: это социальный феномен, исторически изменчивый и относящийся к конкретному социальному полю, на котором действуют определенные акторы. Они заинтересованы в воздействии на то, что получает социальное обозначение «общественное мнение».[29]

Уже упоминавшийся Д.Брайан, исследуя природу общественного мнения, отмечает: «Простейшая форма проявления общественного мнения -

---

[26] Там же. С. 71.
[27] Бурдье П. М.Социология политики. М.: Sociologos, 1993. С. 78.
[28] См.: Трущенко О. Рецензия на книгу Патрика Шампаня. // Вопросы социологии. 1992. № 3.
[29] См.: Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.

это спонтанно возникшее в уме ощущение, которое выражено в форме высказывания среднего человека как реакция на что-то увиденное или услышанное. Гомер повествует об этом со свойственной ему живой прямотой в строке, которая часто встречается в «Илиаде», когда необходимо передать эффект, производимый речью или событием: «И так говорил всякий, пока смотрел на своего соседа». Эта фраза описывает то, что можно назвать рудиментарной ступенью мнения. Это превалирующее впечатление момента. Это то, что высказывает всякий (не каждый), это естественная и общая по характеру мысль или желание, которые могут быть вызваны каким-либо событием. Но прежде, чем мнение начинает оказывать влияние на правительство, оно должно пройти через несколько других стадий. Эти стадии могут быть различными в разные эпохи и в разных странах».[30]

Под общественным мнением мы понимаем отношение индивидов, социальных групп, социальных общностей к конкретным фактам, процессам, явлениям общественной жизни, посредством которого они на нее влияют, подчиняют и управляют. Общественное мнение — открытая, публичная артикуляция (передача) отношения объекта к субъекту, а не просто сумма тех частных мнений, которыми люди обмениваются в узком кругу семьи или друзей. Общественное мнение - это обязательно ценностно окрашенное, имеющее моральную окраску, мнение и порождаемый этой моральной оценкой способ поведения. Если речь идет об устоявшемся, закрепившемся согласии, например догме или обычае, свою оценку и способ поведения следует демонстрировать прилюдно, если не хочешь оказаться в изоляции.

Однако с конца XVIII столетия утвердились представления об общественном мнении как о рациональности, что означает приобретение знаний разумом и формирование логических, рассудочных суждений на основе этого знания. Овладение знаниями и формирование суждений невозможны без использования методов логических преобразований и

[30] Брайс Д. Природа общественного мнения. Сайт национального демократического института. http://www.ndi.ru/library.htm

дедукции. Рациональность пользуется однозначно определенными понятиями, которые включены в более широкую систему понятий. Таким образом, рациональность охватывает различные сферы объектов, из которых могут быть выведены логические умозаключения. Следовательно, то, на чем сосредоточены эти сферы, определяется логикой, причинностью и согласованностью. Результаты рассудочного мышления убедительны, доказуемы и постижимы.

Рациональная концепция не объясняет давления, которое общественное мнение может оказывать на правительство и граждан. Рациональность может просветить, вдохновить, заинтересовать, но этого недостаточно, чтобы оказывать влияние. Власть общественного мнения легко объяснима, если его рассматривать как социальный контроль. Рациональная концепция общественного мнения опирается на представление о хорошо информированном гражданине, способном тонко аргументировать и четко формулировать свои суждения. Она делает акцент на политической жизни и политических противоречиях. Большинство авторов, разделяющих ее положения, признают, что только малая группа информированных и заинтересованных граждан действительно участвует в таких дискуссиях и формирует суждения. Однако концепция общественного мнения как социального контроля затрагивает всех членов общества. Поскольку участие в процессе, угрожающем изоляцией и вызывающем страх перед изоляцией, не является делом добровольным, то социальный контроль оказывает давление и на индивида, опасающегося изоляции, и на правительство – оно также может оказаться в изоляции и быть свергнутым без поддержки общественного мнения.

Социальный контроль осуществляется в человеческих обществах разными способами: в виде права как вполне очевидной институциализированной формы, религии, воспитания. Но в форме общественного мнения процесс социального контроля не институциализирован, при этом обладает воздействием, или санкциями.

Специалист по социальному контролю Р.Т. Ла Пьером в одной из своих работ в середине XX века разделил санкции, накладываемые общественным мнением, на три категории: физические санкции, экономические санкции и, самое главное, психологические санкции, начиная с лишения человека ответа на его приветствие и заканчивая полным его бойкотом.

При сравнении двух концепций общественного мнения следует подчеркнуть, что они основаны на совершенно различных предположениях относительно функции общественного мнения. Общественное мнение как рациональный процесс, фокусируясь на проблемах демократического участия и обмена различными точками зрения по общественно значимым вопросам, требует в то же время внимания к этим идеям со стороны правительства и считает, что власть капитала и государства, средства массовой информации и современные технологии могут манипулировать процессами формирования общественного мнения. Теория общественного мнения как социального контроля концентрирует внимание на поддержании необходимо достаточного уровня согласия внутри общества относительно ценностей и целей сообщества. Согласно этой концепции, сила общественного мнения настолько велика, что ни правительство, ни отдельные члены общества не могут его игнорировать. Источник этой силы – угроза изоляции, которой общество подвергает отклоняющегося индивида или непослушное правительство, а также страх перед изоляцией, который обусловлен социальной природой человека.

Таким образом, в обществе сложился и стабильно функционирует особый механизм реагирования на социально значимые проблемы через высказывание по ним суждений заинтересованными слоями населения. Такая реакция населения носит не случайный спорадический характер, а является постоянно действующим фактором общественной жизни. Функционирование общественного мнения как социального явления, означает, что оно действует в качестве «социальной власти», т. е. «власти, наделенной волей и

способностью подчинить себе поведение субъектов социального взаимодействия».[31]

В данном контексте общественное мнение в структуре общественных отношений выступает в роли специфического социального института, обладающего своими функциями, и представляет собой определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения людей в определенных ситуациях. Социальные институты обеспечивают устойчивость социальных связей и отношений в обществе. В зависимости от видов (политические, экономические, культуры и т.д.) институтов определяются и их функции. Функция (в переводе с латинского - исполнение, совершение) в рамках социологии понимается как: 1) роль, которую выполняет тот или иной элемент социальной системы в ее организации как целого; 2) зависимость между различными социальными процессами, выражаемая в функциональных взаимосвязях переменных; 3) социальное действие, ставшее стандартизированным, регулируемое определенными нормами и социальными институтами.

Функции общественного мнения весьма разнообразны. Кроме отмеченной выше функции социального контроля, одной из важнейших является информационно-оценочная функция, дающая сведения (моральную оценку) об отношении индивидов, социальных групп, социальных общностей к наиболее важным фактам, событиям и явлениям, к деятельности официальных учреждений и должностных лиц.

Как правило, позитивная или негативная оценка также аккумулирует конструктивную функцию артикуляции различных общественных интересов и интеграции на их основе индивидов, социальных групп и социальных общностей.

Общественное мнение выполняет образовательную и воспитательную функции. Образовательная функция синтезирует теоретическое и обыденное сознание. Хотя в этом синтезе могут преобладать элементы обыденного,

---

[31] Сафаров Р. А. Политический статус общественного мнения// Социологические исследования. 1979. № 4.

результаты реализации образовательной функции бывают весьма значительными. Они проявляются в сообщении новой информации и формировании на этой основе новых знаний о явлениях и процессах социальной действительности, в расширении познавательных и оценочных возможностей личности, усвоении человеком нравственно-правовых норм, ценностей и образцов поведения, и воспитании у него чувства высокой ответственности за свои дела.

Смысл консультативной функции вытекает уже из самого его названия и заключается в том, что в случае необходимости общественное мнение может дать консультацию, совет, предложение какому-либо социальному институту. В них может содержаться тот или иной способ разрешения назревших социально-политических, экономических, нравственных и других проблем.

Оперативная функция общественного мнения направлена на обслуживание интересов различных социальных групп и социальных общностей (партий, ассоциаций), осуществление их политики.

Наконец, все рассмотренные функции общественного мнения прямо или косвенно служат осуществлению ими мобилизационной функции. Она проявляется в побуждении людей к определенным социальным действиям (или сознательному бездействию).

Общественное мнение, являясь сложным социальным явлением, может быть отнесено к системным объектам, поскольку в основном отвечает большинству признаков и критериев, принятых в системном анализе: целостность, наличие различных типов внутренних связей, иерархичность структуры, наличие цели и целесообразный характер существования, самоорганизация, функционирование и развитие. Оно не появляется неожиданно и так же вдруг исчезает, а имеет свой цикл развития, в ходе которого можно увидеть последовательную смену присущих ему стадий: от зарождения до исчезновения. Иными словами, общественное мнение

обладает динамической структурой. Внутри этой структуры выделяют несколько стадий:

- зарождения; эта стадия характеризуется проявлением широкого интереса множества людей к проблеме и активный поиск информации. У человека появляется потребность выразить свое мнение (оценку), обменяться им с другими людьми и, таким образом, уже складывается групповое мнение;

- формирования; на этой стадии в ходе обмена мнениями, словами между группами с различными оценками формируются уже большие группы (массы) людей. Идет активная работа по поиску и сплочению единомышленников, выявляются доминирующие противоположные мнения, вокруг которых и концентрируются основные силы;

- функционирования; сформировавшееся на предыдущей стадии доминирующее мнение узаконивается и способно выступать партнером или оппонентом управляющих органов и организаций, создавших какую-либо проблему. В фокусе внимания находится эта проблема, причем позиции большинства в отношении к ней четко очерчены;

- спад; эта стадия характеризуется снижением массового интереса к проблеме, она становится для большинства людей не актуальной по различным причинам: либо проблем решена, либо решение проблемы на данный момент невозможно, либо появилось что-либо, перекрывающее данную проблему. Происходит сужение социального состава, теряется острота противостояния. При этом проблема всё еще вызывает интерес;

- отмирание; наконец, мнение теряет качество общественного (массового), превращается в разрозненные суждения отдельных людей и групп. Социальная оценка сходит на нет.

Следует отметить, что границы между выделенными этапами весьма подвижны и не имеют четких очертаний, размыты. Как правило, одновременно сосуществует несколько общественных мнений по различным объектам, «жизненный цикл» которых находится на разных этапах.

Общественное мнение имеет свои каналы выражения, каковыми являются поведение населения во время выборов (всех уровней); участие в законодательной деятельности через референдумы, плебисциты, собрания и т.п.; посредством средств массовой информации и коммуникации (включая и слухи); массовые поведенческие проявления общественного мнения (митинги, протесты, демонстрации, забастовки и т.д.); создание и функционирование лоббистских структур и групп давления. Совершенно специфическим каналом выражения общественного мнения, специально организованным является социологический канал, т.е. использование социологических методов для «снятия», выражения общественного мнения.

Распределение по каналам зависит от социально-политической ситуации и определяется закономерностью самокомпенсации, когда в случае перекрытия какого-либо из множества каналов выражения общественного мнения, происходит перераспределение потоков по оставшимся каналам. Даже при наличии жесткого репрессивного режима, сделавшего все для подавления негативного (для режима) общественного мнения, оно продолжает функционировать по таким каналам как межличностное общение, взаимодействие малых групп, обучение и воспитание и т.д.

Таким образом, общественное мнение, относимое к классу сложных социальных объектов, одновременно выступает социальным институтом и реализует функцию социального контроля. Однако, каково же место общественного мнения среди других явлений духовной жизни общества? Какой социальный феномен – общественное сознание, массовое сознание и пр., - является родовым для общественного мнения? Эти вопросы будут подробно проанализированы во втором параграфе данной главы.

1.2. Общественное мнение в условиях этнополитического конфликта: методология исследования

В предыдущем параграфе мы говорили, что среди многообразия определений и подходов к феномену общественного мнения можно выделить целое направление, стержневой частью которых является выявление родовой связи общественного мнения и общественного сознания. Однако и здесь школа отечественных исследователей не демонстрирует единства мнения. Так, А.К. Уледов, В.С. Коробейников, М.К. Горшков относили общественное мнение к проявлениям общественного сознания, а Б.А. Грушин – в качестве родового рассматривал категорию массового сознания. Массовое сознание представляет часть общественного (другая его часть – специализированное), носителем которого являются значительные массы людей. Причем, структура части и целого, по мнению ряда исследователей, аналогична: «Хотя в массовом сознании более существенную роль играет общественная психология, в нем присутствуют и элементы теоретического сознания – идеология и наука. Естественно и существование массового сознания в разных формах».[32] Однако не все солидарны с такой точкой зрения, отмечая, по крайней мере такие особенности массового сознания, как синкретичность, размытость, аморфность, фрагментарность и т.д.[33]

Общественное сознание – крайне сложное явление общественной жизни, в нем выделяют сферы, уровни и формы. Практически любой социум, независимо от своих размеров, устойчивости и степени интегрированности обладает тем или иным сознанием. Историческая реальность, отражаясь в умах людей, порождает общественные настроения, идеологии, социальные психологии, национальные характеры и т.д., которые, в свою очередь,

---

[32] Кивирякх Ю. Проблема понимания общественного мнения как предмета исследования и факторов его формирования. // Опыт изучения телерадиожурналистики и общественного мнения. Таллин: Периодика, 1987.

[33] См., напр.: Грушин Б.А. Массовое сознание: опт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987; Сергиенко П.А. Массовое политическое сознание: проблемы формирования и развития. Киев, 1991 и др.

оказывают действенное влияние на реальность. Общественное сознание служит основой культурной деятельности и оказывает влияние на индивидуальную психологию каждого человека, входящего в социум.

Динамичность общественного мнения, обладание им собственным жизненным циклом выдвигает вопрос о механизме общественного мнения, его движущих силах. Основу движущих сил общественного мнения составляют массовые потребности самого различного характера (экономические, духовные, идеологические, социальные и т.д.), а также интересы и ценностные ориентации масс. В основе суждений и оценок общественного мнения, движущими силами его зарождения и формирования лежат потребности и интересы масс, причем последние, как отмечает М.К. Горшков,[34] оказывают более непосредственное воздействие, поскольку «потребность ориентирована, прежде всего, на предмет ее удовлетворения», а «интерес направлен на те социальные отношения, институты, учреждения, от которых зависит распределение предметов, ценностей, благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей».[35] На характер же направленности и эмоциональный настрой общественного мнения оказывают воздействие ценностные ориентации. «Будучи сплавом рассудочного и чувственного, они, можно сказать, наводят субъект общественного мнения на соответствующий объект, предопределяют направленность отношения к нему и, что очень важно, к социальной информации о нем».[36]

Более того, для функционирования общественного мнения необходима шкала стереотипов, коллективных установок. Сюда входят и элементы идеологии, и то, что сейчас называют менталитетом, и ценностные ориентации, сознательные модели действительности и бессознательные комплексы, обладающие разной степенью устойчивости и неодинаково

---

[34] См.: Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

[35] Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986. С. 74.

[36] Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 30.

распространенные в обществе. Важно то, что стереотипы существуют еще до того или иного события.

В «Природе общественного мнения» Джеймс Брайс пишет: «Каждый человек предрасположен видеть вещи в определенном свете, обусловленном его образованием, стереотипами сознания, принятыми им догмами, его социальными и религиозными симпатиями и просто личным интересом. Ни одно событие, ни одна речь или статья не ложатся на абсолютно невозделанную почву, читатель или слушатель уже имеет определенные предубеждения. Когда случается какое-то важное событие, требующее сформировать определенную точку зрения, эти, уже заранее существующие привычки, склонности и догмы помогают в осознании того впечатления, которое испытывает индивид, и являются факторами формирования его точки зрения. Однако, эти факторы, главным образом, оказывают действие в определении первого впечатления, и они оказывают действие сразу на многие умы. Они не являются факторами, производящими многообразие и независимость мнений, очень скоро на них накладываются другие влияния, которые индивид получает от своих друзей, лидеров, или из прессы».

Социальная установка объясняет, почему люди в определенных ситуациях поступают тем или иным образом, почему они выбирают конкретный мотив. Это понятие объясняет особое состояние личности, предшествующее ее реальному поведению. Социальная установка возникает в результате активного освоения личностью всей системы социальных связей. В отличие от кратковременных эмоциональных реакций, социальная установка достаточно долго сохраняется.

Структура социальной установки включает в себя следующие компоненты:

- когнитивный - осознание объекта установки;

- аффективный - эмоциональная оценка объекта;

- поведенческий - последовательное поведение по отношению к объекту.

Говоря о социальной установке, важно отметить, что у индивида может существовать одновременно иерархия социальных установок. Кроме того, в конкретной ситуации может происходить конфликт между социальной установкой на объект и социальной установкой на ситуацию, а также в зависимости от ситуации может доминировать когнитивный или же аффективный компоненты структуры социальной установки. Изменение социальной установки может происходить под влиянием убеждения, массовой пропаганды, членства в новой социальной группе или же благодаря более глубокому знакомству с объектом установки. Можно выделить два теоретических подхода, объясняющих изменение социальной установки.[37] Это так называемая бихевиористская теория, основанная на принципе научения. В ее рамках предполагается, что социальные установки индивида изменяются в зависимости от того, каким образом организуется подкрепление какой-либо социальной установки. Изменение социальной установки зависит от системы вознаграждений и наказаний.

Вторая теория получила название когнитивистской или теории соответствия. В этой теории предполагается, что социальная установка изменяется, когда в когнитивной структуре индивида возникает несоответствие. Стимулом для изменения социальной установки является потребность в восстановлении упорядоченного восприятия внешнего мира.

Объектом общественного мнения часто выступают однотипные, во многом схожие по содержанию и структуре факты, события, явления. Отношение к ним характеризуется также определенным однообразием и устойчивостью. Так возникает социальный стереотип. Стереотип охватывает зачастую не существенные, а наиболее броские, яркие черты события. Оценка события, соответствующая стереотипу, зачастую принимается без доказательств и считается наиболее правильной, а всякая другая - подвергается сомнению.[38]

---

[37] Андреева Г.М. Социальная психология. М., Наука, 1994. С. 251-265.

[38] Афанасьев В. Социальная информация и управление обществом. М., 1975.

Роль социальных установок и стереотипов, таким образом, достаточно активна: они часто предопределяют оценку события, но сами при этом могут неожиданно и радикально измениться после обработки события общественным мнением.

Важнейшей, если не определяющей характеристикой реально функционирующего общественного сознания, его доминантой является феномен социального настроения. Принципиально важно подчеркнуть, что оно одновременно является и реальной формой поведения, вернее вероятностной формой выражения общественного сознания в процессе превращения его в общественную силу.

Как отмечают Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко в своем фундаментальном труде, посвященном социальному настроению, «на наш взгляд, понятия «массовое сознание», «общественное мнение», «теоретическое» или «обыденное» сознание не дают полной картины о главных определяющих поведение компонентах - эмоциях, умонастроениях, ценностях и убеждениях людей, то есть о том, что определяет их жизнеощущение. На наш взгляд, таким обобщающим и результирующим феноменом, целостной формой восприятия людьми их жизни как в личном, так и в общественном плане является социальное настроение… К этому следует добавить, что социальное настроение представляет собой такое явление, которое по силе воздействия, влияния и значимости превосходит другие компоненты общественного сознания, а также его готовность действовать во имя достижения (или отвержения) предпочитаемых (или отрицаемых) социальных и личных целей. На наш взгляд, социальное настроение концентрирует в себе и определяет созидательные (или разрушительные) силы общества. Оно никогда не играло такой мощной роли, как на современном этапе человеческой истории, знаменуя тем самым новую качественную определенность в ее развитии».[39]

[39] Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М., 1996. С.16.

Социальное настроение может как объединять, так и разъединять людей. Примером является современное состояние общества, когда небольшая часть, используя характерную для переходного периода нестабильность, экономический и правовой хаос, занялась не организацией производства, а личным обогащением за счет обнищания других слоев. Различные периоды жизни общества также могут отражаться в социальном настроении.

Важно иметь ввиду, что при всей схожести между общественным настроением и общественным мнением существует принципиальное различие: в первом преобладают эмоциональные начала, оно оказывается более подвижным, переменчивым, расплывчатым. Общественное же мнение, напротив, за счет более сбалансированного эмоционального и рационального начал оказывается более стабильным, устойчивым, более осмысленным, идейно насыщенным, а потому «глубже и всестороннее отражает реальную действительность».[40]

В одном из своих интервью, президент Фонда «Общественное мнение» Александр Ослон, указывая на неоднозначность категории «общественное мнение», так характеризует механизм его возникновения: «Дело в том, что понятие «общественное мнение» требует отдельного разговора, причем его нужно вести уж точно после разговора о «картинах мира». Говоря очень коротко, «картина мира» человека — это все его представления о действительности. Теперь предположим, что какая-то мысль присутствует в «картинах мира» массы людей и вырывается в информационное пространство, а оттуда вновь попадает в «картины мира» массы людей (тех же и других), но уже с «пометкой», что эта мысль разделяется массой людей, да к тому же обладает высокой субъективной значимостью и требует некоторых поведенческих реакций. В этом случае высока вероятность, что в итоге действительность как-то изменится из-за поведенческих реакций

[40] Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992-2002 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 36.

людей, вызванных этой мыслью. Вот это и есть механизм общественного мнения».[41]

А. Ослон в «картинах мира» выделяет несколько структурных компонентов, имеющих массовое распространение и, следовательно, представляющих собой предметы социологических исследований общественного мнения. Во-первых, общероссийский событийный ряд, то есть события, явления, происшествия и т. д., становящиеся общим достоянием при посредстве общенациональных средств массовой информации. Во-вторых, спектр социальных проблем, переживаемых на массовом уровне как «острые проблемы». В-третьих, фигуры и персонажи, формальные структуры власти, политики, бизнеса и т. д., присутствующие на публичной информационной «сцене». В-четвертых, распространенные определения, объяснения, клишированные суждения и идеологемы, циркулирующие в данный момент в обществе. В-пятых, события, фигуры и объекты внешнего по отношению к России мира. В-шестых, базисные понятийные и символические концепты современной общественно-политической и культурной системы России. В-седьмых, существующие сегодня в «картинах мира» россиян представления об устройстве и структуре современного социального мира, о присущих ему нормах, правилах, ценностях и т. д.

«Картина мира» — это комплекс представлений человека о той реальности, в которой он живет. Это достаточно сложное понятие, включающее как рациональную, так и эмоциональную составляющие, формирующееся под воздействием множества социальных факторов, при этом в качестве одной из ключевых его составляющих можно выделить ментальность.

Не вникая в подробности, представим некую обобщенную характеристику понятия ментальности. Ментальность представляет собой скрытую, глубинную, безотчетную, неотрефлектированную часть

[41] Ослон А. Человек – "миноритарный акционер" картины мира // Отечественные записки. 2002. № 3.

общественного сознания. Субъектом ментальности является не индивид, а социум. Это сфера коллективного бессознательного, она в той или иной мере присуща всем его членам. Содержанием ментальности являются латентные ценностные ориентации; мыслительные, поведенческие, эмоциональные стереотипы; картины мира и восприятие себя в мире; всевозможные автоматизмы сознания; распространенные общественные представления или, иначе говоря, расхожие мнения и т.п. Ментальность противопоставлена идеологии как безотчетная, неотрефлектированная часть общественного сознания осознанной и теоретически обработанной. Однако четкой границы между ними нет. Ментальность и идеология могут быть представлены в виде противоположных полюсов общественного сознания, между которыми находится череда переходных форм. Ментальность отражает пройденный обществом исторический путь и может быть рассмотрена как часть культуры. Культура и традиция, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода «матрицу», в рамках которой формируется ментальность.

Общественное сознание исторически изменчиво. При этом ее составные части обладают разной степенью изменчивости: идеология может смениться мгновенно, хотя для ее широкого распространения всегда нужно время. Что касается ментальности, то она меняется очень медленно, причем в ее структуре также можно выделить более-менее стабильный «психический склад» (например, национальный характер) и динамичные «психические сдвиги», общественные настроения (например, мода). Важно заметить, что, как отмечал известный историк П.Н.Милюков, национальный характер сам есть последствие исторической жизни.

Общественное мнение не только само выполняет функцию социального контроля, о чем говорилось в п.1.1, но и являясь сложно-структурированным феноменом, включающим в себя подвижный эмоциональный компонент, само зависит от внешнего воздействия, от влияния на него различного рода социальной информации. Осознанное, целенаправленное воздействие с использованием соответствующих

технологий на общественное сознание с целью формирования необходимого общественного мнения, характеристики которого задаются эндогенно, называется манипулированием.

Манипулирование осуществляется с помощью методов подсознательного стимулирования, когда отношение аудитории к тем или иным явлениям окружающей среды формируется с помощью стандартизованных упрощённых представлений (стереотипов, имиджей, мифов, слухов), которые внедряются в поток «организованных» новостей, автоматически вызывая в массовом сознании отрицательную, либо положительную реакцию на конкретное событие.

Однако подверженность манипулированию общественного мнения не означает, что в него можно заложить любое содержание. Механизмы внушения не всегда работают одинаково. Более того, известно, что бесполезно пытаться внедрить в общественное мнение чуждые ему оценки и суждения. Сознание характеризует определенная степень «привыкания» к направленной на него информации. Социальные психологи фиксируют феномен «воинствующего нейтралитета». Его суть заключается в том, что индивиды, подвергающиеся наиболее активному целенаправленному воздействию политической информации (в частности – политической рекламы) имеют самые нестабильные и неустойчивые политические предпочтения. Чем интенсивнее манипулирующая информация воздействует на сознание индивида, тем «больше он сопротивляется ей и старается занять позицию, равноудаленную от соперничающих сторон».[42]

На различных этапах своего развития общество может быть более или менее склонно к внушению. Существует мнение, что в обществе, развивающемся по законам демократии, эффективнее действуют механизмы логического убеждения. В условии тирании, диктатуры, монархии народ, не привыкший к мыслительной деятельности, наиболее подвержен внушению. Установки молодого поколения в гитлеровской германии были изменены в

[42] Дилигенский Г.Г. Общественно-политическая психология. М.: Новая школа, 1996. С. 294.

течение 5 – 8 лет, в Советском Союзе в течение 10 лет (с 1931 по 1941 год). Различные приемы, применяемые в целях манипуляции, отрабатывались в Германии во время первой мировой войны. Например, в радиопередачах использовались приемы звукового воздействия, искусственно усиливающего агрессивные переживания толпы. Все речи Гитлера сопровождались музыкой из опер Вагнера. Тяжелая, сложная музыка оказывала гнетущее впечатление на слушателей, создавала ощущение надвигающейся военной машины. Использовался также прием «эффект заражения » людей в толпе особым эмоциональным состоянием. Трансляция по радио парадов, маршей, митингов проводилась для нагнетания массового психоза. Согласно механизму поведения в толпе, человек становится частью массы, попадает под власть страстей.

Именно такой механизм воздействия на массовое сознание применялся и чеченскими лидерами-сепаратистами – Дудаевым, Закаевым, Удуговым и др., - пришедшими к власти в начале 90-х гг. Как пишет о событиях тех лет Г.В. Заурбекова, «казалось, что все происходящее — род массового общественного безумия; люди точно сатанели, погружаясь в сомнамбулический транс. То там, то здесь вновь и вновь начинались радения зикристов, а в центре их, переходя от одного круга пляшущих к другому, высоко подбрасывая свой посох, и ловя его на лету тряс бородой самозваный дирижер, явно придурковатый человек из Алдов, провозгласивший себя прямым потомком Шейха Мансура. В ясные дни, особенно когда солнце склонялось на запад, над огромной массой митингующих месяцами людей видно было странное фиолетовое марево испарений, исходящих от плотно поевших и разгорячившихся в зикре людей. Все, кто замечал это марево над толпой, смутно догадывались, что это не к добру и быть беде непременно».[43] Исследователи, анализируя харизматическую личность генерала Дудаева, его способность влиять на толпу, отмечают, что он «обладал истероидным

[43] Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 135. М., 2000.

складом психики и мог довольно долгое время воздействовать на эмоции людей, особенно, когда они сбивались в большие митинговые толпы. С полным основанием можно сказать, что он имел незаурядные способности демагога и манипулятора».[44]

Формирование мифа является наиболее эффективным исторически сложившимся механизмом внушения. В современной ситуации «миф» представляет как собственно греческий термин (mythos- предание, сказание), так и то значение, которое было введено европейскими учеными с начала XIX века. Культурные, национальные и религиозные институты образуют мифы, которые представляют собой «систему, моделирующую в умах индивидуумов, входящих в группу, окружающий мир и его фрагменты».[45] У аудитории уже есть свое представление о действительности. Миф достраивает его и направляет в нужное русло, либо упрощая либо трансформируя действительность. Миф должен быть основан на конкретной традиции, существующей в обществе. Невозможно внедрить совершенно новые отличные ценности, противопоставляя их традиционным.

Мифотворчество естественно для общества. Общество не существует без мифа (мифа культуры, традиции своего народа). Общественное сознание настолько инертно, что правильно преподнесенная информация в форме мифа моментально внедряется в его структуру. Миф воспринимается догматически, создавая «политическую сказку» в сознании человека. Мифотворчество позволяет фальсифицировать политические события, мифологизировать политических деятелей. Осуществляемые государством памятные даты, празднование годовщин исторических событий, чествование выдающихся деятелей современности, уважение к символам тоже является способом мифологизации общественного сознания.

Миф может внедряться в сознание посредством стереотипов. Но внушение информации в форме стереотипа является также и отдельным

---

[44] Там же.

[45] Цит. по: Ферсович В. В. Использование мифов в интересах информационно-психологического воздействия. http://sociologi.narod.ru/pr/1.htm

механизмом социально-психологического воздействия на аудиторию. Стереотипы можно «навязывать» через средства массовой информации. Они формируется под воздействием двух факторов: бессознательной коллективной переработки и индивидуально-социокультурной среды, а также при целенаправленном идеологическом воздействии с помощью СМИ.

Стереотипы оказывают воздействие на формирование нового эмпирического опыта, они наполняют свежее видение старыми образами и накладываются на тот мир, который мы воспринимаем в своей памяти.[46] Хотя степень их адекватности чрезвычайно лабильна, стереотипы — преимущественно неадекватные образы объективной реальности, основанные на «ошибке» человека, по привычке принимающего предвзятое за видение. Стереотип содержит в себе оценочный элемент.

Слухи – вид информации, появляющийся спонтанно в силу существования информационного вакуума среди определенных слоев населения, либо специально кем-то распространяемой для воздействия на общественное сознание. Условиями превращения обычной информации в слухи являются то, что информация должна быть значимой и понятной для объекта воздействия, обладание этой информацией должно способствовать повышению престижа транслятора слуха.

Механизмы внушения отличаются друг от друга по качеству и времени своего воздействия. Так, формирование стереотипов рассчитано на краткосрочный период времени, создание же мифов, напротив, оказывает длительное воздействие на аудиторию.

В указанный выше период чеченской истории новоявленные руководители провозглашенной независимой Чечни использовали огромный «арсенал» средств и методов для манипулирования массовым сознанием чеченцев. Ими активно применялись как мифологизация и стереотипизация сознания чеченского народа, так и распространение слухов, создание образов

---

[46] См.: Мельник Г. С. Mass-media: психологические процессы и эффекты. СПб., 1996

«врага» и пр. Рассмотрим основные моменты этой «информационной» борьбы.

1) Официальная пропаганда героизировала и романтизировала своих лидеров, несмотря на то, что многие из них в недавнем прошлом имели по несколько судимостей. Их портреты красовались в витринах магазинов, в окошках кассиров, на стеклах автомашин, повсюду появлялись надписи типа «Джохар — это сила и совесть народа».

2) Создание мифа о генерале Дудаеве. Проведение аналогий между имамом Шамилем и Дудаевым. Г.В. Заурбекова отмечает, что он (Дудаев) «вопреки льстивой, угоднической мифологии, не был воплощением чеченской ментальности. Он уехал из Чечни в юности и вернулся перед пенсией». Более того, О Дудаеве распускали слухи, что он послан провидением с миссией спасти чеченцев. Находились даже такие, которые лично видели, как он приземлялся в Чечне в сопровождении ангелов на белом коне.

Заурбекова Г.В. приводит пример не только неверия, но и открытого обличения таких циничных попыток манипулирования массовым сознанием. Она указывает, что еще в 1993 г. депутат разогнанного Дудаевым парламента по имени Салаудди Турпалов, учитель из Мескер-Юрта, сумевший каким-то образом прорваться на ТВ, буквально криком кричал на всю республику: «Чеченцы! Опомнитесь! Вас ведут в пропасть! Остановитесь пока не поздно! За кем Вы пошли? Дудаев человек без роду и племени, он не только не чеченец, но и не мусульманин! Он не жил в Чечне и не знает не только наших обычаев, но и языка чеченского. Не допускайте, чтобы нас унижали травлей русских братьев».

3). Использование так называемого «этнического манипулирования». Этническое манипулирование проходило через определенные ступени: сначала население доводили до истероидного состояния, актуализируя его непроясненные инстинкты путем напоминания ему старых национальных обид и ущемлений, а затем раскаленные таким образом общественные

страсти операционально подталкивали к определенным шагам, имитируя борьбу за восстановление «исторической справедливости». И, наконец, третий этап — это лигитимизация любых насильственных действий протестных групп, совершаемых во имя установления исторической справедливости. Избивали, например, потомков религиозных авторитетов, и это оправдывалось величием цели национального освобождения, против которого якобы выступали потомки; убивали русских «шпионов и диверсантов» — опять во имя все той же возвышенной цели. Потом стали совершать насилия против русскоязычного населения — ничего, дескать, это им история платит отмщением и не смейте заступаться за русских».[47]

Цинично, сознательно разжигалась межнациональная рознь. Технология этого манипулирования была грубой и примитивной, рассчитанной на первобытные инстинкты. Чеченские лидеры пытались вывести наружу, актуализировать такие внутренние бессознательные (подсознательные) импульсы этнофобии, которые никак не давали о себе знать в относительно спокойное, мирное время. Публично высказывалось, например, обвинение, что русскоязычная интеллигенция специально затрудняла чеченцам получение образования, держала их в темноте и невежестве, чтобы легче было их эксплуатировать. Национальная рознь, ненависть к российскому населению объявлялась извечной, имеющей якобы глубокие исторические корни. Причем под эти утверждения «подводилась» «научная» база: проводились параллели между кавказскими войнами с Россией, продолжительность которых новоиспеченные историки «довели» до 400 лет, и событиями конца XX в.; утверждалось, что генетически русско-чеченские отношения покоились якобы на извечной вражде наподобие арабо-еврейской, азербайджано-армянской и др.

4) Одним из направлений «этнического манипулирования» явилось конструирование новой чеченской идентичности, в основных своих моментах представленной в тексте Декларации о государственном

[47] Там же.

суверенитете, принятой в ноябре 1990 г. при Завгаеве, и в Декларации чеченского народа (июль 1991 г.). Она была основана на образе народа-изгоя и народа-борца. Как указывает В.А. Тишков, на первом месте стояла «историческая несправедливость» в отношении чеченцев, которую пришло время исправить. «Причем современные чеченцы представлялись как дискриминируемые, переживающие «этноцид»… Тема депортации и неимоверных страданий стала главной в чеченской публицистике, литературных упражнениях местных писателей, а позднее и в молодежной попсе военного времени…».[48]

Здесь следует внести некоторое уточнение. Речь идет не о полном отрицании истории, замалчивании трагических событий в судьбе целого народа. Речь идет о недопустимости спекуляций, использовании трагедии в целях разжигания межнациональных распрей, приводящих к новой трагедии. Мы согласны с позицией В.Х. Акаева, что «сокрытие правды о депортации, репрессиях, насилии, совершенных и совершаемых государством в отношении своих граждан и целых народов, негативно скажется на формировании гражданской позиции подрастающего поколения. Ведь через знание прошлого можно успешно противостоять насилию власти, и предостеречь молодежь от ошибок старших».[49]

5) Создание мифа о чеченцах как самом свободолюбивом, самом отважном, самом храбром, самом легендарном народе. Джохар Дудаев, отвечая на вопросы турецких журналистов после встречи с президентом Турции Тургутом Озалом (октябрь 1992 г.), так высказался о независимости Чечни: «Мы уже 300 лет ведем борьбу за независимость. И только год живем с ней. Очень высока цена этой независимости. Чеченцы прирожденные бойцы. Но в истории нет ни одного факта, чтобы мы напали на какую-либо из стран, хотя были притязания на наши земли. Умереть в бою за счастье своей Родины - великая честь. Это тоже часть нашей жизни. Мы должны

[48] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. С. 147.
[49] Акаев В.Х. Ложные сентенции о чеченской интеллигенции на московской конференции. // ГУМС. Гудермесская общественно-политическая газета. 2002. 9 мая.

победить в своей борьбе».[50] Это не была идеализация, это была грубая, примитивная, дурманящая лесть, рассчитанная на то, чтобы опьянить ею и заставить делать то, чего добивался льстец, т.е. заставить воевать и тем погубить себя.

Справедливости и объективности ради необходимо отметить, что в русскоязычной литературе, под воздействием которой в том числе формируются образы и мифологемы, закрепляемые потом в массовом сознании россиян, «литературная» репутация чеченцев ставит их в особое положение в ряду кавказских народов. Образ народа непосредственно связан с кавказской поэзией М.Ю. Лермонтова:

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война.
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных.
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей.
Там поразить врага –
на преступленье,
Верна там дружба,
но вернее мщенье.
Там за добро – добро,
и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.
(«Измаил-Бей»).

Или знаменитая «Казачья колыбельная», которая стала классикой в определении образа чеченского воина:

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал,

[50] Генерал Джохар Дудаев: Урегулирование конфликта возможно, если прекратить агрессию (из интервью разных лет). // Наш Дагестан. Республиканский общественно-политический и культурно-исторический журнал. "№174-175. Январь-март. 1998. С. 30.

Злой чечен ползет на берег,

Точит свой кинжал.

И хотя великий русский поэт с уважением и любовью относился к Кавказу и его жителям, в массовом сознании закрепился соответствующий стереотип горца. На степени его соответствия национальному чеченскому характеру мы остановимся позже.

6). Насаждение представлений о том, что имамат Шамиля является традиционной формой государственной, религиозной, политической и правовой самоидентификации чеченского народа, предельно аутентичной его политико-правовой ментальности.[51]

7) Насаждение настроений подозрительности и страха. Так, по свидетельству очевидцев, одним из излюбленных приемов Дудаева в общении с народом было «многозначительное» утаивание крайне важной информации: «То сообщит, бывало, что ему стало известно о готовящемся отравлении источников воды, то землетрясение предсказывает. Под городом-де расположено захоронение радиоактивных отходов; вследствие движения грунта они переместятся, выйдут наружу, и весь народ погибнет; то на бактериологическое оружие намекает, которым-де решили извести чеченцев».[52]

8) Широко использовались в манипуляции общественным сознанием чеченцев и средства массовой информации. Так, после каждого тревожного сообщения по ТВ, как правило, показывали браво марширующих гвардейцев генерала Дудаева, которых несостоявшийся бард революции, некто Хасик Зипукаев, называл «рыцарями свободы».

«Не сходили с телеэкранов не только Удугов, но и его «брательники»: один — врач-психиатр, срочно переквалифицировавшийся в политолога. Этот на ваххабитские деньги открыл в республике исламские центры и,

---

[51] См.: Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов н/Д: РЮИ МВД РФ, 2003.

[52] Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. Серия «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» Института этнологии и антропологии РАН. Документ № 135. М., 2000.

пользуясь нищетой народа в послевоенной Чечне, завлекал в эти центры подростков предложением бесплатного обучения на компьютере… Он выступал буквально по всем проблемам политологии, религии, философии, истории, в общем, корифей всех наук. И всегда — ложь, перевирание истории, псевдосенсации, когда общеизвестные факты подаются как самоновейшие открытия бывшего психиатра».[53]

Монополизировав СМИ, введя запрет и жесткую цензуру на инакомыслие, режим Дудаева начал осуществлять тотальное информационное насилие над чеченским обществом. Телевидение в Чечне, как отмечает Гакаев Д., стало своеобразным психотронным оружием.[54]

Пожалуй, нигде так зловеще не проявлялась практика манипулирования общественным сознанием, как на массовых митингах. Эта эпидемия охватила все население — забросили даже хлебопашество, уход за скотиной; забыли все домашние хлопоты — дневали и ночевали на митингах, которые были объявлены вообще бессрочными. Митинг на главной площади длился несколько месяцев. Все это время участникам митинга, его активистам раздавали то мыло, то стиральные порошки. Куда-то в укромные уголки привозили водку, еще более скрытно снабжали наркотиками. Позднее стали раздавать деньги.

9) Дилетантизм, подкрепляемый демагогией и многозначительными высказываниями, опирающийся на силу власти и оружия. Общая национальная программа сепаратистов, как она вырисовывается из программы Вайнахской демократической партии Яндарбиева, весьма примитивная, убогая; это скорей поджигательные кличи и программные лозунги, рассчитанные на люмпенскую и маргинальную публику. В первую очередь, именно эти группы сплачивались и объединялись вокруг сепаратистов. Эта пропаганда лжи и насилия, национальной исключительности и несвойственного чеченцам пренебрежительного

---

[53] Там же.

[54] См.: Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. М., 1997.

отношения к другим народам нанесла страшный урон традиционной чеченской культуре.

10) Использование лояльных религиозных течений, устранение, опорочивание и клевета на нелояльных. Дудаевцы ссылаясь на некие архивные материалы через СМИ, попытались опорочить память глав суфийских общин Накшбендийского тариката конца прошлого и начала нынешнего века и их потомков, которые еще со времен Кавказской войны занимали прорусскую позицию, приписывая им сотрудничество с властями и спецслужбами.[55] Сам Дудаев, пытаясь использовать лояльные режиму религиозные течения, практиковал зикристские радения и призывал добросовестно блюсти предписания религии, намекая, что сам он соблюдает их ревностно и без устали. Однако при этом демонстрировал незнание и невежество в вопросах самых азов мусульманства: «правоверному мусульманину следует совершать троекратный намаз в сутки», - всенародно утверждал генерал.

Эффективность механизмов внушения напрямую связана с состоянием общества на момент времени, прибывает ли оно в состоянии стабильности, либо наоборот. Более того, для укоренения в массовом сознании стереотипов и мифов необходимо и наличие определенных предпосылок, как связанных с состоянием общества, так и непосредственно этим состояние не определяющихся. Остановимся на наиболее важных, на наш взгляд, таких объективных предпосылках манипулирования массовым сознанием в Чечне в начале 90-х годов.

Ситуация в конце 80-х – начале 90-х годов характеризуется тяжелейшее обострение экономической кризиса, подавляющее большинство трудоспособного населения было охвачено безработицей. Тому имеются как объективные причины, так и субъективные. Как указывает чеченский историк Джабраил Гакаев, чеченский кризис имеет социальные корни и

[55] См.: Акаев В.Х. Суфизм или ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999; Ислам и политика на Северном Кавказе. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИиП ИППК при РГУ. Вып. 1. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ , 2001.

напрямую связан со спецификой социально-экономической и культурной модернизации Чечено-Ингушетии в годы Советской власти.

«Итоги модернизационных процессов в ЧИР, - отмечает Д.Гакаев, - теперь общеизвестны. Отметим главное: значительное отставание чеченского народа от многих других народов России. Оно проявляется в высокой рождаемости, ведущей к преобладанию в популяции людей нетрудоспособных возрастов; в численном преобладании сельских жителей над горожанами; в сравнительно невысоком уровне образования (в 1989 г. на тысячу чеченцев приходилось людей с высшим образованием в 5-7 раз меньше, чем на такое же число коренных жителей в северо-кавказских республиках); в деформированной социально-профессиональной структуре, включающей повышенную долю работников сельского хозяйства и сферы услуг при отсутствии национального отряда индустриальных рабочих, синих и белых воротничков; в самом низком уровне жизни (среди республик бывшего СССР) уровне жизни и самых высоких детской смертности и заболеваемости туберкулезом; в самом высоком проценте безработных (среди трудоспособных чеченцев он достигал почти 40%) и рекордное число (100 тысяч в год) отходников».[56]

Отнюдь не сглаживала, а напротив, усугубляла положение дел и кадровая политика. В отличие от других национальных республик в ЧИР номенклатурная прослойка из числа чеченцев и ингушей была крайне малочисленной. Таким образом, «политика русификации, незавершенность процесса формирования нации, отсутствие подлинно национальной духовной и политической элиты (она была уничтожена в 20 – 40 гг. и только формировалась) дополняют картину советской модернизации в Чечне».[57]

Маргинализация, криминализация населения, расцвет контрабандной торговли оружием, нефтью, наркотиками – всё это характеристики тех реальных процессов, которые полным ходом шли в первые годы чеченской

[56] Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. М., 1997. С. 173.
[57] Там же. С. 173.

независимости. «Эти люди привнесли в чеченское общество ранее невиданные, немыслимые в вайнахской среде элементы новой псевдокультуры. Ее носителем стал новый тип вайнахского люмпена».[58]

Как с болью констатирует Г.В. Заурбекова, Чечня в это время превращается в отстойник для криминальных элементов со всей страны. «Чечня стала испытательным полигоном для международной мафии по одной-единственной причине - из-за своей независимости де-факто и «зависимости» де-юре».[59] Но пути контрабанды пролегают через Россию и не прерываются даже в пору самой жестокой блокады республики. Безвластие федерального центра, развал СССР, прямое попустительство со стороны федеральных властей позволили в полной мере реализовать принцип вседозволенности. Как указывает Д. Гакаев, выражая общее мнение как чеченской интеллигенции, так и большей части простых чеченцев, криминализация Чечни не имеет ничего общего с национальными особенностями чеченского народа. Такие же процессы протекают на всём постсоветстком пространстве.

Таким образом, в период кризисной ситуации в структуре общественного мнения усиливается воздействие эмоционального компонента в ущерб рациональным, происходит примитивизация и категоричность оценок, нарастает воздействие стереотипов, которые выступают уже не неким стабилизирующим, но во многом деструктивным фактором, происходит мифологизация сознания. Использование методов манипулирования массовым сознанием в условиях кризисной ситуации, приводит к тому, что общественное мнение обретает искаженный характер и незрелые формы, а функция социального контроля утрачивает свое значение, уступая место его насильственным формам и усиливая девиантные тенденции в обществе.

---

[58] Там же. С. 180.

[59] Воронин Д. За счет чего жила Чечня? // Огонек. 2002. 23 февраля.

Несомненно, что на общественное мнение влияет не только изменения самого объекта (явлений реальной действительности и духовной сферы), но и характеристика субъекта общественного мнения. Одной из важнейших составляющих общественного мнения, как было показано выше, является менталитет социума, имеющий в контексте нашего исследования национально-этническую окраску. Остановимся подробнее на характеристике социальной ментальности чеченцев. И хотя этот вопрос крайне сложен, требует «тонкого» подхода, но без него невозможно проведение последующего анализа динамики общественного мнения.

ГЛАВА 2. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧНИ В ПЕРИОД ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

2.1 Социальная структура чеченского общества и общественное мнение: диалектика взаимосвязи

Одним из ключевых моментов в понимании нынешней ситуации в Чечне является обращение к истории взаимоотношений России и Чечни. Так, профессор Дж. Гакаев отмечает, что «истоки современного российско-чеченского конфликта коренятся в истории русско-чеченских отношений, в которых, по мнению профессора Я. Ахмадова, можно условно выделить пять этапов».[60] Кратко вышеотмеченные этапы, выделяемые Я. Ахмадовым, можно охарактеризовать следующим образом:

«Первый этап, продолжавшийся до конца 17 века, характеризуется вассально союзническими формами отношений московских царей с горскими князьями…

Второй этап, длившийся приблизительно весь 18 век, отличается открытой военной экспансией России на Северном Кавказе…

Третий период – 1850-1859 гг. – является периодом кризиса и падения единого государства горцев Чечни и Дагестана…

Следующий, четвертый этап, в российско-чеченских отношениях связан с установлением советской власти в Чечне. Осенью 1919 г. шейх Узун-Хаджи провозгласил Чечню и Северо-Западную часть Дагестана «Северо-Кавказским эмиратством…».[61]

В последующем данный подход к российско-чеченским отношениям лег в основу т.н. теории «чеченского конфликта», разработанную Институтом анализа и управления конфликтами и стабильностью под руководством председателя Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ (третьего созыва) В.Ю. Зорина, профессора Э.И.

---

[60] Гакаев Дж. Очерки политической истории Чечни (20 век). М., 1997. С. 42.
[61] Чеченский конфликт. М., 1996. №10. С. 7-8.

Скакунова и др. Так, в ряду причин трагических событий последних пятнадцати лет в Чечне они акцентируют внимание на том, что «… корни совпавшего с началом перестройки очередного, пятого, этапа российско-чеченского конфликта уходят в историю взаимоотношений Чечни и российского государства… В чеченском обществе, где каждый член которого является равноправным лишь только в том случае, если он сохраняет память о своих предках хотя бы до седьмого колена, идеи Мансура и Шамиля не могли не стать реальным политическим руководством для ныне живущих поколений».[62]

Необходимо отметить, что далеко не все согласны с таким «конфликтологическим» подходом. Так, исследователь чеченского общества С.А. Дауев в категоричной форме возражает против вышеназванной теории «чеченского конфликта», утверждая, что «…очевидна научная несостоятельность и практическая вредность данной концепции. Она, прикрываясь наукообразностью, передергивая исторические факты и события, ловко скрывает основные действующие силы в кризисных ситуациях, переводит действительной противоречие тысячелетней давности между потомками турецкой и персидской династий Хазарского каганата, обострившееся в конце 18 и начале 19 вв., в русско-чеченское противоречие. Ее основной вред состоит в том, что она позволяет говорить о некоей конфликтной запрограммированности в характере чеченского народа, ее неотвратимости, неизбежности, периодической регулярности».[63]

Сам Дауев С.А. отстаивает принципиально другой подход, доказывая, что у чеченцев с древнейших времен отношения дружбы, компромиссов и поиска согласия всегда превалировали во взаимоотношениях с соседними народами и особенно в русско-чеченских отношениях, а за конфликтами, возникавшими здесь, стояли внешние силы, маскировавшиеся под различными лозунгами: газавата, суверенитета, свободы и т.д. С.А. Дауев

---

[62] Там же. С. 7-8.

[63] Дауев С. Чечня: коварные таинства истории. М.: Русь, 1999. С. 176.

предлагает альтернативную версию периодизации русско-чеченских отношений и на этой основе в противоположность теории «чеченского конфликта» выдвигает концепцию «компромиссов, согласия и союзнических соглашений».

Признавая право на существование как первой, так и второй точки зрения, необходимо тем не менее сделать следующее замечание. Само рассмотрение российско-чеченских взаимоотношение сквозь призму конфликтологических теорий закрепляет в общественном сознании конфликтные установки, делает конфликтность отношений нормальным состоянием, в то время как периоды мирного сосуществования и взаимодействия скорее выглядят в рамках такого подхода как отклонения от нормы. Однако и иной подход также отнюдь не лишен крайностей. В рамках т.н. концепции «компромиссов, согласия и союзнических соглашений» Дауева чеченский народ представляется жертвой «коварного обмана и предательства со стороны тех, кто инициировал противостояние Москвы и Чечни», а суть нынешнего общественно-политического кризиса в Чечне глубоко в истории геополитического противостояния Киевской Руси, Персии и Турции в конце 9 – начале 10 вв.

При таком подходе образ чеченского народа-жертвы также искажает отражение реальности в общественном сознании и, как следствие, приводит к утрате общественным мнением одной из своих важнейших функций – функции социального контроля. Кстати, об этом говорит и сам автор концепции, отмечая, что народ Чеченской республики (чеченцы, русские, армяне и т.д.) с начала «чеченского» кризиса не мог высказать свое мнение ни по поводу «суверенитета», ни по поводу власти, ни по поводу военных операций и т.д. «Чеченское общество, растерзанное, разрозненное изнутри, не имеющее рычагов и механизма выражения своего мнения, начиная с осени 1991 года переживало тяжелые испытания. С началом войны народ был

обречен на интенсивное уничтожение, и говорить о том, чтобы подать свой голос о происходящем, вовсе не приходилось».[64]

Действительно, говорить об открытом проявлении общественного мнения в период вооруженного конфликта, в период проведения военных действий на территории республики не приходится. Однако и формирование из любого (не только чеченского) народа образа невинного младенца, жертвы постоянных заговоров – это, на наш взгляд, унижение достоинства этого народа, лишение его не только ответственности за возможные неправые деяния его представителей, но и чувства гордости за его успехи и достижения.

Говоря об этнической идентификации чеченского народа, известный этнолог Ян Чеснов отмечает, что название этого народа часто соотносят с теми или иными положительными или отрицательными человеческими качествами, «…народ превращают в категорию социальных маргиналов, делая их исконными врагами общественного порядка или других этносов. Но чеченцы ведь просто народ, такой же как десятки и сотни других, населяющих нашу планету. Говоря научным языком, это – этническая общность. Ни хорошая, ни плохая, но имеющая внутренние механизмы своего устройства и способная отличать себя от других общностей».[65] Остановимся несколько подробнее на анализе структуры, функциях и механизмах существования чеченской этнической общности.

Простейшим, элементарным субъектом традиционных внутриполитических отношений у вайнахов никогда не выступает отдельно взятый индивидуум, человек, гражданин, как это есть сегодня в большинстве современных государств. Напротив, индивид-атом, изолированный человек вызывает у вайнахов откровенное презрение. Когда чеченцы хотят обидеть кого-нибудь, подчеркнув при этом отсутствие связи с более крупной социальной общностью, то обычно они говорят: «Цу стеган тайпа а, тукъхам

---

[64] Дауев С. Чечня: коварные таинства истории. М.: Русь, 1999. С. 178.

[65] Цит. по: Осмаев М., Алироев И. История и культура вайнахов. М.:Academia, 2003. С.301.

а дац» («У него нет ни рода, ни племени»). В основу этносоциальной организации вайнахской общины положено сверхиндивидуальное начало. Простейшим элементом общины является так называемая малая семья - доьзал. Группа таких семей образует «большую семью» или кровнородственный клан, состоящий из потомков единого предка в седьмом колене по мужской линии. Такие кланы в чеченском языке носят название «вар», что означает происхождение, или «вар-ху» - семя происхождения.

В западных источниках по юридической этнологии такая система получила название патрилиниджной (то есть основанной на линиях родства по отцу), в отечественных - патронимической (то есть основанной на наименованиях по общему отцу), или фамильно-патронимической.[66] В более или менее выраженном виде она свойственна всем народам Северного Кавказа. Различия зафиксированы лишь в количестве звеньев и привязке тех или иных общественных институтов к определенным звеньям организации. Например, экзогамия, кровная месть, судебная власть и т. д. могут быть прерогативой лишь патронимии первого порядка, а могут - и самого высокого порядка, т. е. фамилии.

Группа генетически родственных друг другу варов образует тайп. Чеченский народ сегодня делится примерно на 165-170 тайпов, из них около 100 горных и 70 равнинных. Исторически горные тайпы считаются более древними и престижными, чем равнинные.

Каждый тайп занимает свою особую территорию и имеет тайповую гору, ему принадлежит тайповая башня, возведенная его родоначальником. Наличие такой башни позволяло людям считать себя коренными жителями страны вайнахов. Также тайп имеет отдельные тайповые кладбища, где хоронят только членов данного тайпа.

Во главе каждого тайпа стоит свой руководитель - старейшина (по чеченски - тхъамада). В чеченских "Адатах" отмечается: «Старейший в роде

---

[66] См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963; Першиц А. И. Первобытность и классовые общества / История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988 и др.

выбирался обыкновенно, чтобы быть посредником или судьею в ссорах родственников...».[67] Старший в роде был отцом фамилии, ее наставником и начальником. В случае спора двух фамилий, старшие в роде советовались, как уладить дело, условливались, и никто им не противоречил. Несмотря на это, со временем власть отдельных старейшин была ограничена, и они утратили былое влияние на управление фамилией. Функции старейшины постепенно стали переходить к совету старейшин, представлявшему сразу несколько тайпов, а также к военным предводителям - бячча.

Кроме тьхаманда и бячча, каждый тайп имел свой совет старейшин, являвшийся верховной властью в роде. В его функции входили выборы и смещение руководителя рода и военачальника, принятие решения о кровной месте или выкупе и т.д. Все члены совета были уравнены в правах, в его работе могли участвовать только мужчины. Более того, к обсуждению тайповых дел допускался любой член рода, имевший право на выражение своего мнения. После принятия решения старейшины возвращались домой и объявляли фамилиям результаты обсуждения, заставляли клясться свято исполнять их.

Следующий уровень национальной иерархии чеченцев - это племя, тукъхам, объединяющий тайпы, живущие друг с другом в географическом соседстве. Термин «тукъхам» переводится как «семя, яйцо»[68], в иных интерпретациях означает «опора нации», буквально – «бык нации».[69] Исторически у чеченцев сложилось девять тукъхамов, что получило свое отражение в государственном символе Чечни, на котором изображены девять звезд.

Чеченский тукъхам - это своего рода военно-экономический союз определенных групп тайпов, не связанных между собой кровным родством,

---

[67] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. С. 79.

[68] Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 15.

[69] Н у х а е в Х.-А. Евразия между атлантическим и эсхатологическим концом истории / Ведено или Вашингтон? М., 2001. С. 184.

но объединенных в иерархически более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена. Тукъхам занимал определенную территорию, которая состояла из фактически заселенной им местности, а равно и окружающего района, где тайпы, входившие в тукъхам, занимались охотой, скотоводством и земледелием. Каждый тукъхам говорил на определенном диалекте одного и того же вайнахского языка.

Во главе тукъхама, в отличие от тайпа, не было официального главы или военачальника (бячча). Управление тукъхамом было сосредоточено в руках старейшин (тукъхамного совета), состоявшего из представителей всех тайпов, входивших в данный тукъхам на равных по положению и почету правах. Тукъхамный совет имел право объявлять войну и заключать мир, вести переговоры с помощью своих и чужих послов, заключать военные, политические, экономические и т.д. союзы или же разрывать их. Кроме того, он ведал разрешением межтайповых споров и разногласий, а также защитой интересов как отдельного тайпа, так и всего тукъхама в целом. Вместе с тем тукъхам как орган управления не имел каких-либо функций управления, принадлежавших тайпу, и тем самым ограничивавших его.

Союз девяти тукъхамов вместе с тайпами, не входящими в тукъхамы, образуют нохчи къам - чеченскую нацию.

В системе самоуправления большое значение имело народное собрание Мехк-Кхел - Совет страны, являвшийся традиционным институтом власти и объединявший когда-то в своем составе представителей всех кавказских народов, в первую очередь, горских. Впоследствии, с отходом кавказских народов от традиционных форм организации общества и с зарождением у них государственности, данный институт сузил свои управленческие функции до масштабов единственной нации, сохранившей родоплеменной уклад жизни - чеченцев. Мехк-Кхел был одним из самых авторитетных органов власти вайнахского общества. Главной функцией этой древней организации являлось разрешение внешних и внутренних вопросов жизни

общины. Структурно Мехк-Кхел состоял из двух палат: Верхней палатой тукъхамов - Лорисс, представленной девятью лидерами тукъхамов, и Нижней палатой общин, представленной главами тайпов - Тайпандай.

Одним из самых ярких проявлений фамильно-патронимической солидарности чеченской общины на всех ее уровнях является обычное право - адат, принцип коллективной ответственности и тесно связанный с ним институт кровной, или родовой мести.

Чеченские адаты относительно немногочисленны и призваны регулировать три вида взаимоотношений: человека с природой; человека с человеком; человека с Богом. В своей основе адаты исходят из принципа коллективной ответственности, обращенного к специфическому этносоциальному субъекту - тайпу. Общинная ответственность - это фундамент родоплеменного строя чеченской нации, из которого, произрастает принципиальное отрицание чеченцами всех видов государственной или индивидуальной ответственности, бумажного законодательства, механического правосудия.

С принципом коллективной ответственности очень тесно связан институт кровной мести. Если в системе государственных отношений возмездию подлежит исключительно прямой виновник преступления, то у чеченцев до сих пор нормативной силой обладает адат, допускающий месть не только «обладателю виновной руки», но и его близкому родственнику. По чеченскому адату все личные обиды и важнейшие преступления (убийство, насилие) не подлежали судебному разбирательству. Согласно обычаю канлы, родственник убитого должен был убить убийцу или кого-либо из его родных. Это воспитывало у вайнахов особый правовой менталитет, особую правовую культуру и этику, когда каждый чеченец чувствовал свою принадлежность к соответствующему этнополитическому субъекту не абстрактно, но напротив, очень конкретно.

Именно принцип коллективной ответственности и институт кровной мести являлись факторами, препятствовавшими имущественному и

социально-экономическому расслоению в чеченском обществе. Институт родовой мести может эффективно функционировать только при равенстве всех членов общины, нарушение этого принципа естественным образом всегда вело к ослаблению родоплеменной иерархии, имущественному расслоению, социально-экономическому неравенству.

Огромное влияние на структурно-функциональные особенности чеченского общества оказал процесс исламизации. Среди ученых нет единого мнения, когда чеченские тайпы перешли в ислам. Одни авторы склонны относить эти события к XV веку, другие же считают, что ислам достаточно широко распространился в регионе лишь в XVIII веке.[70] В любом случае бесспорен тот факт, что распространение ислама на Кавказе, и особенно среди вайнахских племен, шло неравномерно и испытывало подчас жесткое противодействие с их стороны.

В Чечне процесс исламизации шел значительно медленнее, чем в Дагестане, что в основном было связано с особенностями родо-племенных отношений у вайнахских племен. В итоге у вайнахов наряду с этносоциальной иерархией сформировалась параллельная этнорелигиозная, серьезно повлиявшая на всю структуру этнополитических сообществ Чечни.

Этноконфессиональная структура чеченской общины может быть описана следующим образом:

- сельская умма (мюриды) одного вирда во главе с муллой;
- вирд во главе с устазом;
- тарикат - содружество нескольких вирдов во главе с шейхом;
- суфийское сообщество тарикатов;
- единая мусульманская умма.

Устаз - это не мулла, не мусульманский священник, читающий молитвы. Устаз - это святой, дословно: просветленный, богоизбранный,

[70] См.: Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов-на-Дону, 2003.

который является для мюрида посредником между ним и Всевышним и ответчиком перед Всевышним за образцовое поведение своего мюрида.

Устазу суфии поклоняются наряду с Аллахом и пророком Мохаммедом, почитают в своих зикрах (молитвах), посещают их зияраты (места захоронения), что принципиально отличает традиционный суфийский ислам от так называемого чистого ислама (в том числе ваххабитского), исключающего культ святых, и сближает с народными чеченскими верованиями.[71]

Последователи каждого определенного устаза - мюриды - объединены в вирды, или секты. Каждый мюрид клянется в верности своему вирду, обязуется выполнять его волю. Создается своего рода орден, братство, живущее по своим специфическим духовным канонам, независимо от официального духовенства. В Чечне насчитывается около тридцати двух вирдовых братств, объединенных в два крупных суфийских тариката - Накшбандийа и Кадирийа. При этом Кадирийа и Накшбандийа - это не только два тариката, различных по обрядам. За каждым из них стоит своя специфическая политико-правовая программа. Их конфликт впервые открыто проявился на последних этапах Кавказской войны, когда более древний тарикат Накшбандийа был использован имамом Шамилем для формирования в подвластных ему районах Чечни и Дагестана системы управления как своего рода военно-родовой теократии. После поражения и сдачи в плен Шамиля авторитет Накшбандийа резко упал и начался переход мюридов в Кадирийа. После Кавказской войны шейхи Накшбандийа в большинстве своем заняли прорусскую позицию, а вирды Кадирийа как в имперское, так и в советское время оставались вне закона.

Особо сильный импульс к развитию Кадирийа получил после депортации чеченцев в Казахстан 23 февраля 1944 года. В 50-е годы в Целиноградской области Казахской ССР среди выселенных туда чеченцев

---

[71] См.: Акаев В.Х. Суфизм или ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999.

образовался самый молодой и радикальный из вирдов Кадирийа - вирд Вис-Хаджи Загиева. Во время ссылки в Казахстан семьи Дудаевых старший брат Джохара - Бекмураз - примкнул к вирду Вис-Хаджи Загиева и впоследствии являлся членом группы устазов этого вирда. Именно поэтому Д. Дудаев сделал ставку на этот самый молодой и крупный вирд кадирийского тариката в Чечне. Совет старейшин был сформирован в основном из вирда Вис-Хаджи Загиева и других вирдов Кадирийа. Устазы Накшбандийа были объявлены «осиным гнездом КГБ», а последователи Вис-Хаджи Загиева - наиболее верными и преданными сторонниками национальной идеи.[72]

Эта поляризация двух чеченских тарикатов прямо проецируется на современное положение вещей в Чечне. Если сравнить карту расположения вирдов Накшбандийа по данным на 80-е годы XX века с основными очагами оппозиции режиму Дудаева (опорный пункт Гантемирова - Урус-Мартан, а также Толстой-Юрт и весь Надтеречный район), то мы убедимся, что они практически полностью совпадают.[73]

Таким образом, в Чечне были сформированы этнорелигиозные структуры, не уступающие по силе уз, связывающих их членов, кровнородственным организациям. Можно утверждать, что степень исламизации, которую претерпели чеченские тайпы, сформировала их правовую систему (соотношение между шариатом и адатами). Шариату не удалось до конца преодолеть обычное право вайнахов.

Необходимо подчеркнуть, что у чеченцев никогда не было собственной, автономной системы легального, нормативного регулирования, аналогичной государственной, государства как политического института, государства как такового. Причем формальные государственно-правовые

---

[72] См.: Акаев В.Х. Суфизм или ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999; Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России, М., 2000; Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2001; Малашенко А.В. Исламский мир СНГ. М, 1996 и др.

[73] См.: Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов-на-Дону, 2003. С. 41.

институты у вайнахов отсутствовали не только на ранних этапах их существования, но и по сей день.

При этом у чеченцев сложилась и существует по настоящее время очень устойчивая и специфическая политико-правовая модель традиционного устройства общины, по целому ряду важнейших параметров, несводимая к общепринятому понятию «государство»: родоплеменная (тайпово-тукъхамная) и этнорелигиозная (вирдовая) организации вайнахского этноса на основе полиюридических норм адата и шариата. При отсутствии права и государства в общепринятом смысле у чеченцев сформировались их альтернативные проекты-заместители, образующие в своей совокупности политико-правовую систему, которую, с известными оговорками, можно назвать этнонациональной государственностью. Этому соответствует свой специфический этнонациональный менталитет чеченцев.

По мнению ряда ученых,[74] попытки обрести так называемую чеченскую государственность оказывались на поверку экспансированными извне, несовместимыми с традиционной чеченской ментальностью, оборачивались для вайнахов национальной трагедией, деградацией и разложением культурной самобытности. Как отмечает Х.-А. Нухаев, «чеченцы представляют собой нацию, являющуюся организмом, живой системой, которая содержит в себе систему эффективного управления, и основой которой являются кровнородственные объединения, из которых вырастает вся иерархия ее естественной структуры».[75]

Представленный структурно-функциональный анализ чеченского общества нуждается в следующем уточнении. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что за период происходивших в течение двух столетий государственнических преобразований в Чечне сформировался огромный пласт граждан, мыслящих в категориях государства и права, индивидуальной ответственности, светского законодательства. Их уже нельзя назвать

---

[74] См., напр.: Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов-на-Дону, 2003

[75] Н у х а е в Х.-А. Российский цугцванг и русские парадоксы // Ведено или Вашингтон? М., 2001. С. 99.

представителями автохтонной вайнахской этнонациональной государственности.

Как отмечает Э. Хасмагомадов, «реально тайповое родство уже не имеет почти никакого значения в быту, а в политической жизни – тем более».[76] Некоторые авторы утверждают, что чеченский тайп перестал существовать как социальная организация уже к концу XIX века. Это было связано, прежде всего, с тем, что его социально организующие функции взяло на себя государство. «Часть функций тайпа (которые, в общем-то, и раньше считались тайповыми номинально, как, например, кровная месть) перешла к патронимии, часть к новым сельским общинам...»[77].

Разложению тайпа и исчезновению его как реальной социальной категории способствовали следующие причины:

1. рост внутренних противоречий и несоответствие тайпа как социального института новым социально-экономическим реалиям;
2. отсутствие необходимости в социально организующих функциях тайпа в связи с появлением государственных учреждений (имамат Шамиля, царская администрация и т. д.);
3. нарушение принципа единой территории тайпа;
4. отсутствие единых экономических и политических интересов у различных патронимических групп тайпа в связи с нарушением принципа единства территории;
5. принятие патронимией на себя функций, определяемых особенностями национального менталитета, прежде всего кровной мести.

Чеченский тайп из социальной организации превратился в категорию мифологическую, в категорию нравственного порядка. И как категория мифологическая тайп становится в представлении чеченцев идеальной организацией всеобщего равенства и справедливости.[78]

---

[76] Хасмагомадов Э. Трансформация социальной структуры и формирование политической элиты чеченского общества. // Вестник ЛАМ. 2000. № 3.
[77] Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии. // Вестник ЛАМ. 2001. № 3.
[78] Там же.

Интерес к тайпу, к тайповой организации всегда усиливался в периоды ослабления государства. Характерным это было и для начала 90-х годов в связи с распадом Советского Союза. Были проведены съезды многих чеченских тайпов, избраны главы и руководящие органы, разработаны программы действий. Но не имея под собой реальной почвы, ни социально-экономической, ни политической, этот процесс постепенно угас.

К тому же чеченское общество в этот период еще представляло собой более или менее устойчивую социальную структуру, элементы которой имели определенные экономические и политические интересы, не обремененные тайповой идеологией.

Как утверждает член координационного совета межрегиональной общественной организации «Чеченский культурный центр» М. Бажаев, выделение тайпа в качестве характерообразующего элемента чеченского общества является не более чем стереотип, «…подброшенный пропагандой боевиков и неумело подхваченный рядом российских СМИ и аналитиков… По своей ментальности чеченцы объединены вовсе не тайповой принадлежностью, а общностью места проживания. Акцент на тайповое деление является надуманным и имеет своей целью разобщить наш народ. Сепаратисты, всячески выпячивающие тему тайповости, тем самым пытаются расшатать чеченское общество, ослабить его, а значит, создать условия для дальнейшего навязывания населению Чечни конфликтной модели развития республики. Не менее, если не более, вредна нарочитая эксплуатация этого тезиса российским общественным мнением».[79]

Солидарен с ним и Л. Ильясов: «Любая попытка искусственно перенести или институты, или нормы права, существовавшие при тайпово-тукхумной организации, на современную государственную систему нанесет огромный ущерб строительству нового чеченского государства, будет возвращением в далекое прошлое, во «тьму веков», регрессом в социально-

[79] Бажаев М. Нужна ли России Чечня без чеченцев? // Вестник ЛАМ. 2001. № 3.

исторической эволюции чеченской нации».[80] При этом исследователи подчеркивают его огромное нравственное значение для чеченского народа, поскольку каждый чеченец помнит из какого он тайпа, откуда происходит его тайп, генеалогическую легенду, и эта память может быть определяющей в его нравственной позиции, в его мироощущении. И в этом смысле тайп, тайповая память может сыграть важную роль в воспитании молодежи, в формировании у нее уважения к прошлому, в сохранении лучших традиций чеченской культуры.

Возвращаясь к структуре современного чеченского общества, следует отметить следующее. Уже с первых лет советской власти процесс трансформации чеченского общества принял противоречивый, неестественный характер. Чеченское общество изменялось не путем естественной эволюции, когда появление новых социальных групп или классов обусловлено соответствующими новыми экономическими отношениями. Напротив, оно буквально «ломалось» в соответствии с государственной идеологией, причем в период 60-80-х гг. процесс насильственной ломки традиционной общественной структуры усилился еще больше. По сути разделение труда происходило не только в традиционно территориально-отраслевом, но и в межнациональном масштабе - индустриальная сфера оказалась занятой «русскоязычным» населением, чеченцы же осваивали в основном сельское хозяйство и связанные с ним отрасли, строительную индустрию, торговлю, сбыт и т. п.

В конце 80-х произошел резкий прирост городского населения, причем это было обусловлено в большей степени изменением статуса крупнейших сел Чечни - Шали и Урус-Мартан стали городами, т.е. не затронули образа жизни чеченского населения, содержательную сторону урбанизационных процессов. На момент образования Чеченской Республики в 1991 г. ее население составляло никак не менее 1 млн. человек, из которых более

[80] Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии. // Вестник ЛАМ. 2001. № 3.

половины проживало в городах. Примерно треть постоянных жителей Чечни не были чеченцами.

С осени 1991 г. миграционные потоки, как из Чечни, так и внутри нее, резко усилились. Начался массовый исход нечеченского населения и очень быстро Чечня превратилась в мононациональную республику. Это подтверждается и различными социологическими исследованиями, проводившимися на территории республики. Так, проведенный в январе 2001 г. Северо-Осетинским центром социальных исследований Института социально-политических исследований РАН опрос общественного мнения среди граждан Чеченской Республики (500 чел.) подтверждает факт моноэтничности (94,9% чеченцев) и моноконфессиональности (96,3% мусульман) республики.[81]

Аналогичные результаты были получены Информационно-аналитическим центром «АЛА» в ходе проводившихся в период с 1997 по настоящее время исследований. Так, доля чеченцев в структуре населения в 1997 в среднем фиксируется на уровне 87% г. и в 2000-2003 гг. устойчиво растет до уровня 95-97%.

С 1990-х, особенно после 1996 г., можно говорить об абсолютном (и значительном) сокращении сельского населения, прежде всего в горных районах. При этом сокращается и общая численность населения - к 1999 г. в Чечне осталось не более 700 тыс. жителей (по некоторым данным - не более 500 тыс. и даже менее 400 тыс.).[82] Совершенно очевидно, что Чечня потеряла и продолжает терять наиболее квалифицированную экономически продуктивную часть своего населения, хотя масштабы этого процесса ввиду отсутствия достоверной информации точно определить не представляется возможным.

Таким образом, накануне трагических событий 1990-х гг. произошла радикальная трансформация социальной структуры чеченского общества.

---

[81] Дзуцев Х.В. Чечня в политическом пространстве Российской Федерации: социологический анализ. В кн.: Россия федеративная: проблемы и перспективы. М.: РИД ИСПИ РАН, 2002.

[82] Сайдуллаев М. Надеюсь. Верю. Убежден. // Голос Чеченской Республики. 1999. № 2.

Подавляющее большинство чеченцев, проживающих в сельских районах, уже никак не связаны с сельским хозяйством. Наоборот, сельское население Чечни чрезвычайно подвижно - наблюдается массовый выезд на сезонные работы за пределы республики, люди устремляются в самостоятельные торговые операции и т. д. Вместе с тем, не наблюдается широкой адаптации чеченцев к условиям индустриального общества - социальные слои характерные для него в чеченской нации так и не стали ведущей силой. Чеченское общество сохраняет черты, свойственные обществам традиционного (доиндустриального) типа: численное преобладание сельского населения, ярко выраженное аграрное перенаселение, высокий уровень рождаемости, сравнительно невысокий уровень образования, неразвитая социально-профессиональная структура общества с явным преобладанием работников, занятых в сельском хозяйстве и отраслях, связанных с ним.

Все это обусловило, с одной стороны, удивительную живучесть архаичных форм общественной организации в чеченском обществе - тайпового деления или исключительную роль традиционных суфийских братств. С другой стороны, коренным образом изменилась психология рядового чеченца: это уже не крестьянин, привязанный к своей земле и традиционным ценностям, а маргинал, всецело сосредоточенный на проблемах собственного выживания и процветания. В конечном итоге, маргинальные слои стали преобладающими в чеченском обществе. Социологи отмечают также упрощение иерархии социальных связей в чеченском обществе и архаизацию различных сторон общественных отношений, что представляет собой серьезную угрозу для развития чеченского народа как нации.[83]

На вопрос о существовании в настоящее время у народов Северного Кавказа норм традиционного общества, выражающихся в приверженности общинности, существуют разные точки зрения. Так, один из ведущих

[83] См., напр.: Юсупов М.М. Трансформационные изломы социальной структуры. // «Ойла» («Мысль»). 1998.

российских этнографов-кавказоведов С.А. Арутюнов считает, что общинный принцип организации общественного быта не только сохранился, но и велением современности является признание джамаатно-кантонных объединений (т.е. реалий сельской территориальной общины). В этих объединениях должны действовать адатно-шариатные суды (суды по обычному и мусульманскому праву), в ведение которых следует отнести широкий круг вопросов, касающихся внутренней жизни общины: нарушение прав женщин, семейно-брачные отношения, процедуры улаживания различных споров, в отдельных случаях даже связанных с убийством (процедура примирения кровников).[84]

На состоявшейся в 2000 г. в г. Краснодаре научной конференции «Социальная организация и обычное право» большая часть участников высказалась в пользу сохранения в настоящее время в различной степени норм поведения, диктуемых традиционными установками, т.е. в пользу сохранения принципов общинности и обычного права.[85]

Сепаратистские устремления определенного спектра политической и интеллектуальной элиты (этнократии), пришедшей к власти в Чеченской республике в 1990-е гг., испытывали острую нужду в национальной идеологии, обосновавшей бы, исходя из самобытности вайнахского этноса, необходимость создания суверенного государства. При этом вновь создаваемое государство обязательно должно было быть околоисламским, так как: во-первых, сепаратистские устремления финансировались из исламских источников на Ближнем Востоке; во-вторых, исламская оболочка еще со времен кавказских войн представляет собой удобную форму легитимации антироссийских геополитических интересов оппонентов (Англии, США).

---

[84] См., напр.: Арутюнов С. А. Шариату на Северном Кавказе нужно создать легальную правовую нишу // Итоги. М.; 1999, № 3, с. 16; Он же. Партия и правительство будут недовольны. // Итоги. М.; 2000, № 10.

[85] См.: Дмитриев В. Ресурсы традиционализма на Северном Кавказе. В кн.: Россия и Чечня. Поиски выхода. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003.

Вместе с тем реальная политическая жизнь в Чечне все больше начинала зависеть не от функционирования вновь созданных государственных органов, а от политической воли субъектов совершенно иного порядка - глав тайпов и религиозных орденов (вирдов, тарикатов). До какого-то момента эти два процесса - строительство суверенного государства и усиление специфической вайнахской этносоциальной и этнорелигиозной иерархии - проходили параллельно друг другу, и конфликта между ними никто не замечал, так, как он протекал глубоко в недрах чеченского общества и в латентной форме. Впервые со всей серьезностью он дал о себе знать только в середине 90-х гг. двадцатого века, когда обе линии предельно поляризовались. Курс на строительство суверенного исламистского государства нашел свое крайнее выражение в стратегии ваххабитов, не приемлющих ни в каких формах национальную чеченскую кровнородственную и религиозную организацию, отождествляемую ими с язычеством и варварством. Политика усиления же автохтонных этносоциальных и этнорелигиозных субъектов воплотилась в деятельности целого ряда глав и старейшин тайпов, устазов, духовных авторитетов по защите автохтонного этонационального правосознания и менталитета чеченцев, как от его фактического уничтожения в реформаторской деятельности ваххабитов, так и от нивелирования его самобытных черт в общероссийском государственно-правовом пространстве.

Компромиссная позиция официальной Чечни в лице А. Масхадова к концу 90-х гг. была лишь тщетной попыткой сохранить в своих рядах сторонников из обоих лагерей - традиционалистического и ваххабитского.

В тот период в Чечне сложились исторические обстоятельства, со всей остротой продемонстрировавшие особенности вайнахской политико-правовой ментальности. Она не может быть сведена к локальному феномену первобытно-общинной формации, так как даже при переходе всего окружающего геосоциального и культурного ландшафта на следующую ступень исторического развития, чеченцы сохранили верность своей

собственной этнонациональной государственности. Она не является проявлением отсталости или дикости чеченцев, так как даже при насильственной «прививке», как царской, так и советской формами бюрократической государственности, чеченцы остались целиком в лоне собственных иерархиях структур и этнополитических механизмов. Более того, чеченская правовая ментальность не служит потенциальной основой для строительства правового либерально-демократического государства по западным образцам, к которым чеченцы проявляют нарочитое презрение, но и не совместима с идеалами исламской государственности и ни в ее теократической (ваххабитской), ни в светской (дудаевской) форме.[86]

После завершения войны в период между 1996 и 2000 гг. на повестку дня в Чечне снова встала проблема этнополитической организации общества, его этнонациональной самоидентификации, в которой заметную роль уже играл ваххабизм. Отчетливо обозначились два центра сосредоточения государствообразующих сил, которые, сходясь на идее независимого государства, отличались, тем не менее, в своих подходах к реализации этой цели: 1) официальная ичкерийская власть во главе с президентом А. Масхадовым и 2) движение ваххабитов. В противовес им в республике сформировался третий, традиционалистский полюс, представленный значительным числом тайпов и тукъхамов, препятствовавший строительству государства и настаивавший на автохтонных моделях структуризации чеченского общества.

Информационно-аналитическим центром при Президенте ЧРИ в 1997-1998 гг. были проведены социологические опросы, в ходе которых выяснялось в т.ч. и предпочтения гражданами республики того или иного вида государственного устройства и соответствие данного желания действительности, а также отношение к Шариатскому судопроизводству,

[86] См.: Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов-на-Дону, 2003.

решениям Шариатских судов и пр. Ответы на вопрос, какое государственное устройство они предпочли бы представлены в таблице.

«Что бы Вы предпочли для республики?»

	1997 г. октябрь (N=817)	1998 г. август (N=470)	1998 г. декабрь (N=460)
исламское государственное устройство	30,1	24,39	34,35
демократическое государство по примеру европейских государств	60,7	63,64	50,43
затрудняюсь ответить	9,2	11,97	15,22

Как следует из опросов, к концу 1998 г. число сторонников демократического государства сократилось, при этом «бывшие приверженцы демократии» частично пополнили ряды сторонников исламского государства, а количество респондентов, затруднившихся ответить показывало устойчивый рост. Видимо, частично это можно объяснить несоответствие ожиданий общества реальной действительности. Такой вывод закономерен после анализа следующей таблицы, демонстрирующей мнение опрошенных о том, в каком государстве они живут.

«По Вашему мнению, в каком государстве мы живем?»

	1997 г. октябрь (N=817)	1998 г. август (N=470)	1998 г. декабрь (N=460)
Светском	9,7	2,0	0,87
Исламском	6,0	3,33	9,13
Скорее в светском, чем в исламском	5,1	4,21	3,04
Скорее в исламском, чем в светском	3,2	3,77	2,17
Ни в светском, ни в исламском	68,5	79,15	78,70
затрудняюсь ответить	7,5	7,54	6,09

Из десяти семеро респондентов в 1997 и почти восемь в 1998 г. отметили, что они проживают ни в светском и ни в исламском государстве, что говорит о том, что государственное устройство, существовавшее более семидесяти лет, за считанные годы исчезло, но не установилось и исламское.

Несмотря на двукратное предпочтение демократического государственного устройства осенью 1997 г., расклад ответов на вопрос «Приветствуете ли Вы наличие Шариатского судопроизводства в республике» весной (30.03-06.04.97г.) ответы распределились следующим образом: «да» - 66,1%, «нет» - 33,9%.

Из числа ответивших положительно на наличие Шариатского судопроизводства к первым решениям отнеслись в подавляющем большинстве положительно - 43,4%, отрицательно - 56,6%. Выражая свое отношение к первым решениям Шариатских судов, граждане высказывают неверие в справедливость, неподкупность и компетентность судей.

В социологических опросах, проведенных в августе 1997 г., на вопрос «Кто должен утверждать Шариатских судей?» получены следующие результаты:

«Кто должен утверждать Шариатских судей?»

		6.08-10.08.97г.	12.08-18.08.97г.
1.	Президент	17,9%	24,5 %
2.	Совет алимов	43,6 %	41,1 %
3.	Парламент	30,8 %	21,9%
4.	Не знаю	7,7%	12.5%

Отдавая предпочтение Совету алимов в вопросе назначения и утверждения Шариатских судей, респонденты выражают, вероятнее всего, стремление и желание видеть компетентных людей в Шариатском судопроизводстве.

Результат ответов на вопрос «Кто может обжаловать решения Шариатского суда?» приведен ниже:

«Кто может обжаловать решение Шариатского суда?»

		6.08-10.08.97г.	12.08-18.08.97г.
1.	Президент	23,1 %	31,1 %
2.	Муфтий	41.0%	21,2%
3.	Маджлис	15,4%	26,5 %
4.	Любой гражданин	2,6 %	—
5.	Не знаю	17,9%	21,2%

Широкий разброс мнений в данном вопросе отражает незнание гражданами Чеченской республики структурной подчиненности Шариатских судов, что доказывает неукорененность в массовом сознании данного института, а также слабую пропагандистскую работу в средствах массовой информации.

Особый интерес представляет дифференцированность общественного мнения по территории республики. Аналитическим управлением при Президенте ЧРИ в феврале 1999 г. был проведен социологический опрос с охватом 1120 человек. Были выбраны три сельских района: Ачхой-Мартановский, Надтеречный, Гудермесский и г.Грозный, как специфическое место проживания представителей различных районов и национальностей республики. Данный опрос проводился в то время, когда на территории республики было объявлено полное шариатское правление.

Среди опрошенных оказалось подавляющее большинство чеченского населения - 93,7%, менее 2% ингушского и около 4,5% русскоязычного. По уровню образования около 7 % ниже среднего, немногим более половины опрошенных ответило, что имеют среднее или среднее специальное образование и 41,5 % незаконченное высшее и высшее. По роду занятий среди опрошенных каждый пятый являлся безработным либо служащим госучреждений, предприятий, каждый восьмой - работником народного образования, здравоохранения, науки или культуры. Оставшаяся половина опрошенных довольно равномерно распределилась среди рабочих, бизнесменов, студентов, военных и т.д. и т.п.

При выборе государственного устройства, т.е. в каком государстве предпочли бы они жить, жители Ачхой-Мартановского района оказались наиболее приверженными исламу - более половины опрошенных - 56,4%, в то время, как в Гудермесском, Надтеречном районах и г.Грозном большинство высказалось за светский образ жизни. Вероятно на результаты Ачхой-Мартановского района повлиял тот факт, что в опросе приняли

участие в подавляющем большинстве мужчины, в соотношении к женщинам 2:1.

Исследуемые районы, предпочитающие жить в исламском государстве, среди мужчин в ранжированном порядке расположились следующим образом:

Предпочтение государственного устройства мужской выборки

№	Районы	Исламское гос-во (%)	Светское гос-во (%)
1	Ачхой-Мартановский	66,2	33,8
2	г. Грозный	58,5	41,5
3	Надтеречный	51,4	48,6
4	Гудермесский	50,4	49,6

Ниже в таблице показан выбор женщин, который как количественно, так и качественно отличается от выбора мужчин:

Предпочтение государственного устройства женской выборки

№	Районы	Исламское гос-во (%)	Светское гос-во (%)
1	Ачхой-Мартановский	37,3	62,7
2	г. Грозный	25,0	75,0
3	Надтеречный	41,8	58,2
4	Гудермесский	44,0	56,0

Таким образом, женщины всех районов выразили предпочтение светскому образу жизни: в г.Грозном трехкратное предпочтение, в Ачхой-Мартановском едва ли не двукратное и наиболее приближенные к исламу оказались женщины Гудермесского района.

Вообще же столь противоречивые результаты рассмотренных социологических исследований могут быть объяснены и поняты в рамках феноменологии «открытого» и «не-открытого» общества или «общества врагов открытого общества», предложенной К. Поппером.[87]

[87] См.: Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х т. М., 1992.

Рассматривая специфику этнополитических процессов в Чечне именно таким образом, можно констатировать, что с одной стороны, неправовое сознание чеченцев не является ни варварским, ни архаичным, ни дикарским. Оно имеет просто совершенно иную духовную природу, исходящую из приоритета коллектива над индивидуумом, Абсолюта над атомом, и в этом смысле, очень органично вписывается во все иные системы «закрытых обществ». С другой стороны, чеченская версия «закрытого общества» (и соответствующее ему этноправовое сознание части чеченцев) обладает спецификой, определяемой его внегосударственной природой. Можно утверждать, что по своим основным параметрам она представляет собой альтернативную суверенному государству, властную модель организации общины.[88]

В конце 90-х гг. именно эту мысль со всей очевидностью попытался выразить в целом ряде своих работ, посвященных поискам и осмыслению путей этнонационального самоопределения Чечни, чеченский историк, политолог, традиционалист, руководитель межтайповой организации «Нохчи Латта Ислам» Хож-Ахмед Нухаев.[89] Так, он пишет, что несовместимость нации и государства обусловлена фундаментальной разницей в принципах их организации. Если нация интегрируется по принципу общинности, на основе взаимоотношений «ближних», то в государстве господствует территориальный принцип, т.е. случайнее отношения «чужых» людей, их разобщение и обезличивание. Смешение приводит к разрыву между людьми родственных уз, превращает их в скопища «потерянных» людей, которым необходима уже государственная защита. Поэтому государство по сути своей является глубоко искусственной организацией, которая может держаться лишь на принуждении. Кровнородственная же община – это естественная

---

[88] См.: Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов-на-Дону, 2003.

[89] См., напр.: Нухаев Х.-А. Российский цугцванг и русские парадоксы. / Ведено или Вашингтон? М., 2001; Нухаев Х.-А. Евразия между атлантическим и эсхатологическим концом истории. / Ведено или Вашингтон? М., 2001 и др.

живая система, произрастающая из взаимных родственных привязанностей людей. Если государство постоянно меняет свои политические и социальные отношения, то родоплеменной строй стабилен, отношения в нем постоянны и неизменны. Соответственно различны и законы, по которым эти две системы живут. Формальные законы государства придумываются и всегда конъюнктурны, что заставляет бесконечно придумывать всё новые и новые «правила игры».

Х.-А. Нухаев, сторонник наиболее архаичных форм этнонационального самоопределения вайнахов, в интервью «Евразийскому обозрению» на вопрос о том, как быть с чеченцами, сознающими себя российскими гражданами и желающими остаться в составе РФ, ответил: «Если, пользуясь географической типологизацией, но подразумевая под ней типологизацию аксиологическую, разделить чеченцев на две группы, то мы получим северную, равнинную Чечню с урбанизированными, ориентирующимися на культуру и цивилизацию российскими гражданами, и южную, горную Чечению, где в относительно неискаженном виде сохраняется общественная жизнь, основанная на первозданном, варварском «принципе крови». Варварская Чечения на юге и гражданская Чечня на севере - это два разных мировоззрения и два разных мира».[90]

Судя по действительно существующим различиям между населением горной и равнинной Чечни, такая точка зрения имеет право на существование. Более подробно мы остановимся на ней, а также предложенной Нухаевым модели завершения войны в Чечне и принципам организации мирной жизни в последней части работы.

[90] Нухаев Х.-А. «Мы не заинтересованы в поражении России» // Евразийское обозрение. 2001. 5 июня.

2.2 Общественное мнение о трансформации политической элиты Чечни в 1990-е гг.

Нынешнее положение чеченского общества определяется взаимодействием ряда исторических процессов, по характеру и источникам инициирования их можно разделить на эндогенные, определяемые внутренними ресурсами этноса, и экзогенные, зависящие от внешнего воздействия.

Действие экзогенных факторов связано главным образом с той крайне сложной социально-экономической и политической ситуацией, в которой оказалась Россия накануне и сразу после распада СССР. На внешнеполитическом уровне это выразилось, прежде всего, в потере Россией доминирующего положения в Кавказском регионе, обострении интереса к этому региону со стороны Запада и ряда азиатских стран, выдвижение исламского фактора в число доминирующих во внутренней и внешней политике.

Внутри самой России в тот период шла острая борьба за выбор пути дальнейшего развития страны, причем эта борьба развернулась между совершено разнообразными политическими силами. Более того, ситуация усугублялась и объективной сложностью самой природы федеральной власти - с одной стороны, и ее конкретно-исторической российской формой реализации, характеризуемой отсутствием единства и целостности как в организационной структуре, так и в проводимой федеральной политике – с другой. На федеральном уровне действовали разные структурные элементы этой власти, разнородные группы интересов, зачастую имеющие в отношении Чечни как фактора, мощно влияющего на федеральную политику, диаметрально противоположное направление устремлений. Как отмечает Я. Ахмадов, «…в Российской Федерации происходили в 1991-1994 гг. противоречивые процессы. Возникало, в частности, множество центров власти, каждый из которых имел свое видение решения чеченского вопроса. Некоторые властные или политические группировки прямо оказались

заинтересованными в сохранении режима Дудаева и в мнимой независимости Чечни, позволяющей осуществлять через нее масштабные незаконные операции».[91]

Эндогенные же факторы, повлиявшие на этнополитическую ситуацию в Чечне, главным образом связаны со спецификой этнических процессов, социально-экономической ситуации, этносоциальной структурой чеченского общества и ее изменениями – всеми теми «проблемными» точками, которые или игнорировались полностью или недоучитывались федеральными российскими властями при проведении внутренней политики.

Еще в период «перестройки» в конце 1980-х гг. в СССР одной из наиболее уязвимых, подверженной социальным потрясениям являлась сфера межнациональных отношений. А. Кадыров так охарактеризовал этот период: «Начался, по сути, новый этап в развитии наций, который, с известной долей условности, может быть назван этапом возрождения, или, точнее, этнической мобилизации народов».[92]

Вообще, все многообразие факторов, обусловивших политические перемены в жизни Чеченской Республики достаточно сложно четко классифицировать на экзогенные и эндогенные, поскольку многие из них взаимообусловлены и порой трудно установить причинно-следственную связь в их воздействиях на социально-политические процессы. Более плодотворным в предметной области данного исследования является анализ тех факторов, которые способствовали формированию соответствующих взглядов и установок общественного сознания.

На развитие политического и национального сознания огромное влияние оказывает историческое наследие, исторический опыт того или иного народа. Именно так происходило и в начале 1990-х гг., когда на

---

[91] Ахмадов Я. Сползание Российской Федерации и Чеченской Республики Ичкерия к конфликту. В сб.: Чечня: от конфликта к стабильности (проблемы реконструкции). М.: РАН, Фонд гуманитарного содействия Чеченской Республики, 2001. С. 112-113.

[92] Кадыров А.А. Российско-чеченский конфликт: генезис, сущность, пути решения. / Дисс. на соиск. уч. степ. к.полит.н. М., 2003. С. 80.

территории бывшего СССР наблюдался рост интереса к истории. В этот период в массовом сознании происходит актуализация исторического опыта и знаний, историческая память пробуждает и питает национально-этническое самосознание, формирует представление о живой связи времен, поколений, опосредованно проецируясь на современность. Как отмечает М.М. Юсупов, на открытый вопрос «Какие исторические события оказали наибольшее влияние на развитие чеченского народа?» опрошенные в 1993 г. студенты чеченской национальности ответили: Кавказская война - 14%, депортация 1944 г. - 43,8%, августовско-сентябрьские события 1991 г. - 39,3%. Кавказская война, восстания, абречество в дооктябрьский период 1917 г., восстания в советское время (1921-1925, 1928), репрессии 20-30-х годов, национальная трагедия - депортация 1944 г., социально-политические ограничения и духовно-идеологический гнет, испытанный в какой-то мере после восстановления ЧИАССР в 1957 г., как бы спрессовали в общественном сознании воедино разные эпохи, символизирующие стремление народа к исторической самостоятельности».[93]

Рост интереса к историческому наследию кратно усиливался той идеологической политикой, которую проводило центральное советское руководство по отношению к национальным «окраинам» и прежде всего – чеченцам. Советские институты власти характеризовали массовое сознание чеченского народа как менее «социалистическое» по сравнению с другими. Ограничивалась его социальная мобильность, интеграция в общую государственно-политическую жизнь. Агитационно-пропагандистская работа почти всецело сосредоточивалась на критике пережитков прошлого, то есть традиций и обычаев. Естественно, что это не могло не затрагивать национальное самолюбие, порождало готовность к социальным действиям под национальными лозунгами.

Одним из самых «слабых» мест национальной политики еще советского периода, в т.ч. и по отношению к титульным этносам Чечено-

[93] Юсупов М.М. Структура и движущие силы чеченского конфликта. // Этнопанорама. 2000. № 1. С. 35.

Ингушетии была сфера национальной культуры и языка. В республике сосуществовали различные системы этнокультурных ценностей, сложился опыт межнационального общения и взаимообогащения различных народов. В общественно-бытовой сфере относительно свободно отправлялись народные и религиозные обряды, несмотря на пропагандистские акции и иногда предпринимаемые административные меры. Однако национально-культурная специфика почти не учитывалась в управлении, политико-правовой деятельности. В Грозном не было ни одного сквера, площади, носящих название, непосредственно связанных с историей вайнахского народа. Большинство улиц не только столицы, но и сел имели наименования не вайнахские.[94]

Национальная политика, проводившаяся в стране, оказала глубоко противоречивое воздействие на языковую жизнь вайнахского народа. Она нанесла немалый урон, хотя и способствовала в определенной мере развитию языка и литературы.

Чеченский и ингушский языки функционировали преимущественно в общественно-бытовой, научной среде. Производственные и общественные мероприятия на предприятиях, в аппаратах министерств и ведомств и на общереспубликанском уровне проводились на русском языке. Согласно данным Всесоюзной переписи 1989 г., владели родным языком - 98,1% чеченцев и 97% ингушей. Но речь многих городских, сельских жителей - смешанная, насыщена русскими словами без всякой на то языковой потребности. Русские горожане отметили, что у них на работе разговаривают на русском языке - 52,4%, на том и другом (т.е. языке коренной национальности) - 23,2%.[95] На собраниях, сходах говорили на чеченском языке - 48,9%, ингушском - 32%.[96]

---

[94] См.: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

[95] Социологическое исследование «Русские в республиках» - июль 1991. Опрошены русские в Грозном и Гудермесе. Объем выборки – 397 чел. ВЦИОМ.

[96] Социологическое исследование «Интересы разнонациональных групп занятого населения» - май-июнь 1991. Объем репрезентативной квотной выборки – 1575 чел. Чечено-Ингушский НИИ гуманитарных наук.

В школах Грозного и ряда этнически смешанных сельских районов до середины 80-х годов чеченский и ингушский языки не преподавались как предмет. Это оправдывалось ссылками на пожелания, якобы высказываемые родителями. Отсюда очевидна обоснованность утверждения А. Авторханова о том, что единственный язык, который нельзя изучать добровольно - родной язык.[97]

К началу 1990-х гг. потребность расширения социальных функций чеченского и ингушского языков порождает дискуссию об их статусе. За придание статуса государственных чеченскому и ингушскому языкам выступает 80% опрошенных вайнахов и лишь 20% русских. И наоборот, статус государственного желает придать русскому языку одна пятая часть чеченцев и ингушей, две трети - русских.[98] Такие противоположные точки зрения и несхожие позиции в отношении статуса языков на территории Чечено-Ингушетии в перспективе могли спровоцировать конфронтацию на национально-этнической основе. Скрытая напряженность в языковой сфере была снижена объявлением государственным наряду с чеченским, ингушским и русского языка, ориентацией русскоязычного населения на изучение чеченского и ингушского языков, преподавание их своим детям как предмет с первого класса.[99]

Однако справедливости ради необходимо отметить, что в отличие от Прибалтики и Украины культурно-языковые проблемы не находились в эпицентре общественного мнения, а их значимость более других ощущали научно-творческие кадры гуманитарного профиля, учителя, журналисты.

В мае-июне 1991 г. среди научно-творческих и управленческих кадров был проведен социологический опрос «Интересы разнонациональных групп занятого населения». Объем выборки составил 350 чел., в том числе чеченцы - 100, ингуши - 100, русские - 100, представители других национальностей -

---

[97] См.: Авторханов А. Империя Кремля. Минск, 1991.

[98] Социологическое исследование «Интересы разнонациональных групп занятого населения» - май-июнь 1991.

[99] См.: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001.

50.[100] Выяснилось, что опрошенных больше всего занимают вопросы межнациональные и социальные (см. таблицу 1). Это подтверждают и экспертные оценки. Межнациональные проблемы, как наиболее волнующие свое население, выделили творческие и управленческие кадры чеченской национальности - 25%, ингушской - 48,4, русской - 45,2, других - 33,3.[101] Русские и другие национальности осознавали национальные проблемы и соответственно свои интересы через призму не межэтнического противостояния, а назревающего конфликта между Центром и чеченским народом, способного повлечь политико-правовую дестабилизацию, изменение сложившейся социальной иерархии и духовно-культурной атмосферы. Ингуши воспринимали национальные проблемы и интересы в свете задачи восстановления государственно-политической автономии, возвращения Пригородного района и правобережной части г. Владикавказа. Все остальные потребности отодвигались на задний план и играли подчиненную роль.

Таблица 1

	Чеченцы, %	**Ингуши, %**	**Русские, %**	**Другие национальности, %**
«Какие проблемы волнуют вас в большей степени?» (допускается назвать от 1до3 проблем)				
Экономические	4,3	6,2	5,7	15,6
Социальные	**41,1**	17,1	25,4	24,4
Политические	10,3	7,5	3,4	-
Межнациональные	20,9	**62,3**	**41,3**	**36,6**
Культурные	5,8	1,4	4,9	9,2
Правовые	7,6	0,7	11,4	6,7
Экологические	9,9	4,6	8,0	15,6

Не случайно социальные проблемы у чеченцев оказались на первом месте. Чеченская Республика всегда отличалась быстрым ростом населения. К концу 1991 г., к моменту распада СССР на территории страны проживало

[100] См.: Юсупов М.М. Структура и движущие силы чеченского конфликта. // Этнопанорама. 2000. № 1. С. 37.
[101] Там же. С. 37.

свыше 1 млн. чеченцев. Темпы прироста населения Чечни были значительно выше, чем в среднем по России. Если за 1970-1991 гг. население РФ возросло на 14%, то в Чечено-Ингушетии почти на 23%. В 1992 г. население РФ за счет естественной убыли снизилось на 184,4 тыс. человек. В Чечне же в результате высокого естественного прироста вплоть до 1994 г. численность населения республики непрерывно увеличивалась, несмотря на протекавшие миграционные процессы.

При этом Чечено-Ингушетия традиционно отличалась низким уровнем вовлечения трудоспособного населения в общественное хозяйство, а с учетом высокой рождаемости проблема ежегодно обострялась. Оценочно к началу 90-х гг. скрытая безработица охватывала примерно 40% чеченцев в трудоспособном возрасте. Ежегодно до 200 тыс. чеченцев и ингушей выезжало на сезонные работы за пределы республики.[102]

Почти по всем социальным показателям Чечено-Ингушетия занимала последние и предпоследние места в России. Высокой была смертность детей до одного года (35 - 29 ‰), заболеваемость туберкулезом. Врачей приходилось на 10 тыс. чел. населения - 27,5%, тогда как в соседних Дагестане и Северной Осетии в 2 раза больше.[103] Эти и другие неблагополучные данные характеризовали прежде всего уровень и качество жизни коренных национальностей, проживающих в основном в сельских населенных пунктах. В них инфраструктура во много раз уступала той, что имелась в Грозном. Среди занятого населения имели высшее образование каждый 5-й русский, 10-й ингуш, 14-й чеченец[5]. В этот период свыше 2/3 населения имели доходы на уровне и ниже прожиточного минимума.

Характеристика социально-экономического развития республики была бы недостаточной без оценки экологической обстановки. Следует иметь в виду, что состояние окружающей среды в Чечне накануне войны было близко к критическому. Выбросы вредных веществ в атмосферный воздух от

---

[102] См.: Хасмагомадов Э. Трансформация социальной структуры и формирование политической элиты чеченского общества. // Вестник ЛАМ. 2000. № 3. С. 34.

[103] Социальное развитие районов республики. Стат. сборник. Грозный, 1990. С. 17.

стационарных источников в г. Грозном в 1990 г. составили 238,3 тыс. т. или почти 600 кг. на одного горожанина. При этом улавливание (обезвреживание) вредных веществ, отходящих от стационарных источников загрязнения атмосферного воздуха, в процентах от общего количества составляло лишь 46%. Современное состояние экологии в Чечне, и прежде всего в Грозном, можно характеризовать, как экологическую катастрофу.

Таким образом, под влиянием комплекса взаимодействующих факторов к концу 1980-х – началу 1990-х гг. в Чечено-Ингушетии происходит обострение социально-политической обстановки, обостряется национальное самосознание. Причем интеллектуальная и массовая активность чеченцев началась с пробуждения интереса к историко-идеологическим проблемам, а затем основное внимание и активность смещается в социально-политическую сферу. В этот период многие граждане связывали возможность улучшения благосостояния и национально-культурного возрождения с обретением государственно-политической независимости.

Справедливости ради следует отметить, что население не имело полного представления об идее суверенитета и в своей массе сориентировано на сохранение политического пространства, целостности СССР. Одни понимали суверенитет как расширение самостоятельности республики в рамках РСФСР и СССР, изменение ее статуса, т. е. превращение в союзную, другие видели исторический смысл переживаемой ситуации в создании политически независимого государства. Так, по данным социологического исследования «Интересы разнонациональных групп занятого населения» (май-июнь 1991 г.) Чечено-Ингушетию хотели видеть в составе РСФСР и СССР (или только СССР) около 60% опрошенных чеченцев, 82% ингушей, 96% русских, 88% других национальностей.[104]

Еще более красноречивым свидетельством отсутствия однозначной трактовки общественным мнением жителей республики суверенитета в тот

[104] См.: Юсупов М.М. Структура и движущие силы чеченского конфликта. // Этнопанорама. 2000. № 1.

период является ответ на вопрос об отношении к участию Чечено-Ингушской Республики в подписании федеративного договора: за подписание федеративного договора в каждой национальной группе высказались более половины опрошенных (51 - 56%) и затруднялись ответить (36 - 42,5%). Но за примерно одинаковыми показателями кроются разные ориентации и мотивы. Из тех, кто отнесся неодобрительно одна четверть опрошенных чеченцев за статус союзной и половина - независимой республики, а две трети русских, наоборот, за суверенитет в составе РСФСР и СССР. У затруднившихся ответить менее выражены различные политические ориентации, но все же существенны.[105]

Видимо, недостаточная четкость в понимании суверенитета республики была характерна и для вышедших в тот период на авансцену политической борьбы общественно-политических сил Чечено-Ингушетии. Это, в частности, выражалось в непоследовательности и противоречивости принимаемых политических решений. 25 ноября 1990 г. съезд чеченского народа провозглашает Чеченскую Республику и принимает декларацию о суверенитете, в 1989 г. съезд ингушского народа заявляет об образовании Ингушской Республики. Как видим, общественно политические силы ингушского и чеченского народов намечают курс на упразднение существующей и создание двух самостоятельных республик. Но уже 27 ноября 1990 г. в атмосфере общественного резонанса, вызванного съездом чеченского народа, состоялось заседание Верховного Совета ЧИАССР. На нем принимается «Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики». В ней по сравнению с решениями съездов чеченского и ингушского народов провозглашается суверенитет существующей единой республики, источником и носителем власти объявляется весь многонациональный народ.

В июне 1991 г. вновь созывается съезд чеченского народа, на котором в дискуссиях по выработке дальнейшего политического курса верх

[105] Там же.

одерживают радикальные настроения. Большинством голосов принимается решение о незаконности Верховного Совета и Правительства ЧИР, не исключающее применение силовых методов в борьбе за власть.

По существу это означало окончательный раскол национально-демократического движения и политическое оформление национально-радикального направления, субъектом которого выступает Исполнительный Комитет Общенационального Конгресса Чеченского Народа (Председатель - Д. М. Дудаев) со своими филиалами на местах. Данная структура представляла наиболее внутренне сплоченную и динамичную силу. Следует подчеркнуть, что определенная масса народа была восприимчива к пламенным призывам радикальных националистов. Предшествующие три года политизации массового сознания народа привели к обострению социально-психологического состояния общества, предрасположенности к социальному возгоранию.

Таким образом, массовое сознание из сфер общественной жизни вычленяет одну или несколько жизненно важных ключевых проблем. В качестве таковых выступают в тот или иной период то одни, то другие, обретающие роль общенациональной значимости. В них, как правило, аккумулируется, фокусируется вся гамма социальных чаяний, потребностей.

Среди факторов, определяющих содержание и вектор происходивших в последнее десятилетие событий, существенную роль играет субъективный. На это обращает внимание наука, это признает и общественная практика. Оценивая значение этих субъективных компонентов, ученые обратили внимание на влияние таких эмоционально-рациональных компонентов общественного сознания, как самочувствие, жизнеощущение, ценностные ориентации и установки. Обобщающим и результирующим феноменом, целостной формой восприятия людьми их жизни как в личном, так и в общественном плане является социальное настроение.[106] При этом крайне важны более углубленные социально-психологические, идеологические и

[106] См., напр.: Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.,

экономические характеристики массовых чувств, ориентации и установок, имевших и имеющих место.

Начнем с психологических (а точнее сказать, психоэмоциональных) особенностей состояния массового сознания. Понять их помогают ответы жителей республики на вопрос о том, какие чувства чаще всего они испытывали.

Здесь необходимо сказать, что в своем исследовании мы будем опираться на результаты социологических исследований, проведенных на территории Чеченской Республики в 1997-2001 гг. под руководством и непосредственном участии автора. На протяжении ряда лет целенаправленно велась работа по исследованию: различных групп в чеченском обществе в зависимости от их социального статуса, уровня образования и от возрастного ценза; политических рейтингов Республики, а также их электората. Также изучалось общественное мнение по тому или иному значимому событию, происходящему в республике; стабильно изучались рейтинги политических институтов власти Чеченской республики, исследовалось настроение в чеченском обществе; сопоставлялись ожидания, прогнозы с реальностью.

Показательны результаты ответов респондентов, выявляющие настроение и ожидания. В таблице представлены сопоставительные результаты некоторых исследований.

«Что Вы можете сказать о своем настроении в последние дни?»

	1997	1998	2000	2001	2001
Варианты ответов	ноябрь %	август %	октябрь %	февраль %	май %
Прекрасное	7,1	5,7	7,5	7,5	9,8
Нормальное	18,1	21,9	19,4	26,0	14,9
Испытываю напряжение, раздражение	46,1	50,1	49,9	42,9	60,7
Испытываю страх, тоску	15,1	17,0	17,3	16,5	11,8
Не знаю, затрудняюсь ответить	12,9	5Д	5,9	7,1	2,8

Надо отметить, что изменения в настроении в чеченском обществе в лучшую сторону ни при руководстве А.Масхадова, ни при Н.Кошмане, ни при А.Кадырове, ни при С.Ильясове не наблюдается. Данный показатель напрямую коррелирует с улучшением благосостояния общества, что не достигнуто ни при одном из перечисленных руководителей (см. Приложения). Потоки финансирования и контроль финансируемых бюджетных средств у населения республики ассоциируются со строительными площадками; с ремонтом дорог, с благоустройством быта и представлением элементарных условий для проживания простых граждан; с реальными действиями по оказанию помощи беженцам и потерявшим жилье в результате военных действий на территории республики. Небольшое улучшение показателей для периода правления Кадырова видимо было связано с более интенсивным потоком финансирования бюджетной сферы республики в конце 2000 года после трехмесячного отсутствия финансирования, что вселяло определенную надежду на получение стабильно гарантированной заработной платы.

Весьма значимы показатели настроения населения республики в период правления команды Ильясова, т.е. правительства Чеченской Республики, а именно: двукратное уменьшение оценивающих свое настроение, как «нормальное» и впервые перевалившее далеко за половину всех опрошенных как «испытывающих напряжение, раздражение». Необходимо отметить, что таких показателей нет ни в период режима Масхадова, ни в период военных действий Кошмана, ни тем более в период руководства Кадырова.

Таким образом, налицо преобладание пессимистических настроений над оптимистическими, причем, более пессимистично настроены люди, имеющие высшее образование. При этом отмечено укрепление чувства надежды, гордости за свой народ при парадоксальном, на первый взгляд, одновременном довольно широком распространении озлобленности, агрессивности, усталости, безразличия, безысходности. Весьма невелико

распространение среди населения чувства собственного достоинства и ощущения свободы.

Сопоставляя оценки экономического положения республики и материального положения семей респондентов, можно отметить превышение позитивных оценок экономического положения семьи над уровнем экономического положения республики в целом. Более радужная картина наблюдается и в оценке перспектив изменения материального положения семьи в ближайшее время.

Исследования показали, что рассматриваемый период крайне невелик удельный вес семей, имеющих сбережения и накопления. С одной стороны, это усугубляет эмоционально-психологическое состояние населения, а с другой, является объективным сдерживающим фактором развития хозяйства республики. В последнем случае интересным представляются предпочтения населения относительно распоряжения крупной суммой денег в случае ее наличия: большинство респондентов предпочло бы открытие своей фирмы, собственного дела, примерно равное количество - на текущие нужды, примерно у 10% населения имеются предпочтения к вложению финансовых средств в приобретению недвижимости, и лишь незначительная часть населения склонна делать сбережения. Данное ранжирование показывает, какие из проблем более значимы и первоочередные по своему решению. Высокий процент желающих открыть свою фирму, собственное дело, говорит о готовности, не полагаясь ни на кого, решать свои проблемы, проблемы своей семьи. Необходимость использования денег на лечение, покупку или ремонт квартиры, собственного дома говорит о тяжелом наследии, оставленном военными действиями.

Наиболее ценными перспективами для населения являются уверенность в завтрашнем дне; небольшой, но твердый заработок; собственное дело, вести его на свой страх и риск. Последнее предпочтение говорит о хорошем предпринимательском потенциале населения республики.

Нестабильность современного чеченского общества во многом объясняется отсутствием оформленной социальной структуры, страт, имеющих стабильные политические и экономические интересы. Однако и в современных условиях, когда после жесточайшей войны уничтожены основы государственности, экономики, разрушена социальная стратификация чеченского общества, не произошло возрождения тайпа как социальной организации. Сегодня образовавшиеся пустоты в социальной стратификации чеченского общества заполняет так называемая «большая семья», которая включает в себя большой круг родственников как по отцовской, так и по материнской линиям. «Большая семья» не только способствует поддержанию у ее членов чувства уверенности, стабильности, психологического комфорта, но и в условиях слабости государственной власти и экономического кризиса существует автономной внутриобщественной структурой, берущей на себя ряд функций государства, например, регулятивную, распределительную, социального контроля и пр.

Одной из особенностей ситуации в Чеченской Республике является усиленное проникновение «семей» в госаппарат, политические, экономические, финансовые структуры. Об этом свидетельствуют и данные социологических опросов (см. приложения).

Таблица

По какому принципу, по Вашему мнению, происходит подбор и расстановка кадров ЧР? (в %)

	Муж.	Жен.	Общ.
октябрь 1998 г.	*572 чел.*	*550 чел.*	*1122 чел.*
1. Наличие хороших знакомств, связей, влиятельных родственников	51,57	56,55	54,01
2. Принадлежность той или иной влиятельной группировке	25,17	18,18	21,75
3. Наличие соответствующего образования, практического опыта	5,77	5,45	5,61
4. Личной преданности	3,49	3,36	3,94
5. Затрудняюсь ответить	12,24	14,91	13,55
6. Иной	1,76	2,55	2,14
февраль 2001 г.	*482 чел.*	*373 чел.*	*855 чел.*
1. Наличие хороших знакомств, связей	43,77	47,73	45,50
2. Грамотный, опытный специалист	12,66	7,24	10,29

3. Родственные, тайповые отношения	28,84	27,88	28,42
4. Иной принцип	6,85	6,43	6,67
5. Затрудняюсь ответить	7,88	10,7	9,12
май 2001 г.	*440 чел.*	*420 чел.*	*860 чел.*
1. Наличие хороших знакомств, связей и финансовых возможностей	57,3	54,3	55,8
2. Грамотный, опытный специалист	10,0	5,7	7,9
3. Родственные, тайповые отношения	6,4	21,4	13,8
4. По национальному принципу	12,7	10,0	11,4
5. Иной принцип	4,5	1,4	3,0
6. Затрудняюсь ответить	9,1	7,2	8,1

По опросам, проводившимся Информационно-аналитическим центром «АЛА»

Как видно из таблицы, в рассматриваемые периоды профессиональные качества работника, делающие его востребованным и конкурентоспособным («наличие соответствующего образования, практического опыта», «грамотный, опытный специалист») имели незначительное влияние на получение работы. Гораздо большее значение в общественном мнении населения отводится факторам внерыночного характера: наличию хороших знакомств, связей, влиятельных родственников, финансовых возможностей и т.п. А если учесть достаточно высокий удельный вес такого фактора, как наличие родственных, тайповых отношений, выделенных в 2001 г. в качестве самостоятельного основания для получения работы, то как раз и получим, что в общественном мнении народа республики достаточно прочно связывается возможность получения хорошей должности с вхождением в «большую семью». При этом интересно, что отношение к такой кадровой политике резко отрицательное, о чем свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2.

Ваше отношение к кадровой политике в республике

	Муж.	Жен.	Общ.
октябрь 1998 г.	*572 чел.*	*550 чел.*	*1122 чел.*
1. Положительное	4,86	12,0	3,46
2. Негативное	67,66	73,09	70,32
3. Затрудняюсь ответить	27,48	24,91	26,22
февраль 2001 г.	*482 чел.*	*373 чел.*	*855 чел.*
1. Положительное	16,39	13,67	15,20
2. Негативное	57,88	56,03	57,08
3. Затрудняюсь ответить	25,73	30,30	27,72
май 2001 г.	*440 чел.*	*420 чел.*	*860 чел.*

1. Положительное	10,0	7,1	8,6
2. Негативное	70,0	58,6	64,4
3. Затрудняюсь ответить	20,0	34,3	27,0

По опросам, проводившимся Информационно-аналитическим центром «АЛА»

Социологические исследования показывают, что резко отрицательно к проводимой кадровой политике устойчиво относится от 60 до 70% опрошенных, причем и поддержка снижается при увеличении доли затруднившихся ответить. Можно предположить, что затруднившиеся представляют потенциал увеличения неприятия в республике сложившихся принципов кадровой политики. По всей вероятности, население достаточно реалистично оценивает последствия такой организация общества, которая, как отмечает Л.С. Перепелкин, служит хорошей почвой для развития особого вида организованной преступности - преступности как образа жизни.[107]

С другой стороны, примечателен факт, что поддержка кадровой политики периода Кадырова в 4-5 раз выше кадровой политики Масхадова. Однако из таблицы явно видно, что тот кредит доверия, которым наделили новое правительство в период его формирования, не оправдался: на полугодие затянувшееся формирование правительства, отсутствия каких либо реальных шагов при попытке представить активность своей деятельности определило снижение поддержки поводившейся кадровой политики и рост негативного к ней отношения. Как следует из таблицы, резкое неприятие произошло со стороны мужского населения, женщины же свое отношение выразили в основном в форме снижения поддержки и увеличении сомнений по вопросу отношения к кадровой политике.

Однозначно необходима гибкая и продуманная национальная политика в вопросах подбора кадров на территории Чеченской республики. Особым вниманием необходимо окружить национальные кадры республики, которых с одной стороны как предателей расстреливают боевики, а с другой стороны обходит вниманием местная власть. Необходимо увеличить количество госслужащих из местного населения, которые в состоянии передвигаться по

[107] Перепелкин Л.С. Чеченская Республика: современная социально-политическая ситуация. // Этнографическое обозрение. 1994. № 2.

территории республики, жить среди своих сограждан. В отличие от приезжих кадров, образовавших закрытый анклав, местные кадры способны достойно нести авторитет власти. Налицо ощущение временности, которое возникает во всем: временное правительство, обнесенное тройным забором, кадры, не скрывающие своего временного статуса. В связи с этим возникает потребность в создании интенсивной подготовки и переподготовки кадров госслужбы Чеченской Республики.

Важнейшим аспектом исследования социально-политических процессов является анализ формирования и трансформации политической элиты и в первую очередь через призму анализа общественного мнения населения, его отношения к действующим политическим элитам.

Как отмечают исследователи, осенью 1991 г. внутри чеченской элиты образовались два блока, так или иначе объединявшие всю ее политически активную часть. Первый был представлен условно говоря «старой партийно-хозяйственной элитой», второй, так называемая «новая разночинная элита», которая сумела привлечь на свою сторону и использовать недовольство широких маргинальных слоев чеченского общества.[108] Одним из ключевых вопросов в борьбе за власть между этими двумя группами являлся вопрос о собственности, точнее говоря об участии в приватизации государственной собственности. При этом политическая независимость рассматривалась представителями новой политической элиты как гарантия сохранения итогов раздела собственности и власти.

«Новая» чеченская элита (фактически этнократия), как отмечает Э. Хасмагомадов, обладала набором противоречивых качеств. С одной стороны - активность, инициативность, высокая приспособляемость к меняющимся условиям (буквально - живучесть), решительность в достижении поставленной цели, и преобладание низкого уровня образования, отсутствие положительного опыта работы в сфере экономики, бизнеса, на

[108] См.: Хасмагомадов Э. Трансформация социальной структуры и формирование политической элиты чеченского общества. // Вестник ЛАМ. 2000. № 3.

административных и государственных должностях, эгоизм, склонность измерять прогресс общества уровнем собственного благосостояния, неумение добиваться политического компромисса и общественного согласия, недооценка их значения для жизни общества, понимание политики исключительно как искусства интриги, абсолютизация насилия как средства окончательного разрешения не только политических, но и общественных противоречий, авантюризм, предельная неразборчивость в средствах – с другой.

Весь период 1990-х гг. был отмечен достаточно ожесточенной борьбой как между двумя отмеченными группами этнократий, так и внутри каждой из них. Так, приход осенью 1991 г. к власти группы Дудаева обострил борьбу между «старыми» и «новыми» «семьями» внутри самой Чечни. В результате длительного и ожесточенного противостояния к концу 1996 года практически вся «старая» элита оказалась физически вытесненной из Чеченской Республики, что, однако, не привело к внутриполитической стабильности. Годы правления Масхадова отмечены ожесточенной борьбой уже между «новыми семьями», а вторая чеченская военная кампания открыла дорогу для возвращения «старой» элиты, что с неизбежностью повлекло изгнание «новых семей» из политической и экономической жизни Чечни.

Общим подходом в функционировании обоих групп элит было установление прямой зависимости новых крупных собственников от госаппарата, чиновников. Возможности бизнеса полностью определялись его лояльностью по отношению к действующей власти.

Так, Д. Дудаев свою главную задачу на посту президента видел в том, чтобы передать в руки нарождающейся олигархии (5 - 10% населения) не менее 60% совокупного богатства страны.[109] В период с октября 1991 г. по декабрь 1994 г. происходил интенсивный развал государственного сектора экономики, объекты государственной собственности буквально

[109] Дудаев Д. К вопросу о государственно-политическом устройстве Чеченской Республики. Грозный, 1993.

растаскивались и разворовывались. При этом в республике сохранялся запрет на приватизацию госсобственности.

Эту же политику пытались проводить и последующие лидеры «независимой» Ичкерии: в 1997-1998 гг. под разговоры о передаче части государственной собственности в руки «участников Сопротивления» все наиболее уцелевшие и привлекательные объекты ЧР перешли в распоряжение крупнейших «семей». Однако официального признания негласной приватизации не было и на этот раз, что оставляло возможность ее ревизии и нового передела собственности и являлось мощнейшим рычагом давления на бизнес, обеспечение его подконтрольности и управляемости.

При этом само общество крайне негативно относилось к такому положению дел. Так, по данным опросов, проводившимся Информационно-аналитическим Центром администрации президента и ИАЦ «АЛА» в 1997-2001 гг. большинство населения считало, что приватизация должна содержать единые правила для всех (примерно 75% респондентов) и примерно пятая часть населения - за предоставление льгот, связанных с фактическим стажем работы в республике. Проведенный в 1997 г. опрос населения показал, что только примерно пятая часть респондентов оценивает приватизацию как своевременное и давно назревшее решение, как единственный способ поднять экономику, укрепить государство (см. таблицу)

«Мое отношение к приватизации»

	1997 N=809	1998 N=470	1999 N=809
1. Своевременное, давно назревшее, необходимое решение	4,4%	4,84%	4,4%
2. Преждевременное решение	10,1%	12,11%	14,2%
3. Единственный способ поднять экономику, укрепить государство	16,2%	12,64%	16,2%
4. Решение, сулящее большие выгоды отдельно взятому лицу или группе людей, имеющим большие средства	19,7%	28,3%	19,7%
5. Я не против, но я не за, т.к. пока меня не убедили в выгодности и необходимости			

приватизации	15,7%	13,36%	15,7%
6. Решение, которое еще более ухудшит положение простого человека	13,6%	15,33%	13,6%
7. Я, честно говоря, не знаю, что дает приватизация, а потому у меня возникает чувство страха, неуверенности	13,0%	10,76%	13%
8. Иное	3,2%	2,66%	3,2%

В результате в Чечне, как и в целом в России, произошла концентрация власти и национального богатства в руках относительно небольших групп олигархов на фоне общего ослабления всех институтов власти. Форма же осуществления власти в республике имела принципиальное отличие: реализация властных функций политической элитой осуществлялась главным образом путем опоры на вооруженные формирования. Объяснение этого феномена, по-видимому, надо искать в неспособности достичь взаимоприемлемого компромисса в рамках существовавших государственных институтов. При этом простое вытеснение из Чечни части политической элиты принципиально не было способно изменить ситуацию по существу: маргинализированное чеченское общество пополняло свою этнократию новыми маргиналами.

Период с конца 1996 г. по первую половину 1997 г. характеризуется всплеском деятельности новых партий, движений и других общественных объединений. Так, на 1.01.1998 г. в республике насчитывалось 283 общественных объединения. Одним из объяснений столь широкого распространения деятельности общественных объединений может служить то, что этот период характеризовался проведением многочисленных выборов президента, парламента, мэров, и как следствие - беспрерывное вовлечение людей в предвыборные кампании. Проведенный в начале января 1997 г. Независимой аналитической группой «Союз» социологический опрос в г. Грозном (N=280) показал, что в общественном мнении населения такое количественное разнообразие общественных объединений не связывается с

возможностью достижения национального согласия.[110] Так, на вопрос «Способствует ли наличие большого числа общественных объединений национальному согласию?» ответы распределились следующим образом: «да» - 14,0%, «нет» - 69,6%, «не знаю» - 10,5%.

Эти данные коррелируют с выявленными в ходе этого же опроса предпочтениями респондентов в отношении той или иной партии или движения. На вопрос «За представителей (кандидатов в члены парламента) какой партии или движения Вы будете голосовать?» ответы распределились следующим образом:

1. Ни за кого	64,6%
2. ОПД «Даймохк» (Л. Умхаев)	11,1%
3. ОПД «Союз народа за возрождение ЧР» (Р. Хасбулатов)	7,9%
4. Партия национальной независимости (Р. Кутаев)	7,5%
5. ВДП	3,2%
6. Ассамблея общественных партий и движений	2,5%
7. Внешнеполитическая ассоциация (Г. Эльмурзаев)	2,1%
8. Партия «Женщины Чечни»	1,1%

Вообще же следует отметить, что данные социологических исследований свидетельствуют, что в чеченском народе велико стремление к достижению единства и национального согласия. Желание видеть народ единым, готовность совместными усилиями ликвидировать последствия войны, нежелание делиться ни на «оппозиционеров» и «дудаевцев», ни на воевавших, митинговавших и остальной народ наглядно показывают результаты проводимых в 1997 г. социологических опросов в г. Грозном Социологическим отделом при Министерстве госполитики и информации Чечни, а также Информационно-аналитическим центром при Президенте ЧР. При разном количестве респондентов (N=196 и N-817 соответственно) и времени проведения (август и ноябрь соответственно) оба опроса дают одинаковую картину при ответе на вопрос об отношении к разделению

[110] Мы выбираем, нас выбирают // Голос Чеченской Республики. 1997. № 3.

населения на политические категории: неодобрительное отношение высказали 85,4%, одобрили – 6,6%, проявили безразличие 4,6% и 2,6% не смогли определиться с ответом.

Наряду со стремлением к единству и согласию социологические исследования фиксируют и сильное желание чеченского народа видеть в республике сильную власть, способную обеспечить согласие, единство и нормальное развитие республики. Интересно, что в период выборов президента республики в 1997 г. население по-разному относилось к выборам как к фактору достижения национального согласия до и после выборов. Так, до выборов девять из десяти респондентов связывали их с достижением согласия в обществе, а вот после победы А. Масхадова преобладающее большинство населения перестало рассматривать выборы как фактор национального согласия.

В период правления Масхадова не слишком высоко оценивало население и деятельность основных органов власти и управления – правительства, парламента, президента. Так, опрос, проведенный Информационно-аналитическим Центром администрации в 1998 г. президента, позволил оценить по десятибалльной системе деятельность институтов власти в республике. По результатам опроса среди респондентов в октябре-ноябре средними баллами оценена деятельность президента, невысокие баллы по продуктивности деятельности прежнего правительства и самые низкие - по деятельности парламента включительно по октябрь. На невысокую оценку деятельности парламента, возможно, повлияли такие объективные причины, как неукомплектованность в связи с затянувшимися на полгода выборами в парламент, а также противоречиями и несоответствием Конституции и объявленным государственным устройством Чеченской Республики Ичкерия. Ради справедливости следует отметить активизацию работы парламента к концу года, причем, в вопросах вызывавших наибольший общественный резонанс.[111]

---

[111] См.: Басханова Л. Опрос – зеркало общества. // Грозненский рабочий. 1998. 9-15 апреля.

Однако в 2000-2001 ситуация изменилась (см. таблицу). Налицо довольно заметный рост признания реальной власти Администрации Чеченской Республики, возглавляемой А. Кадыровым в период 2000 года, причем только за счет прироста в женской выборке – увеличение в 2,5 раза. Отчасти это объясняется личным общением Кадырова с населением: среди ежедневно попадавших на прием к главе Администрации отмечается преобладающее количество женщин над мужчинами. Однако данную работу, несомненно, приносившую свои плоды Кадыров приостанавливает в 2001 году.

«Кто, по Вашему мнению, будет обладать реальной властью в Чеченской Республике?»

	2000г.	2000г.	2000г.	2001г.	2001г.	2001г.
	муж.	жен.	итого	муж.	жен.	итого
Администрация Кадырова А.	10,0	5,71	8,0	15,15	12,33	13,91
Правительство ЧР (Ильясов С.)	-	-	-	25,31	23,06	24,33
Представительство РФ по ЧР (Бритвин Н.)	10,49	10,95	10,72	5,81	26,8	4,44
Военная комендатура	20,98	21,67	21,33	6,22	8,85	7,37
ОГВ	32,44	23,10	27,71	9,75	8,31	9,12
Президент Ичкерии А.Масхадов	3,9	3,1	3,49	4,36	1,88	3,27
Никто	21,22	22,14	21,69	16,60	21,17	18,60
Затрудняюсь ответить	5,37	13,81	9,64	15,35	19,84	17,31

Обладание властью напрямую связано с авторитетом, которым обладает та или иная ветвь власти у народа. Невысокие показатели доверия Администрации Чеченской Республики коррелируют с показателями решений социально-экономических проблем в республике. Неудивительно, что решение социальных вопросов крайне затруднено при отсутствии финансирования: средства на выдачу заработной платы в 2000 году поступали раз в 2-3 месяца, не говоря уже об отсутствии финансирования в другие сферы разрушенной войной республики. Необходимо отметить, что,

не приступив ещё к работе, Правительство ЧР во главе с Ильясовым имело довольно высокий кредит доверия чеченского народа. Здесь важно отметить и присутствие величайшего желания чеченцев, уставших от войны, вернуться к мирной жизни, стремление населения республики к созидательному труду, миру и согласию.

Уместно отметить, что высокий кредит доверия также обусловлен уменьшением показателей влияния военных, что связано с окончанием активной фазы контртеррористической операции, а не с падением авторитета Администрации Чеченской Республики.

Сложившиеся в Чечне на протяжении 90-х годов политические и государственные институты в целом отражали реальное состояние чеченского общества и соответствовали характеру правящей элиты. Несомненно также, что в рамках этой политической системы невозможно было решить ни одну из стоящих перед Чеченской Республикой проблем и добиться поступательного развития чеченского общества. Состояние же самого общества во многом объясняется незавершенностью его социальной трансформации, «недотянувшей» до структуры индустриального общества. Деградация социальных связей и общественных институтов явилась неизбежным следствием отрыва Чечни от более развитого общественного организма РФ.

ГЛАВА 3. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧНИ В УСЛОВИЯХ ПОСТКОНФЛИКТНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ

3.1. Воздействие СМИ на базовые ценности в общественном мнении населения Чечни в постконфликтный период

Общественное мнение трудно объяснить без учета психических состояний людей. Исследования общественного мнения дают возможность учитывать не только лежащие на поверхности, но и скрытые психологические тенденции политических процессов, а соответственно этому и избирать такие мероприятия, которые были бы адекватны возникшей ситуации. Познать состояние и динамику общественного мнения - это значит выполнить основное требование, необходимое для правильного принятия политического решения. Ведь как справедливо отметил Л.Н. Гумилев в статье «Горе от иллюзий»: «...в борьбе за власть каждая политическая группировка стремится завоевать симпатии общества, а поэтому трансформация истины проходит легко и как-то незаметно».[112]

Политика целенаправленного воздействия на общественное мнение предполагает знание настроений широких народных масс, знание реального положения вещей. Отсюда важность, с одной стороны, информационно-психологического воздействия по всем возможным каналам, а с другой — тщательного изучения общественного мнения.

Трудно переоценить роль средств массовой информации в процессе формирования и воздействия на общественное мнение. На сегодняшний день социальный опыт и знания людей складываются уже из двух основных составляющих. Первая предполагает наличие непосредственных социальных контактов, вторая формируется за счет восприятия событий и явлений, опосредованных сообщениями средств массовой информации или массовой коммуникации. Именно сейчас решающее значение приобретают различные информационные технологии, огромную роль в жизнедеятельности

[112] Цит. по: Панарин И.Н. Информационная война и выборы. М., 2003. С. 93.

современного российского общества играют средства массовой информации. В современном обществе именно СМИ позволяют корректировать, регламентировать и проектировать массовое сознание и психику людей. При этом упор делается на использование законов психологии, некритическое восприятие, политическую неопытность.

Деструктивные процессы конца 80х – 90-х годов XX в. негативно сказались на всех сферах жизни России, в т.ч. и на информационных процессах и некогда едином информационном пространстве страны. Это единство, в основе которого лежала советская идеология, под влиянием ксенофобии, сепаратизма было разрушено, что привело к расколу информационного пространства, сделало его дискретным.

Развернувшиеся в начале 1990-х гг. процессы «демократизации» и «регионализации», не могли не отразиться на качестве информационного пространства страны: фрагментарность информационного пространства сопровождалась нарастанием противоречий между его федеральным и региональным уровнями. Федеральный уровень, представленный центральными средствами массовой информации, транслируют преимущественно модернизационную культуру в целом, а также ценности современной политической культуры (радикализм, автономность личности, идеалы свободы, равенства, толерантность, уважение к частной собственности, инновационность, мобильность и т.д.). Причем это делается унифицировано, без учета этнокультурных особенностей регионов. Местные же, региональные средства массовой информации, в отличие от центральных, преимущественно ориентированы на возрождение традиционной культуры титульных этносов.

Это имеет двоякие последствия. С одной стороны, идет процесс утверждения демократических ценностей и индивидуализма в обществе. С другой стороны, утверждение новой политической культуры и правосознания через СМИ ассоциативно связано с их нигилизмом по отношению к традиционной культуре и советскому периоду в истории

России. Дискредитация советской науки и пропаганда паранаучного мифотворчества, эксплуатация тем насилия, аморализма, критика власти и управления в качестве самоцели и т.д. объективно создали в 1990-е годы информационную основу для ослабления единства страны, нарастания противоречий в ценностных ориентациях людей в центре и регионах.[113]

Немаловажное значение в противоречивости регионального и федерального информационного пространства имеет и вопрос свободы, «независимости» средств массовой информации. Несмотря на то, что российский закон «О средствах массовой информации» является одним из самых демократичных, несмотря на отсутствие цензуры, свобода большинства региональных СМИ ограничена. И в первую очередь речь идет о финансово-экономическом аспекте свободы. В регионах практически нет изданий, которые могут обойтись без внешней финансовой поддержки. Общественно-политические печатные СМИ сегодня не в состоянии выйти даже на минимальный уровень рентабельности, которая жестко ограничена низкой покупательской способностью населения. Собственно СМИ и не рассматриваются в регионах как инструмент получения прибыли, а служат в первую очередь инструментом политического влияния, либо информационного обеспечения деятельности руководства республик, краев или областей. Отсюда, «независимая пресса» в регионах - достаточно условное понятие.

По способу распространение информации СМИ можно разделить на две группы – печатные и электронные. На территории ЧР функционируют следующие электронные средства массовой информации: ГУ «Грозненская телерадиокомпания», телерадиокомпания ЧГТРК, «Грозненское радио», радиостанция «Чечня свободная».

Важным аспектом развития чеченских электронных СМИ является решение проблемы баланса передач на чеченском и на русском языках. Так,

---

[113] См.: СМИ в этнополитических процессах на Юге России. / Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 19. Ростов-на-Дону, 2003.

утверждена сетка вещания ГУ «Грозненская телерадиокомпания» на 2004 год, в которой предусмотрены передачи, как на чеченском, так и на русском языках.

Основными редакциями ГТР являются:

1. Редакция информационных программ (на чеченском и русском языках).
2. Редакция политики и экономики. (передачи: «Отражение», «Жизнь района», «Черное и белое», «Молодежная суббота», «Шестой выпуск», «Колесо истории», «Слагаемые успеха», «Спортивное обозрение», «Криминальная хроника», «В мире медицины», «Пресс-обзор»).
3. Редакции художественных программ. («Созвездие девы», «Г1иллакхийн хазна», «Нохчалла», «Занавес», «Спокойной ночи малыши», «Рузбан де»).

Следует отметить наметившуюся тенденцию к увеличению аналитических передач. Коллективом ГТР проводится работа по освещению деятельности Президента, Правительства и Госсовета ЧР.

В связи с техническими трудностями телесигналом ГТР охвачено всего 40% территории республики. (Численность населения, проживающих на охватываемой территории – 460 тыс. чел.).

«Грозненское радио» продолжает вою работу ежедневно в период с 7: 00 до 24: 00. Основными редакциями «Грозненского радио» является:

- редакция информированных программ;
- редакция музыкально-развлекательных программ;
- редакция политики и экономики.

Из-за ряда технических причин остается пока недосягаемым 80-процентный охват эфирного «Грозненского радио» территории республики.

Телепрограммы ЧГТРК выходят в эфир ежедневно (кроме воскресенья) с 17 ч. 10 мин. До 22 часов с переключением на телеканал «Россия»: на время трансляции выпуска «Вести» (а с началом периода предвыборной

агитации – и на предвыборные теледебаты); на передачу «Спокойной ночи малыши». Общий прием ежедневного эфирного - эфирного времени – 3 часа.

Территория распространения телесигнала – более 80% республики. При помощи ВГТРК «Россия», часть материалов передается в страны СНГ и некоторые страны зарубежья (Англия).

Основные редакции телевидения ЧГТРК:

1. Главная редакция информационных программ;
2. Главная редакция аналитических программ, в которую входят:
    - Редакция общественно-политических программ (готовит передачи на чеченском языке).
    - Редакция политики и экономики.
    - Редакция художественных программ.
    - Редакция молодежных и детских программ.
    - Редакция писем и рекламы.

Радио ЧГТРК охватывает вещанием 90% территории республики, причем ежедневное время в эфире – 2 ч. 30 мин.

Основные редакции:

1. Общественно-политическая редакция.
2. Редакция информационных программ.
3. Художественная редакция.
4. Молодежная редакция.
5. Редакция экономики и социальных проблем.
6. Отдел писем.

Таким образом, практически вся территория Чеченской Республики охвачена деятельностью электронных СМИ. Причем, как видно из простого перечня основных редакций, наиболее приоритетными направлениями их деятельности являются наряду с освещением общественно-политических проблем, а также художественно-развлекательными программами создание программ для детей и молодежи. Последнее обстоятельство представляется очень важным, поскольку включение молодежи в созидательный процесс,

социально-психологическая реабилитация молодых людей являются задачами исключительной важности для Чеченской Республики. В целом же структурно-функциональный анализ электронного информационного пространства республики свидетельствует о его трансформации в направлении адаптации к мирной жизни в рамках единого общероссийского пространства.

Вместе с тем существуют и проблемы интеграции республиканского информационного поля в общероссийское. Наиболее наглядно они могут быть продемонстрированы на примере печатных СМИ. Выбор данного объекта анализа обусловлен главным образом доступностью информационной базы. В целом риторика и проблематика как электронных, так и печатных СМИ демонстрируют высокую степень корреляции.

В настоящее время в ЧР издаются: 4 республиканские газеты («Вести республики», «Даймохк», «Молодежная смена», «Столица плюс»), 4 региональные газеты («Гумс», «Маршо», «Зама», «Терская правда») и 3 журнала («Вайнах», «Орга», «Стела1ад»). Учредителем всех средств информации является Министерство Чеченской Республики по национальной политике, информации и внешним связям.

Анализ указанных СМИ показывает, что тема безопасности сегодня является одной из основных среди всего массива публикаций. Причем, согласно сообщениям СМИ, на данный момент для жителей Чеченской Республики безопасность означает, прежде всего, прекращение похищений людей, которые в республике происходят еженедельно.

Если обратиться к содержательному аспекту деятельности большинства СМИ ЧР, то можно заметить, что в 2001 – 2002 гг. наибольшее внимание уделялось острой теме отношений населения республики и федеральных сил, участвующих в контртеррористической операции. Во втором полугодии 2002 года было опубликовано 26 материалов, содержавших интолерантные высказывания в адрес федералов. Причем, только один текст был построен как текст вражды («В двух шагах от

сортира», опубликованный в «Вестях Грозного»), в остальных публикациях - язык вражды или нетерпимости содержался в отдельных репликах. Больше всею материалов, содержавших интолерантные высказывания, было опубликовано в газетах «Халкъан дош» (6) (Веденский и Ножай-Юртовский районы), «Вести Грозного» (5) и «Иман» (6) (Ачхой-Мартановский район). Все интолерантные тексты подавались спонтанно (как отклики на прошедшие зачистки, артобстрелы, исчезновения мирных жителей и др.). Невозможно констатировать общую организацию таких публикаций. Примечательно, что популярность издания связана с тем, насколько жестко оно освещает тему непростых взаимоотношений мирного населения и федералов.

Аналогичную картину показывают и социологические исследования общественного мнения. Так, опросы, регулярно проводимые Фондом «Общественное мнение», свидетельствуют о неуклонном снижении доли одобряющих действия российских военных в Чечне (данные в % от числа опрошенных)[114]:

	Опросы			
Действия российских военных в Чечне	ноябрь-1999	сентябрь-2000	июнь- 2001	август- 2002
Одобряют	64	53	42	30
Не одобряют	23	34	46	48

Источник: Петрова А.С. Одобрение действий российских военных в Чечне неуклонно снижается. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002. // www.fom.ru.

Впервые преобладание недовольных действиями федеральных войск в Чечне было зафиксировано в июне 2001 года. Но если год назад одобряющих и неодобряющих было примерно поровну, то теперь последних - в 1,6 раза больше.

Как показывают ответы тех, кто позитивно оценивает действия военных, на вопрос о причинах такого одобрения, оно чаще всего обусловлено самим фактом «борьбы с терроризмом» и «наведения порядка»

[114] Фонд «Общественное мнение». Всероссийские опросы городского и сельского населения. 13 ноября 1999 года, 23 сентября 2000 года, 9 июня и 31 августа 2002 года. По 1500 респондентов.

(20%). Жесткость мер, применяемых военными, приветствуют 3% наших сограждан. 2% опрошенных нравится, что военные, с их точки зрения, стали «действовать более осмысленно, улучшили тактику своих действий», они стараются «быстрее закончить войну в Чечне».

В целом аргументы тех, кто поддерживает действия федеральных войск в Чечне, за последнее время не изменились.[115] У респондентов же, недовольных действиями федеральных сил, появились новые аргументы: 8% считают, что «ведется истребление народа», «гибнут мирные жители»; 5% называют военную операцию в Чечне «оккупацией»; встречаются настоятельные пожелания вывести войска и «найти мирный подход к урегулированию конфликта» (3%).

За первый квартал 2003 г. содержание печатных СМИ республики изменилось в сторону более объективного и всестороннего освещения хода контртеррористической операции, налаживания мирной жизни. Исчезли со страниц газет умозаключения о тотальном геноциде чеченского народа со стороны российских властей, об изначальной враждебности русских. Критика направлена против неэффективной системы, допускающей факты нарушений прав мирных жителей, при этом само направление проводимой государственной политики не ставится под сомнение. Такое изменение тональности освещения деятельности военных, по всей вероятности, связано как с надеждами, возлагавшимися населением республики на предстоящий референдум, а также с определенными позитивными изменениями в жизни республики, некоторой стабилизации ситуации.

Однако, продолжавшаяся в 2003 г. практика зачисток повлияла на то, что в последнее время в обиход ряда СМИ ЧР входят понятия управляемого конфликта и отторжения Чечни от России. Зачистки, исчезновения людей, артобстрелы, в результате которых гибнет мирное население, подрывы домов федеральными силами расцениваются в целом как действия, не способствующие стабилизации ситуации в республике. Особую же остроту

[115] См.: ФОМ-ИНФО №18 (415) от 23.05.2002.

приобрели публикации, поднимающие проблему исчезновений людей в ходе действий федеральных структур. СМИ ЧР (и в первую очередь межрайонная газета «Маршо», распространяемая в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском, Сунженском, Шатойском, Шаройском, Итум-Калинском районах и в г. Грозном) выражают обеспокоенность в связи с тем, что представители силовых структур так ни разу и не дали сколько-нибудь вразумительной информации о дальнейшей судьбе пропавших людей.

В характеристике деятельности чеченского ОМОНа преобладает несколько иная риторика: их деятельность всячески героизируется печатными СМИ ЧР. Всё это, несомненно, формировало однозначно негативный образ военных в общественном сознании населения, оказывало негативное влияние на общественно-политическую обстановку в целом

Наиболее опасным противником мирных преобразований в Чечне согласно публикациям в СМИ республики стали отдельные «силовики-федералы», которые, «заняты не наведением порядка, а простыми грабежами, разбоем и убийством». С другой стороны, критикуется и сама антитеррористическая операция, точнее то, какими методами она проводится. В частности, указывается, что все чаще жертвами спецопераций становятся не террористы, а мирные жители. Газета «Вести республики» опубликовала информацию о том, что в ходе проведения т.н. зачисток в октябре и ноябре 2003 г от преступных действий военных погибло 20 человек. Кроме того, СМИ утверждали, что войсковые подразделения не оперативны и их деятельность не всегда соответствует сложившейся ситуации.

Газета «Возрождение Чечни» (7.03.2003) предложила своим читателям текст выступления заместителя председателя Правительства ЧР, министра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Б. Гантамирова на заседании Правительства ЧР.

В выступлении отмечалось, что если «беспредел» со стороны военных не будет остановлен, никакой речи о проведении референдума не может

быть, тем более о получении каких-либо положительных результатов по этому референдуму.

Эта же газета «Возрождение Чечни» (20.02.2003) в материале «Беспределу нет конца», подготовленному по материалам, предоставленным правозащитным центром «Мемориал», рассказывает о том, что любой теракт или убийство российских военнослужащих (представителей комендатуры, ФСБ, ВОВД) может спровоцировать широкомасштабные чистки и репрессии среди местных милиционеров, ОМОНа, бойцов стрелковых рот. Степень недоверия «федералов» чеченским милиционерам и бойцам стрелковых рот крайне велика. Так, например, «федералы» при зачистках их используют лишь в оцеплении. Однако, статистика показывает, что проведение зачисток силами одного только чеченского ОМОНа на порядок эффективнее. Так, только в одном селе в ходе одной операции было изъято свыше 500 единиц стрелкового оружия, значительное количество других боеприпасов. Как отмечалось в ряде СМИ ЧР в предыдущие месяцы, местные милиционеры лучше знают обстановку.

В то же время ряд центральных и местных изданий постоянно подчеркивает, что в рядах чеченских милиционеров находится значительной количество представителей незаконных вооруженных формирований. Милицейская форма служит средством легализации бандитов, что позволяет им свободно перемещаться на территории республики («Казачий Терек» февраль 2003г.).

Тем не менее в последнее время увеличилось количество публикаций, посвященных чеченской милиции, в которых положительно характеризуется работа МВД. Ощущая острую нехватку средств связи, оружия автомобильной техники районные отделы внутренних дел добивались хороших результатов в пресечении бандитизма. Здесь, как кажется некоторым печатным изданиям, не последнюю роль играет самоотверженность служителей правопорядка. Будучи чеченцами, они в большинстве своем более заинтересованно и усердно выполняют

возложенные на них функции, что не скажешь о служащих регулярной армии, которые службу в Чечне воспринимают не иначе как повинность. Кроме того, меры по обеспечению безопасности в республике будут только тогда максимально эффективны, когда между населением и структурами правопорядка сложится определенный уровень доверия, а землякам добиться этого будет гораздо проще.

Регулярно пресса республики рассказывает об успехах службы безопасности Президента Чечни в розыске и освобождении пропавших людей. При этом часто акцентируется внимание на том, что федеральные службы не могут справиться с этой проблемой, а возможно, не хотят.

Проведенный подробный анализ печатных СМИ республики свидетельствует о том, насколько непростой является ситуация, при этом информационное пространство Чечни, генерирует не всегда адекватные интересам общества импульсы в виде подобных публикаций.

Газета «Известия» от 19.02.2003 г. представила результаты социологического опроса, проведенного МИТР ЧР. На вопрос анкеты «Кто виноват в трагических событиях в Чечне?» большая часть респондентов - 62,5% - ответила: федеральный центр. На втором месте идут ваххабиты - 14,6%. Сепаратистов обвиняют только 9,8%. 23,4% считают, что необходимо вести переговоры с Масхадовым, против таких переговоров 41,5% опрошенных. Наиболее злободневной проблемой большинство – 61,8% считают неправомерные действия федеральных сил, действия боевиков тревожат только 27,7% опрошенных. 62,2% респондентов не хотят покидать республику, потому что надеются на скорые перемены к лучшему. При этом ровно половина опрошенных полагают, что мир в Чечне наступит не раньше чем через 5-10 лет. 36,3% хотели бы видеть президентом республики представителя московской диаспоры. За Кадырова, который корректно назван в анкете «представителем сегодняшних официальных властей», проголосовало бы только 16,5%. За представителей сепаратистов готовы отдать голос только 1%. За «представителя федерального центра» - 19,5%.

Результаты опроса в горной и равнинной части существенно не различаются. Разве что в горах чуть снисходительней относятся к сепаратистам, чуть больше (на 4%) сторонников переговоров с Масхадовым и на 2% ниже рейтинг Кадырова.

Конечно, приведенные выдержки из материалов СМИ республики не являются доминирующими. В этот же период среди СМИ Чечни резко активизировалась антитеррористическая пропаганда, возросло количество материалов обличающих террористов, проливающих свет на истинные мотивы их деятельности. Газета «Столица плюс» разместила материал о колоссальных доходах известных террористов, что, вся их деятельность направлена в конечном итоге, не на построение справедливого, исламского государства, а на личное обогащение. Данное издание проинформировало читателей о том, что руководством правоохранительных органов принято решение о выплате денежного вознаграждения в размере 100 тыс. долларов США тому, кто окажет содействие в нейтрализации иностранного наемника и бандглаваря Абу аль-Валида. При этом, указанная сумма выделена из 151 тыс. долларов США, которые были изъяты из тайника другого бандглаваря – Х.Тазабаева.

«Вести республики» представили анализ деятельности бандформирований, в котором подробнейшим образом вскрывалась финансовая составляющая многих терактов. Привели факты убийств из-за денег полевых командиров другими боевиками, что все полученные финансовые средства в виде выкупов, помощи всевозможных благотворительных фондов арабского востока аккумулировались на индивидуальных счетах лидеров незаконных вооруженных формирований.

Несомненно, позитивным фактом является серия публикаций на страницах газет в рубрике «Вернулись к мирной жизни» о сдаче представителям федеральных сил участников незаконных вооруженных формирований. Такие публикации способствуют формированию и

закреплению в общественном сознании установок к мирной жизни, толерантности.

Особо следует подчеркнуть, что за прошедшие двенадцать лет сознание людей оказалось деформированным. В этих условиях выросло не одно поколение молодых людей, одурманенных чуждой для чеченцев идеологией. Речь идет не только о ваххабизме и идеях сепаратизма, для которых война подготовила благодатную почву, но и так называемая «американизация» молодежи, когда забываются традиции и обычаи своего народа, теряется индивидуальность, менталитет чеченцев.

В материале «Русские в Чечне» («Маршо», «ЗАМА», «ГУМС», «Терская правда») отмечается, что республика ощущает сегодня острую потребность в русскоязычных кадрах и прежде всего в образовании, науке, здравоохранении. Но поскольку ситуация остается криминогенной, люди не рискуют возвращаться. В целях изменения ситуации необходимо целенаправленно работать в области создания благоприятного климата, благожелательного и уважительного отношения к представителям разных национальностей. Создание благоприятной обстановки должно происходить на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности республики. Начинать необходимо с подрастающего поколения. На уроках по вайнахской этике в школах детям необходимо рассказывать о традиционном гостеприимстве, терпимости, доброжелательности вайнахов к людям другой национальности и веры.

В целом печатные издания можно разделить на три группы.

1. Лояльные издания, основной упор в которых делается на освещении процесса восстановления мирной жизни, проблема зачисток и исчезновений людей ими или не затрагивается, или освещается сдержанно и корректно.

2. Нелояльные, заостряющие внимание на злоупотреблениях и нарушениях нрав мирного населения российскими военнослужащими, действия последних преподносятся как произвол, что способствовало появлению неприязни у мирного населения но отношению к

военнослужащим ОГВ и к русским (наиболее провокационные по характеру статьи публиковались в «Вестях Грозного» и «Халкъан дош»).

3. Издания, где наряду с материалами, в которых одобряются и поддерживаются действия властей и федеральных войск, также публиковались и острые материалы, осуждавшие политику центра по отношению к Чеченской республике, появлялись карикатуры на федеральных военнослужащих.

Сегодня структура информационного поля Чеченской Республики еще не демонстрирует устойчивости и стабильности. Здесь еще отсутствуют системообразующие средства массовой информации, т.е. средства массовой информации, способные выступать в качестве центров силы информационного пространства, задавать ориентиры и формировать устойчивое общественное мнение. Еще не преодолено «оборонное сознание» не только населения, но и большинства журналистов, сложно оценить глубину и неоднозначность проблем, с которыми столкнулось чеченское общество на современном этапе. Поэтому процесс формирования информационного пространства республики требует пристального внимания со стороны не только региональной власти, но и федерального центра.

Необходима четкая и продуманная политика по укреплению основ информационного комплекса ЧР, а также его включения на неконфликтной основе в общероссийское информационное пространство. Сегодня необходимо мобилизовать все усилия по интеграции информационного комплекса Чеченской Республики в общекавказское, а шире – общероссийское информационное пространство. Ведь проблема отчуждения Чечни как субъекта информационной политики генерируется не только структурами самой республики, но другими субъектами Российской Федерации.

Так, за последние полтора года тема ЧР в средствах массовой информации ее ближайших соседей (Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии) поднималась эпизодически, а

федеральные средства информации обращались к данной республике лишь в случае очередного теракта или в рамках встреч на высшем уровне.

Сопоставительный анализ опросов общественного мнения и публикаций СМИ демонстрирует тесную взаимозависимость материалов и оценок, представленных в них. Это свидетельствует о теснейшем и далеко не однозначном взаимодействии СМИ и общественного мнения. Вообще в научных исследованиях можно выделить две противоположные тенденции в изучении и оценке деятельности СМИ и осуществляемого ими влияния на общественное мнение населения. Первая (У.Липпман, Ж.Бодрийяр, П. Бурдье и др.) исходит из того, что большая часть мира находится за пределами достижимости современного человека, а доля его наблюдений оказывается ничтожно мала. Человек не в состоянии осуществить верификацию сведений, передаваемых в СМИ. Таким образом, СМИ имеют почти неограниченные возможности по созданию «псевдокартины» мира и являются мощнейшим стимулятором образования социальных мифов.

Представители второго направления (Э.Тоффлер, Д.Белл, В.Иноземцев и др.) рассматривают СМИ как средства массовой коммуникации и делают акцент на двусторонности процесса взаимодействия этого института информации и их аудитории. При этом общественная роль СМИ понимается в духе принципов децентрализации, самоуправления, прямого межличностного общения и свободы самоопределения личности.

Не оценивая ни первый, ни второй подход, поскольку оба имеют право на существование, следует отметить, что доминирующей функцией современных СМИ является функция социального управления. Вся же иерархия многочисленных функций средств массовой коммуникации: агитационная, пропагандистская, организаторская, просветительская, информационная, воспитательная, коммуникативная, регулятивная, познавательная и т.д., — по сути являются конкретизацией этой общей генерализирующей функции средств массовой коммуникации — функции социального управления.

Тем не менее, с целью более эффективного социального управления, особенно в условиях постконфликтного развития республики решающее значение приобретает комплексность и системность в реализации функций средств массовых информаций в ходе формирования адекватного общественного мнения населения республики. Системность предполагает в данном случае формирование открытого регионального информационного пространства, интегрированного в единое общероссийское, их согласование, и синхронизацию. Комплексность же означает выработку и реализацию средствами массовой информации конкретных мероприятий по образованию, просвещению, воспитанию и идеологической подготовке населения республики. Такая система мероприятий должна включать следующие направления.

Готовить и распространять через средства массовой информации республики материалы, раскрывающие объективные и субъективные причины, вызвавшие чеченскую трагедию. Разъяснять, что русско-чеченского противостояния не было, а была его инсценировка, что криминальные ваххабитские группировки в регионе представляли в перспективе реальную угрозу не только для Чечни, южнороссийского региона, но и целостности и безопасности всей России. Занять активную позицию в выявлении сущности религиозных экстремистских организаций (ваххабитских и прочих), их идеологии и практики.

Необходимо последовательно и настойчиво раскрывать подлинную сущность так называемых ичкерийских лидеров и полевых командиров, закрепляя в общественном сознании образ недальновидных, амбициозных людей с меркантильными интересами, не имеющих ничего общего с проблемами чеченского народа.

Важное место должно быть отведено разъяснительной работе с гражданами республики по вопросам перспективы прекращения деятельности террористов и уголовных банд. Население должно понимать, что терроризирование мирного населения и препятствование налаживанию

мирной жизни будет продолжаться до тех пор, пока бандиты, скрывающиеся под маской «борцов за свободу» будут пользоваться явной или скрытой поддержкой у некоторой части населения. Люди должны четко осознать, что так называемые моджахеды на деле являются злейшими врагами чеченского народа, агентурой международных террористических организаций, и фактически ведут войну на уничтожение чеченского народа.

Следует активно использовать положительный потенциал многовековых традиций миротворчества на Северном Кавказе[116]. В средствах массовой информации необходимо шире использовать выступления религиозных деятелей, ветеранов Великой Отечественной войны, представителей научной, творческой и технической интеллигенции.

В публикациях печатных изданий, телерадиопередачах главными героями должны стать сотрудники местных правоохранительных органов, строители, врачи, учителя и деятели культуры, сотрудники местных и республиканских властных структур, которые в трагические дни не бросили свой народ и живут его жизнью, разделяя все его тяготы и лишения.

С целью благоприятного воздействия на психоэмоциональное состояние общества, общественное мнение необходимо способствовать распространению всесторонней информации, отражающей, прежде всего, позитивные процессы в экономической, социальной и политической сферах, направленной на скорейшее возвращение республики в конституционное поле Российской Федерации. Акцентировать внимание на том, что в обществе, занятом созидательным и творческим трудом, имеющем перспективу и уверенность в завтрашнем дне, не останется места террористам и бандитам.

Во всех средствах массовой информации ввести рубрику, раскрывающую духовное содержание людей в семейных династиях и трудовых коллективах, чья созидательная деятельность способствовала

---

[116] См.: Алиев А.К., Юсупова Г.И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. Махчкала. 2002.

повышению благосостояния Чеченской Республики и ее народа, как до начала боевых действий, так и в настоящее время.

Средства массовой информации должны формировать в сознании населения республики понимание необходимости успешного завершения контртеррористической операции и роли в ней федеральных сил, чеченской милиции и местного гражданского населения. Вместе с тем, доводить до сведения граждан, что ни один факт противоправных действий как по отношению к военнослужащим, так и отдельных военнослужащих по отношению к мирному населению не останется безнаказанным.

И, наконец, важнейшим аспектом мирного постконфликтного развития республики является проведение целенаправленной работы по разъяснению исторически прогрессивной роли России в становлении и развитии северокавказских народов, в защите их от восточных деспотических режимов. Необходимо нацелить работу научного потенциала республики на разработку и пропаганду идеи о том, что будущее малочисленных народов Северного Кавказа только в тесном союзе с демократической Россией.

3.2. Легитимизация в общественном сознании процесса становления конституционного порядка в Чеченской Республике

Наиболее открытой и непосредственной формой выражения общественного мнения являются выборы и референдум. В 2003 г. чеченскому народу была дважды предоставлена возможность высказать свое мнение по наиболее принципиальным и судьбоносным проблемам постконфликтного развития республики: на республиканском референдуме по принятию на нем Конституции Чеченской Республики и законов о выборах Президента и Парламента Республики, а также на выборах Президента ЧР.

Председатель Парламентской ассамблеи Европы Питер Шидер на страницах газеты «Известия» опубликовал свою статью, в которой

безоговорочно поддержал идею проведения конституционного Референдума в Чеченской Республике: «23 марта народ Чечни будет участвовать в голосовании, преисполненный надежды и отягощенный тревогой. После трех с половиной лет войны на карту поставлено самое главное — референдум по проекту Конституции Чечни дает возможность разорвать порочный круг насилия и начать политический процесс мирного разрешения конфликта».[117]

В референдуме приняло участие более 80% избирателей. Всего были открыты 418 участков, в том числе — в ингушских населенных пунктах Слепцовская и Карабулак, где смогли проголосовать вынужденные переселенцы из Чечни.

Избирательная комиссия Чеченской Республики сообщила, что на первый вопрос референдума «Принимаете ли Вы Конституцию Чеченской Республики?» утвердительно ответили 96,04% проголосовавших, отрицательно — 2,66%.

На второй вопрос — «Принимаете ли Вы Закон Чеченской Республики «О выборах Президента Чеченской Республики?» — дали положительный ответ 95,07% участников референдума, отрицательный — 3,59%.

На третий вопрос — «Принимаете ли Вы Закон Чеченской Республики «О выборах в Парламент Чеченской Республики?» положительно ответили 95,95%, против высказались 2,76%.

Самый большой процент давших положительные ответы на все три вопроса отмечен в Надтеречном районе. Конституцию Чеченской Республики здесь одобрили 99% проголосовавших. Самый высокий процент недоверия наблюдался в Итум-Калинском районе — 11,02% от числа голосовавших.

Интересным представляется анализ динамики общественного мнения населения по вопросу об отношении к предстоящему референдуму. Независимым информационно-аналитическим центром «Ала» («Скажи»), руководителем которого является автор данной работы, в декабре 2002 года,

---

[117] Цит. по: Панарин И.Н. Информационная война и выборы. М., 2003. С. 244.

в январе и феврале 2003 года проводились социологические опросы. Были опрошены по 1000 респондентов являющихся жителями всех районов Чеченской Республики. В январе 1/3 часть выборки составляли выходцы крупнейшего в Чечне Урус-Мартановского района, а 1/5 часть - выходцы Грозненского района. Доля выходцев северных районов в выборке составила 7 %, а доля выходцев горных районов (Ножай-Юртовского, Веденского, Шатойского, Шаройского, Шатоевского, Итум-Калинского районов) - 13 %.

В ходе опросов ставились следующие задачи:

1) выявить степень информированности населения о предстоящем референдуме;

2) выяснить осведомленность респондентов по вопросам, выносимым на референдум;

3) определить отношение граждан к референдуму, а также выявить отношение молодежи к проходящим политическим процессам (возрастная группа 16-20 лет и 21-29 лет);

4) определить готовность личного участия респондентов в референдуме; выявить отношение граждан к проекту Конституции Чеченской Республики, проектам законов о выборах Президента и Парламента Чеченской Республики;

5) выяснить, как будут голосовать предполагаемые респонденты за данный проект Конституции Чеченской Республики;

6) определить необходимые условия, призванные обеспечить успешное проведение референдума и максимальное участие в нем избирателей;

7) выяснить степень доверия респондентов к будущим результатам референдума.

В ходе социологического опроса удалось выявить, что население республики достаточно хорошо информировано о предстоящем референдуме. Так, в декабре 2002 года, на вопрос «Знаете ли Вы, что весной 2003 года в Чеченской Республике намечается проведение Референдума?»

положительно ответили 92,2% из 1000 опрошенных респондентов. Среди них степень информированности между мужской и женской выборкой распределилась следующим образом: 93,2% мужчин и 91,2% женщин. Мужчины традиционно более осведомлены в политических вопросах, чем женщины.

В феврале 2003 года ситуация по данному вопросу изменилась в сторону возрастания степени информированности населения. А именно 96,4% респондентов заявили, что им известно о точном времени референдума.

Идея проведения референдума активно была поддерживалась различными слоями чеченского общества. Ситуация об осведомленности граждан республики по вопросам выносимым на референдум в декабре выглядела таким образом: 62,8 % среди мужчин и 55,2 % среди женщин. Наиболее информированными оказались выборки (среди мужчин) государственных служащих - 74,3 %; сотрудников ИТР - 78,9 %; а также самые незащищенные слои населения: пенсионеры, безработные; жители в ПВР (пункты временного размещения). Среди женщин наиболее информированными оказались аналогичные выборки: госслужащие - 69,7 %; сотрудники ИТР - 75,0 %; безработные - 61,1 %; вынужденные переселенцы - 88,9 %. Активизация информационной, пропагандистской деятельности в первую очередь федеральных государственных СМИ, а затем и республиканских сказывается на результатах информированности различных возрастных категорий. Число информированных граждан по вопросам, выносимых на референдум, имело тенденцию постепенного роста.

И все-таки, доля неинформированных граждан продолжала оставаться достаточно высокой. Тем самым, следует признать слабую агитационно-пропагандистскую работу Инициативной группы по подготовке и проведению референдума в Чеченской Республике, а также недостаточно активную позицию республиканского телевидения, вплоть до середины февраля, по освещению хода подготовки к референдуму. Пассивность

республиканских печатных средств массовой информации, объясняется тем, что вместо увеличения тиража газет и журналов, в начале 2003 года решением чиновников состоялось сокращение их количества: из 12 районных газет остались четыре. На ответственном рубеже, когда решался вопрос вхождения Чечни в правовое поле России, имело место сокращение финансирования МПТР Чеченской Республики, что негативно отразилось на уровне информированности населения о важнейших политических процессах, протекающих в республике.

Следует обратить внимание на тот факт, что не был учтен фактор влияния на формирование общественного мнения в чеченском обществе авторитетных и влиятельных людей: потомков шейхов и устазов, ветеранов войны и труда, ученых, писателей, деятелей культуры и других. Более широкий спектр этих людей мог бы составить ядро участников и уполномоченных лиц Инициативной группы. Кроме того, в составе Инициативной группы мало представителей общественных объединений, партий и движений. И, тем не менее, благодаря тому, что в чеченском обществе не было отторжения идеи проведения референдума - народ готов был выйти и проголосовать за проекты Конституции и Законов о выборах Президента и Парламента Чеченской Республики.

Сказанное подтверждают результаты социологического опроса. Если в январе изъявивших принять личное участие в референдуме среди мужчин было 64, 8 %, то в феврале таковых - 72, 8 %. В январе женщин, желающих принять личное участие в референдуме, было 55, 6 %, а в феврале - 67, 6 %. Соотношение этих цифр говорит в пользу того, что референдум был бы признан, состоявшимся в анализируемый период времени, поскольку был бы преодолен пятидесятипроцентный барьер необходимый для признания результатов референдума.

Кроме того, процесс активизации работы участников Инициативной группы сдерживал ряд объективных причин. Это - угрозы, поступавшие в их

адрес со стороны боевиков, трудности прохождения через блок-посты, отсутствие связи.

В ходе опроса выявлена следующая закономерность. Так, в феврале месяце среди респондентов, желавших принять личное участие в референдуме было 70,2 %. Из них за проект Конституции ЧР готовы положительно проголосовать 58,6 %. В то время как за проекты Законов о выборах Президента и Парламента республики готовы проголосовать 70,2 %.

В результате исследования было важно выявить отношение граждан республики к референдуму как представленной им возможности, позволяющей проявить свою политическую волю, и найти правовой выход из тупиковой ситуации, сложившейся в Чечне. В ходе опроса установлено, что в декабре положительное отношение к референдуму высказали среди мужчин - 74,4 %, в то время как в феврале 79,6 %; среди женщин наблюдается та же самая динамика, то есть в декабре положительное отношение к референдуму у 68,8 %, а в феврале 72,4 %. Также наблюдается динамика в сторону уменьшения отрицательного отношения к предстоящему референдуму среди мужчин в декабре - 9,6 %, тогда как в феврале 6,8 %. Среди мужчин, затруднившихся определить свое отношение к предстоящему референдуму, в декабре было 16%, **а** в феврале 13,6 %.Время, упущенное для активной работы среди населения более продуктивно было использовано противной стороной. Они распространяли листовки с угрозами в местах скопления населения, а также использовали формы открытой антиагитации. Что наглядно просматривается в женской выборке, традиционно более чувствительной к угрозам. Так, в декабре отрицательное отношение к проведению референдума выявлено у 3,2 %, а в феврале 8 %. Увеличение отрицательного отношения произошло за счет наличия большого количества избирателей, сомневающихся в необходимости проведения референдума и подвергающих сомнению возможность позитивных изменений успешного исхода референдума. Так, в декабре месяце среди женщин, затруднившихся

определить свое отношение к предстоящему референдуму, было 28 %, в то время как в феврале - 19,6 %.

Необходимо обратить внимание на то, что у молодежи возраста от 16 до 20 лет готовности принять участие в референдуме было намного меньше, чем у остальной части населения. Так, в январе менее 50 % молодежи до 20 лет готова принять участие в референдуме, а в феврале только каждый четвертый изъявил желание участвовать в референдуме. Данная ситуация объясняется тем, что работе с этой выборкой на фоне негативных проявлений, имеющих систематический характер, противоборствующая сторона успешно набирает своих сторонников, симпатизирующих им. Среди молодежи также больше пессимистически настроенных, неверящих, что 23 марта 2003 года станет отправной точкой стабилизации ситуации в республике, а также сомневающихся, что статьи Конституции республики будут распространяться на всех граждан.

Изучение молодежи как социального феномена, включение ее в созидательный процесс, ее социально-психологическая реабилитация - задачи исключительной важности для Чеченской Республики. В связи с этим возникает необходимость радикального пересмотра молодежной политики, проводимой в республике.

У значительной части респондентов не было уверенности в том, что результаты голосования будут объективными. Следует обратить внимание на тот факт, что среди опрошенных в декабре респондентов 38,2 % уверены, что результаты голосования будут объективными, а 30 % в этом сомневаются. В феврале уверенность в объективности результатов возросла, и составила 47,0 %, а неуверенных - 21,0 %. Самыми недоверчивыми являются женщины в возрасте от 40 до 49 лет. 41 % из их числа выразили свое недоверие в объективном исходе голосования на референдуме. В целях возрастания уверенности у населения республики в том, что в ходе референдума не будут сфальсифицированы его результаты, следовало усилить общественный контроль за ходом голосования, а для этого необходимо создать комиссии из

числа неправительственных организаций, а также осуществлялось международное наблюдение за ходом референдума.

Результаты проведенного исследования позволяют признать, что чеченский народ был готов поддержать референдум, принять проекты Конституции Чеченской Республики, законов о выборах Президента и Парламента Чеченской Республики, что, как было сказано выше, и продемонстрировали результаты референдума. Сегодня сложилась ситуация, когда граждане республики нуждаются в защите их прав и свобод, обеспечение которых в большинстве из них связывают с принятием республиканских законов, определяющих их место в едином политико-правовом пространстве Российской Федерации. Значительное большинство граждан выражают мнение и о том, что Чеченская Республика должна быть субъектом равноправным с другими субъектами федерации, который должен представляться в высших органах страны легитимно избранными представителями народа.

Все, кто поддержали референдум и проявляли готовность принять участие в его проведении, надеялись на то, что его положительный исход позволит наладить выдачу компенсаций за потерю имущества и жилья, имевших место в ходе военных действий.

68,8 % опрошенных женщин надеются на то, что будут прекращены задержки и насилие над мужским населением. Такого же мнения и 48 % мужчин. 83,3 % молодежи до 20 лет от положительного исхода референдума ожидали прекращения практики незаконных задержаний в ходе зачисток и при прохождении блок-постов. Такого же мнения были 70 % молодежи от 21 до 29 лет.

Значительная часть молодежи лишена условий для получения полноценного образования из-за отсутствия в республике библиотек, учебной, научной и художественной литературы, квалифицированных специалистов в ряде областей, осуществляющих преподавание, условий для самообразования, проведения культурного досуга.

За резкое сокращение блок-постов высказывались до 60 % молодежи возраста до 20 лет, в основном это студенты, учащиеся техникумом, училищ, ежедневно проходящие или проезжающие их. Для этой возрастной категории граждан, отличающейся высокой шкалой эмоционально-нравственной чувствительности, военные на блок-постах, беспричинно их задерживали, ущемляли их честь и достоинство. Поэтому 64 % молодежи до 20 лет прямо высказывались за полный вывод федеральных войск с территории республики.

Значительная часть чеченской молодежи, не имея никакого отношения к совершенным в течение 12 лет преступлениям на территории республики, поставлена в ситуацию, когда на нее направлен основной удар федеральных сил в ходе проведения зачисток. Именно противоправные действия по отношению к чеченской молодежи толкают многих из них на «ответные действия». Они и пополняют ряды боевиков, так называемых «шахидов», идущих на верную смерть, чтобы отомстить либо за себя, либо за близких.

В целях сокращения численности встающих на «путь вендетты», федеральным силам необходимо не допускать несправедливого отношения к чеченской молодежи в ходе зачисток, спецопераций. При задержании молодых людей, учитывая психологические особенности этой возрастной группы, присущие им обостренные чувства справедливости, чести и достоинства, самооценки нельзя допускать противоправные действия, тем более действия, травмирующие их психику и достоинство. При обращении к задержанным лицам федеральные структуры совершенно не учитывают этноментальные особенности мужского населения Чеченской Республики, что никак не способствует стабилизации ситуации в республике. Нельзя не отметить тот факт, что несправедливое отношение, проявленное к задержанному лицу, или насилие, испытанное им, может толкнуть его или его ближайших родственников на отчаянный шаг вплоть до диверсий и

терактов. Чеченофобия как частное проявление кавказофобии на рубеже XX-XXI вв. является угрозой безопасности России[118].

С проведением референдума 56 % молодежи до 20 лет надеются на то, что родственники задержанных лиц могут получить от «федералов» сведения о местах их нахождения, а также о причинах задержания.

Результаты референдума во многом зависели от заинтересованности в успешном его исходе всего политического истеблишмента федерального центра, Южного федерального округа, прямых участников контртеррористической операции, проводимой в Чечне. При этом важно отметить и то, что политика по отношению к гражданам республики должна быть кардинально изменена. По всем показателям их жизни им нужно продемонстрировать, что они не стали изгоями в собственной стране, а являются ее полноправными гражданами.

Привлекательность политики федерального центра усилится в случае проведения разумной кадровой политики, недискриминационной в т.ч. и по национальному признаку. Такой подход в общественном мнении граждан Чеченской Республики будет означать радикальное изменение отношения центральной власти к чеченскому народу, являющемуся согласно Конституции страны, составляющей частью многонационального российского народа.

Российские граждане, проживающие в Чечне, в отличие от чеченской диаспоры, особенно «московской» меньше испытывающей прелести ситуации в Чечне, в значительном большинстве своем готовы были принять участие в референдуме. Во многом это объясняется надеждой на то, что успешный исход референдума улучшит их правовое, экономическое и политическое положение.

Граждане республики одобрительно восприняли намерение Президента и Правительства Российской Федерации осуществить выплату компенсаций

---

[118] Ксенофобия: вызов социальной безопасности на Юге России. Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д, 2004.

за потерянное в ходе военных действий на территории республики жилье и имущество.

Как же изменилась оценка населением общей ситуации в республики после референдума? По данным социологических исследований большинство населения (59%) не видит принципиальных изменений ситуации. При этом прослеживается тенденция к снижению доли тех, кто видит позитивные сдвиги в республике (22%) и к некоторому росту отмечающих ухудшение ситуации (18%). Набольшая доля людей, замечающих улучшение ситуации - это жители южных и северных районов (соответственно 30% и 26%). Об ухудшении ситуации чаще других говорят в центральных районах - 20%.

Тенденция к разочарованию в надеждах проявляется в изменении оценок традиционно более оптимистично настроенных сторонников идей нахождения Чечни в составе России. Среди этой части населения, по сравнению с июлем (см. таблицу), доля позитивных оценок ситуации снизилась с 27% до 24%, а доля негативных оценок соответственно выросла и составила 16% (в июле - 13%).

Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию в ЧР?

	Март %	*Май %*	*Июнь %*	*Июль %*	*Август %*
Улучшается	39	36	28	24	22
Не меняется	46	53	54	59	59
Ухудшается	11	8	15	16	18
Затрудняюсь ответить	4	3	3	1	1

Наметившийся в восприятии населения незначительный сдвиг в сторону ухудшения оценки ситуации проявился в изменении настроений населения в отношении предстоящих 12 месяцев (см. таблицу).

Какие чувства Вы испытываете, когда думаете о предстоящих 12 месяцах?

	Май %	*Июнь %*	*Июль %*	*Август %*
Надежду	55	53	54	51

Неопределенность	26	24	22	22
Тревогу, беспокойство	18	22	23	24
Затрудняюсь ответить	1	2	1	1

Признаки улучшения ситуации в ЧР

	Июнь %	*Август %*
Выплата пенсий, пособий, стипендий	41	36
Прекратились или стали реже массовые зачистки	14	23
Создание новых рабочих мест	9	11
Восстановительные работы в республике	12	14
Выдача заработной платы	23	13
Отсутствие широкомасштабных боевых действий	6	13
Большая безопасность при передвижении	6	11
Восстановление жилья	16	9
Работа школ и дошкольных учреждений	5	9
Уменьшение количества убийств и похищения людей	4	8

Признаки ухудшения ситуации в ЧР

	Июнь %	*Август %*
Непрекращающиеся похищения и пропажа людей	23	29
Продолжение взрывов и терактов	37	24
Убийства и гибель людей	33	23
Нестабильность	14	16
Бесчинства российских военных	4	13
Безработица, отсутствие рабочих мест	6	10
Обстрелы населенных пунктов	5	10
Продолжающиеся зачистки, аресты людей	3	9
Не восстанавливается населенный пункт	1	6

Проблема личной безопасности. Одной из наиболее чувствительных проблем Чечни по-прежнему оставалась проблема личной безопасности. Более половины населения Чечни (56%) не видит никаких сдвигов в решении этой проблемы. В августе зафиксирована наибольшая доля тех, кто отмечает ухудшение ситуации с личной безопасностью граждан в Чечне (27%).

Наиболее пессимистичны в оценке ситуации с личной безопасностью жители северных районов, которые считают, что ситуация только ухудшается (38%).

Оценка усилий федеральной власти по нормализации положения в Чечне. С марта месяца неуклонно растет доля людей, не видящих усилий Федеральной власти по нормализации жизни в Чечне. В августе эта доля увеличилась на 15% и составила 54% всех опрошенных. Доля положительно оценивших усилия федеральных властей осталась практически неизменной и составила 41%.

Оценка работы Администрации республики по нормализации положения в ЧР. В августе продолжился рост недовольства людей деятельностью Администрации республики по нормализации жизни в Чечне (60%), доля положительных оценок местной администрации сократилась до 36%.

Оценка деятельности администрации тесно коррелирует с оценкой деятельности А.Кадырова на посту исполняющего полномочия Президента ЧР. Положительно (в той или иной степени) деятельность А.Кадырова на посту главы республики оценивали 30% населения республики, в то время как большая часть (67%) считало, что глава республики со своими обязанностями плохо справляется.

Намерение участвовать в выборах Президента ЧР. Предстоящие выборы Президента республики вызывали все больший интерес населения. В августе о своем намерении участвовать в выборах заявило 77% опрошенных. Доля собирающихся участвовать увеличилась на 3% по сравнению с предыдущим месяцем. Наиболее высокие показатели намерения участвовать в выборах дали жители южных районов (85%) и северных районов (94%). Наименьшие показатели в Грозном - 70%. В то же время за период с июля по август среди жителей Грозного произошел значительный рост (на 15%) доли высказавших намерение принять участие в выборах.

Намерение участвовать в президентских выборах в республике в первую очередь зависит от *позиции в отношении вопроса о нахождении Чечни в составе России.*

Подавляющее число сторонников идеи единства с Россией (82%) собирались участвовать в выборах. В то время как 33% сторонников суверенитета Чечни утверждали, что не будут участвовать в выборах. В целом по республике о своем намерении не участвовать в выборах сказали 15% респондентов. Не определилось с участием в выборах - 8% респондентов.

Условно районы республики можно разбить на 4 группы:

1. Север**:** районы - Надтеречный, Шелковской, Наурский. Общее количество избирателей - 74 500 человек.

2. Центр: районы - Грозненский, Гудермесский, Урус-Мартановский, Шалинский, Курчалоевский, Ачхой-Мартановский, Сунженский и г. Аргун. Общее количество избирателей - 314 400 человек.

3. Юг: районы - Ножай-Юртовский, Введенский, Шатойский, Итум-Калинский, Шаройский. Общее количество избирателей - 37 900 человек.

4. Город Грозный: общее количество избирателей -107 000 человек.

Столь высокий процент поддержавших Конституцию Чеченской Республики на референдуме прямо свидетельствует о стремлении населения республики быть в составе единой России. Однако настроения на севере и на юге Чечни имеют отличия. В среднем за отделение неизменно выступают 18,8 % населения. На севере таковых - менее девяти процентов, в центре - двадцать, на юге - двадцать девять. Электорат горцев всегда отличался протестными настроениями. Там, как ни странно, сильны коммунистические настроения или, точнее сказать, тоска по СССР. Вся горная Чечня составляет небольшую часть электората, и по количеству избирателей не превышает одного лишь Гудермесского района, где число избирателей более 80 тысяч человек.

Север республики представляет наиболее благополучные районы, которые за последние несколько лет реально почувствовали улучшение жизни при Кадырове.

При этом следует иметь в виду, что соотношение населения по линии «север-юг» один к десяти. То есть сепаратистские настроения сильны у достаточно небольшой по сравнению со всей Чечней доли населения: речь идет о Шаройском, Шатойском, Итум-Калинском, Ножай-Юртовском и Веденском районах (для сравнения: в Грозненском районе живет сто одиннадцать тысяч человек, в Гудермесском — сто восемь тысяч, в Итум-Кале живет три тысячи, в Шатойском районе — двенадцать тысяч).

В ходе проводившихся в течение 2003 г. на территории республики исследований социологическим центром Validata[119] в том числе выяснялся и такой вопрос как мотивация так называемых бойцов сил сопротивления - это «джихад», «борьба за независимость» или «месть за бесчинства российских войск»? Более шестидесяти процентов респондентов говорят, что это «месть за бесчинства российских войск». То есть население отказывает силам сопротивления в идейной основе их деятельности.

На вопрос «Как бы вы назвали взрывы с участием шахидов - «терактами», «диверсионными операциями сил сопротивления» или актами отчаяния?» большинство ответило «актами отчаяния». Из опроса в опрос повторяется одна и та же картина: из семидесяти с лишним процентов сторонников интеграции с Россией шестьдесят считают, что Чечня должна обладать большей степенью автономии, чем другие субъекты федерации.

Интерес представляет общественное мнение относительно причин вхождения Чечни в Россию, мотивация населения. Первый мотив - «страна так страшно разрушена, что без России не восстановить», «Россия большая, мощная, могучая, с ней легче восстановить экономику». Здесь же скрыта идея о том, что положительный опыт сожительства с Россией во времена

[119] См.: Если игра будет честной. // Эксперт. 2003. № 33.

СССР у чеченцев все-таки был. Это мнение основано на жестком прагматизме.

Второй мотив - «Россия может стать гарантом мира в Чечне». Многие воспринимают противостояние «ичкерийцев с коллаборационистами» как конфликт двух банд. Россия в этом случае выполняет роль своеобразного третейского судьи, который может положить этому конец.

Еще один мощный мотив объединения с Россией - отрицательный опыт собственной самостоятельности после избрания Масхадова. Люди объясняют избрание Масхадова президентом надеждой на то, что он сумеет договориться с Россией. Чеченцы разочаровались в том периоде по объективным причинам - высокая безработица, неналаженное хозяйство, конфликт группировок, рост исламского экстремизма, насаждения чуждых идей ваххабизма.

Таким образом, большинство населения Чечни по тем или иным мотивам, но прочно связывает свое будущее с Россией. Не совсем ясной остается лишь модель этого будущего.

Одна из таких моделей – традиционалистская - предложена Х.-А. Нухаевым, кстати говоря главным условием реализации которой является свободный выбор одного из двух путей самоопределения граждан: либо как россияне (граждане РФ), либо как Нохчи (независимый от РФ союз тайпов). И хотя чеченский народ сделал свой выбор в пользу российского гражданства, план Нухаева вызвал и продолжает вызывать серьезный интерес у ряда ученых и политиков: только в 2003 г. по этой проблеме прошло 4 конференции в разных городах мира (Варшаве, Познани, Тбилиси и Токио). Именно в силу этого мы также не можем проигнорировать данный подход.

Х.-А. Нухаев выступил с такой моделью, в которой основой является предложение российским властям признать трайбализм народа нохчи (чеченцев), т.е. традиционного родового строя. Внутри этого предложения присутствуют еще несколько, из которых наиболее значимыми являются:

- признание Россией естественного права народа нохчи на его независимость (что, по мнению Х.-А. Нухаева, отвечает собственной выгоде России);

- признание того, что для России трайбализм «на стыке православного Севера и исламского Юга» является «естественной преградой на пути экспансии исламизма и глобализма»;

- возможное изменение Россией вектора ценностной ориентации с западнического модернизма на восточный традиционализм;

- предложение разделить Чечню на две части: горную (Южную) и равнинную (Северную); в Южной должно произойти на трайбалистской основе самоопределение чеченцев как народа нохчи; в Северной на гражданской основе - тех чеченцев, которые признают себя россиянами. Благодаря возрождению в Южной Чечне трайбализма, о котором Энгельс писал как о «чудесном средстве», позволяющем Варварству жить, воспроизводиться и разрешать все внутренние споры без принуждения, свойственного государственному строю и Цивилизации, ее население будет обладать осознанной внутренней мотивацией и всеми необходимыми общинно-патриархальными ресурсами потестарной власти для дисциплинирования или устранения из своей среды всех неисправимых нарушителей обычного права и двустороннего договора о мире и добрососедских отношениях между Союзом тайпов народов Нохчи и РФ.[120]

Согласно Нухаеву, предполагаемое разделение на две «Чечении» - не цель и не средство его плана, но осознанное следствие добровольного, свободного от принуждения выбора чеченским народом, а затем и каждым отдельно взятым чеченцем предпочитаемой им формулы самоопределения.

Такой выбор, чтобы он имел общенародный легитимный характер, должен быть осуществлен межтайповым съездом народа Нохчи. Делегатами съезда должны быть старейшины всех чеченских тайпов, функция которых

---

[120] См.: Яхимчик М.-М. Две Чечни – утопия или факт? «План Нухаева» с журналистской, прагматической и традиционалистской точек зрения. // Завтра. 3003. № 47 (522).

на межтайповом съезде будет иметь не властный, не политический, а сугубо представительский характер и поэтому не будет иметь значения, каких взглядов они лично придерживаются. Каждый из них представит решение своего тайпа по отношению к тому, чтобы все теоретически возможные формы самоопределения каждого отдельно взятого чеченца свести к двум реально возможным базовым опциям: самоопределение в рамках гражданского общества Российской Федерации; самоопределение в рамках тайпового общества народа Нохчи.

Предполагаемым результатом такого съезда должно, по мнению Нухаева, стать принятие решения о самоопределении и самоорганизации традиционалистского сегмента чеченского общества в рамках Союза тайпов народа Нохчи (СТНН) и его выборе Южной Чечни в качестве территориальной основы СТНН, и о самоопределении модернистского сегмента чеченского общества в политических рамках Российской Федерации. После «учреждения» СТНН на межтайповом съезде перед каждым чеченцем встанет вопрос личного самоопределения: либо я в рамках РФ, в равнинной Северной Чечне, либо в рамках СТНН, в горной Южной Чечне. После регистрации каждым из тайпов решений, принятых его членами, прояснится, какой из трех теоретически возможных сценариев станет основой общественной практики: все чеченцы выбирают само-определение в рамках РФ; все чеченцы выбирают самоопределение в рамках СТНН; одна часть чеченцев выбирает РФ, другая - СТНН.

Предполагая реальные масштабы мировоззренческого, ценностного и политического раскола в современном чеченском обществе, Нухаев утверждает, что неизбежным будет именно третий сценарий. При этом все три сценария оцениваются им как одинаково приемлемые и для России, и для чеченцев.

Однако здесь возникает не только масса спорных моментов, но и вопросы сугубо прагматического порядка. Какая часть чеченцев готова строить жизнь по законам закрытого общества и какая их часть в

дальнейшем ощутит, что они ошиблись в выборе? Как тогда будет решаться вопрос добровольного выбора отдельного чеченца приемлемой для него формы самоорганизации? Насколько растянется процесс формирования общества Южной (горной, «трайбалистской») Чечни, тем более, что в авторской концепции предусматривается процесс восстановления самого института авторитетных старейшин в тайпах и вариссах?

Каким образом совместить разделение Чечни на две части с сохранением тайповой целостности? Ведь члены одного тайпа живут и в горах и на равнине, а объединение по родственному признаку формирует тайп на внетерриториальной основе, его члены могут сохранять единство во всей ойкумене.

Каким образом будет строиться скудная экономика горной Чечни, и как исключить регенерацию в ней принципов «набегов на равнину»? В этом случае конфликтность открытого и закрытого обществ является прогнозируемой. Вряд ли институционально закрытое общество будет также экономически закрытым. Скорее всего, в отношениях «открытого» и «закрытого» обществ не удастся избежать дотаций в пользу последнего.

Какова, наконец, схема взаимосуществования открытого и закрытого обществ? Пока видится единственной возможной моделью существование «закрытого» общества в качестве автономии открытого. Наше исследование свидетельствует, что сторонники раздела Чечни на Север и Юг не превышают 3% чеченцев.

При всей на первый взгляд утопичности и нереалистичности модели Нухаева она несет в себе определенный потенциал не только для осмысления проблемы этнонационального самоопределения чеченцев, для разрешения многочисленных межнациональных проблем на Северном Кавказе, но и поиска путей взаимодействия и сосуществования традиционализма и глобализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественное мнение имеет глубокое сущностное родство с феноменом общественного, массового сознания, является наиболее ёмким его проявлением, выражающим наиболее актуальные в настоящий момент в обществе идеи, взгляды, переживания. Общественное мнение сочетает в себе рациональные и эмоциональные компоненты общественного сознания, характеризующие соответственно сознательные и бессознательные когнитивные механизмы.

Основными компонентами структуры общественного мнения является его объект, субъект, формы, механизм и способы проявления. Общественное мнение как явление многогранное включает единство отношения и функции.

Общественное мнение — открытая, публичная артикуляция (передача) отношения объекта к субъекту, а не просто сумма тех частных мнений, которыми люди обмениваются в узком кругу семьи или друзей. Именно возможность гласного, публичного высказывания населения по злободневным проблемам общественной жизни и влияние его на развитие общественных отношений отражает суть общественного мнения как особого социального института.

Функции общественного мнения разнообразны: информационно-оценочная функция, образовательная и воспитательная функции, контрольно-регулятивная функция, защитная, консультативная и директивная (предписывающая) функция. Все эти функции общественного мнения прямо или косвенно служат осуществлению ими мобилизационной функции. Она проявляется в побуждении людей к определенным социальным действиям (или сознательному бездействию) для утверждения защиты истинных ценностей общества.

Общественное мнение не только само выполняет функцию социального контроля, но и являясь сложно-структурированным феноменом, включающим в себя подвижный эмоциональный компонент, само зависит от

внешнего воздействия, от влияния на него различного рода социальной информации, в частности манипулирования. Манипулирование осуществляется с помощью методов подсознательного стимулирования, когда отношение аудитории к тем или иным явлениям окружающей среды формируется с помощью стандартизованных упрощённых представлений (стереотипов, имиджей, мифов, слухов). В начале 1990-х гг. новоявленные руководители провозглашенной независимой Чечни использовали огромный «арсенал» средств и методов для манипулирования массовым сознанием чеченцев. Ими активно применялись как мифологизация и стереотипизация сознания чеченского народа, так и распространение слухов, создание образов «врага» и пр.

Эффективность механизмов внушения напрямую связана с состоянием общества на момент времени, прибывает ли оно в состоянии стабильности, либо наоборот. Более того, для укоренения в массовом сознании стереотипов и мифов необходимо и наличие определенных предпосылок, как связанных с состоянием общества, так и непосредственно этим состояние не определяющихся. Такими объективными предпосылками манипулирования массовым сознанием в Чечне в начале 90-х годов были массовая безработица, низкий социально-экономический уровень, непродуманность национально-кадровой политики, маргинализация, криминализация населения.

Таким образом, в период кризисной ситуации в структуре общественного мнения усиливается воздействие эмоционального компонента в ущерб рациональным, происходит примитивизация и категоричность оценок, нарастает воздействие стереотипов, которые выступают уже не неким стабилизирующим, но во многом деструктивным фактором, происходит мифологизация сознания. Использование методов манипулирования массовым сознанием в условиях кризисной ситуации, приводит к тому, что общественное мнение обретает искаженный характер и незрелые формы, а функция социального контроля утрачивает свое значение,

уступая место его насильственным формам и усиливая девиантные тенденции в обществе.

Несомненно, что на общественное мнение влияет не только изменения самого объекта (явлений реальной действительности и духовной сферы), но и характеристика субъекта общественного мнения. Одной из важнейших составляющих общественного мнения является менталитет социума, имеющий в контексте данного исследования национально-этническую окраску.

Основными принципами структуризации чеченской этнонациональной общности являются принципы крови и веры. Простейшими элементами этносоциальной организации чеченского этноса является доьзал (малая семья), совокупность которых объединяется в вар (большую семью). Группа генетически родственных друг другу варов образует тайп. Тайпы, живущие друг с другом в географическом соседстве объединяются в тукъхамы, которые представляют собой своеобразный военно-экономический союз. Всенародным органом управления и решения внутренних споров чеченской нации традиционно считался Мехк-Кхел (Совет страны).

Наряду с этносоциальной иерархией у вайнахов сформировалась параллельная этнорелигиозная иерархия: сельская умма, вирд, тарикат, суфийское сообщество тарикатов, единая мусульманская умма.

Общинная ответственность - это фундамент родоплеменного строя чеченской нации, из которого, произрастает принципиальное отрицание чеченцами всех видов государственной или индивидуальной ответственности, бумажного законодательства, механического правосудия.

Чеченское общество сохраняет черты, свойственные обществам традиционного (доиндустриального) типа: численное преобладание сельского населения, ярко выраженное аграрное перенаселение, высокий уровень рождаемости, сравнительно невысокий уровень образования, неразвитая социально-профессиональная структура общества с явным

преобладанием работников, занятых в сельском хозяйстве и отраслях, связанных с ним.

Все это обусловило, с одной стороны, удивительную живучесть архаичных форм общественной организации в чеченском обществе - тайпового деления или исключительную роль традиционных суфийских братств. С другой стороны, коренным образом изменилась психология рядового чеченца: это уже не крестьянин, привязанный к своей земле и традиционным ценностям, а маргинал, всецело сосредоточенный на проблемах собственного выживания и процветания. В конечном итоге, маргинальные слои стали преобладающими в чеченском обществе. Упрощение иерархии социальных связей в чеченском обществе и архаизация различных сторон общественных отношений представляет собой серьезную угрозу для развития чеченского народа как нации

После завершения военных действий в период между 1996 и 2000 гг. на повестку дня в Чечне снова встала проблема этнополитической организации общества, его этнонациональной самоидентификации, в которой заметную роль уже играл ваххабизм. Отчетливо обозначились два центра сосредоточения государствообразующих сил, которые, сходясь на идее независимого государства, отличались, тем не менее, в своих подходах к реализации этой цели: 1) официальная ичкерийская власть во главе с президентом А. Масхадовым и 2) движение ваххабитов. В противовес им в республике сформировался третий, традиционалистский полюс, представленный значительным числом тайпов и тукъхамов, препятствовавший строительству государства и настаивавший на автохтонных моделях структуризации чеченского общества.

Проведенные информационно-аналитическим центром при Президенте ЧРИ в 1997-1998 гг. социологические опросы, которые показали, что население ориентировано на выбор демократического, а не исламского государственного устройства, при этом несовпадение ожиданий общества

реальной действительности предопределило некоторый рост сторонников исламизации.

Нынешнее положение чеченского общества определяется взаимодействием ряда социальных процессов, по характеру и источникам инициирования их можно разделить на эндогенные, определяемые внутренними ресурсами этноса, и экзогенные, зависящие от внешнего воздействия, хотя многие из них взаимообусловлены и порой трудно установить причинно-следственную связь в их воздействиях на социально-политические процессы.

Под влиянием комплекса взаимодействующих факторов к концу 1980-х – началу 1990-х гг. в Чечено-Ингушетии происходит обострение социально-политической обстановки, обостряется национальное самосознание. Причем интеллектуальная и массовая активность чеченцев началась с пробуждения интереса к историко-идеологическим проблемам, а затем основное внимание и активность смещается в социально-политическую сферу. В этот период многие граждане связывали возможность улучшения благосостояния и национально-культурного возрождения с обретением государственно-политической независимости.

Однако социологические исследования общественного мнения в тот период показывают, что как для населения, так и для вышедших в тот период на авансцену политической борьбы общественно-политических сил Чечено-Ингушетии, была характерна недостаточная четкость в понимании суверенитета республики.

Наряду со стремлением к единству и согласию социологические исследования фиксируют и сильное желание чеченского народа видеть в республике сильную власть, способную обеспечить согласие, единство и нормальное развитие республики. В период выборов президента республики в 1997 г. население по-разному относилось к выборам как к фактору достижения национального согласия до и после выборов. Так, до выборов девять из десяти респондентов связывали их с достижением согласия в

обществе, а вот после победы А. Масхадова преобладающее большинство населения перестало рассматривать выборы как фактор национального согласия. В период правления Масхадова не слишком высоко оценивало население и деятельность основных органов власти и управления – правительства, парламента, президента, представлявших собой этнократическую форму правления.

Сложившиеся в Чечне на протяжении 90-х годов политические и государственные институты в целом отражали реальное состояние чеченского общества и соответствовали характеру правящей элиты. Несомненно также, что в рамках этой политической системы невозможно было решить ни одну из стоящих перед Чеченской Республикой проблем и добиться поступательного развития чеченского общества. Состояние же самого общества во многом объясняется незавершенностью его социальной трансформации, «недотянувшей» до структуры индустриального общества. Деградация социальных связей и общественных институтов явилась неизбежным следствием отрыва Чечни от более развитого общественного организма РФ.

Общественное мнение трудно объяснить без учета психических состояний людей. Исследования общественного мнения дают возможность учитывать не только лежащие на поверхности, но и скрытые психологические тенденции политических процессов, а соответственно этому и избирать такие мероприятия, которые были бы адекватны возникшей ситуации. Познать состояние и динамику общественного мнения - это значит выполнить основное требование, необходимое для правильного принятия политического решения.

Развернувшиеся в начале 1990-х гг. процессы «демократизации» и «регионализации», не могли не отразиться на качестве информационного пространства страны: фрагментарность информационного пространства сопровождалась нарастанием противоречий между его федеральным и региональным уровнями. Федеральный уровень, представленный

центральными средствами массовой информации, транслируют преимущественно модернизационную культуру в целом, а также ценности современной политической культуры (радикализм, автономность личности, идеалы свободы, равенства, толерантность, уважение к частной собственности, инновационность, мобильность и т.д.). Причем это делается унифицировано, без учета этнокультурных особенностей регионов. Местные же, региональные средства массовой информации, в отличие от центральных, преимущественно ориентированы на возрождение традиционной культуры титульных этносов.

Это имеет двоякие последствия. С одной стороны, идет процесс утверждения демократических ценностей и индивидуализма в обществе. С другой стороны, утверждение новой политической культуры и правосознания через СМИ ассоциативно связано с их нигилизмом по отношению к традиционной культуре и советскому периоду в истории России. Дискредитация советской науки и пропаганда паранаучного мифотворчества, эксплуатация тем насилия, аморализма, критика власти и управления в качестве самоцели и т.д. объективно создали в 1990-е годы информационную основу для ослабления единства страны, нарастания противоречий в ценностных ориентациях людей в центре и регионах.

Подробный анализ печатных СМИ республики свидетельствует о том, насколько непростой является ситуация, при этом информационное пространство Чечни, генерирует не всегда адекватные интересам общества импульсы.

Сегодня структура информационного поля Чеченской Республики еще не демонстрирует устойчивости и стабильности. Здесь еще отсутствуют системообразующие средства массовой информации, т.е. средства массовой информации, способные выступать в качестве центров силы информационного пространства, задавать ориентиры и формировать устойчивое общественное мнение. Еще не преодолено «оборонное сознание» не только населения, но и большинства журналистов, сложно оценить

глубину и неоднозначность проблем, с которыми столкнулось чеченское общество на современном этапе. Поэтому процесс формирования информационного пространства республики требует пристального внимания со стороны не только региональной власти, но и федерального центра.

Необходима четкая и продуманная политика по укреплению основ информационного комплекса ЧР, а также его включения на неконфликтной основе в общероссийское информационное пространство. Сегодня необходимо мобилизовать все усилия по интеграции информационного комплекса Чеченской Республики в общекавказское, а шире – общероссийское информационное пространство. Ведь проблема отчуждения Чечни как субъекта информационной политики генерируется не только структурами самой республики, но другими субъектами Российской Федерации.

Наиболее открытой и непосредственной формой выражения общественного мнения являются выборы и референдум. В 2003 г. чеченскому народу была дважды предоставлена возможность высказать свое мнение по наиболее принципиальным и судьбоносным проблемам постконфликтного развития республики: на республиканском референдуме по принятию на нем Конституции Чеченской Республики и законов о выборах Президента и Парламента Республики, а также на выборах Президента ЧР.

Результаты проведенных социологических исследований в период подготовки к референдуму позволяют признать, что чеченский народ готов поддержать референдум, принять проекты Конституции Чеченской Республики, законов о выборах Президента и Парламента Чеченской Республики, что и продемонстрировали результаты референдума. Сегодня сложилась ситуация, когда граждане республики нуждаются в защите их прав и свобод, обеспечение которых в большинстве из них связывают с принятием республиканских законов, определяющими их место в едином политико-правовом пространстве Российской Федерации. Значительное

большинство граждан выражают мнение и о том, что Чеченская Республика должна быть субъектом равноправным с другими субъектами федерации, который должен представляться в высших органах страны легитимно избранными представителями народа.

Политика по отношению к гражданам республики должна быть кардинально изменена. По всем показателям их жизни им нужно продемонстрировать, что они не являются изгоями в собственной стране, а являются ее полноправными гражданами.

Привлекательность политики федерального центра усилится в случае проведения разумной кадровой политики, недискриминационной в т.ч. и по национальному признаку. Такой подход в общественном мнении граждан Чеченской Республики будет означать радикальное изменение отношения центральной власти к чеченскому народу, являющемуся согласно Конституции страны, составной частью многонационального российского народа.

Активное участие чеченцев в выборах в Государственную Думу Российской Федерации и Президента России В.В. Путина закрепили положительную динамику в трансформации общественного мнения, что свидетельствует о растущей легитимизации реконструкции Чеченской Республики как полноправного субъекта Российской Федерации.

СЕРИЯ «ЮЖНОРОССИЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Центра системных региональных исследований и прогнозирования

ИППК при РГУ и ИСПИ РАН

2001

Вып. 1. Ислам и политика на Северном Кавказе. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 188с.

Вып. 2. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 215 с.

Вып. 3. Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 80 с.

Вып. 4. Современное положение Чечни: социально-политический аспект. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 156 с.

Вып. 5. Современные проблемы геополитики Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2001 г. 196 с.

2002

Вып. 6. Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 230 с.

Вып. 7. Добаев И.П. Исламский радикализм. Отв. ред. А.В. Малашенко. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 120 с.

Вып. 8. Кукса В.П., Кислицын С.А. Государственное регулирование вынужденной миграции на Северном Кавказе (на материалах Республики Ингушетия). Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 126 с.

Вып. 9. Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 194 с.

Вып. 10. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 230 с.

Вып. 11. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам в современных республиках Северного Кавказа. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 167 с.

Вып. 12. Силовые структуры в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 168 с.

Вып. 13. Международная безопасность и проблемы терроризма (учебное пособие). Отв. ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2002 г. 167 с.

2003

Вып. 14. Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 160 с.

Вып. 15. Петров М.К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Составитель Г.Д. Петрова. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 140 с.

Вып. 16. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д. Изд. СКНЦ ВШ. 2003 г. 264 с.

Вып. 17. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. Отв. Ред. Ю.Г. Волков. Изд. СКНЦ ВШ. 230 с.

Вып. 18. Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2003. Изд-во СКНЦ ВШ. 219 с

Вып. 19. СМИ в этнополитических процессах на Юге России. Ростов н/Д, 2003. Изд-во СКНЦ ВШ. 160 с

2004

Вып. 20. Православие в исторических судьбах Юга России. Ростов н/Д, 2004. Изд-во СКНЦ ВШ. 288 с

Вып. 21. Басханова Л. С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ. 2004. 150 с.

Готовится к печати сборники «Иранский мир и Юг России: прошлое и современные перспективы»

Центр системных региональных исследований и прогнозирования Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Ростовском государственном университете и Института социально-политических исследований РАН

Создан в сентябре 1999 года

Основные задачи:

- Создание информационной базы данных по Южному федеральному округу;
- Организация и проведение фундаментальных и прикладных региональных (северокавказских) научных исследований;
- Проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров по регионалистики;
- Разработка образовательных проектора и программ в области регионоведения.

Центр действует в комплексе с кафедрой теоретической и прикладной регионалистики ИППК при РГУ и Студенческим информационно-аналитическим центром.

С 2001 года издает серию научных проблемных сборников и монографических исследований «Южнороссийское обозрение».

Более подробно о результатах деятельности Центра можно узнать на http://ippk.rsu.ru

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-кавказоведов.

Выполняем заказы на проведение исследований по гуманитарной и социальной проблематике Северного Кавказа.

Контактный адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК при РГУ, к. 208.

Телефоны: 65-34-51. Факс: 64-49-33. E-mail: center@ippk.rsu.ru

Научное издание

Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН

Выпуск 21

Басханова Любовь Сайд-Эминовна

ЧЕЧНЯ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Ответственный редактор

В.В. Черноус

Сдано в набор Подписано в печать

Формат Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.п.л. Уч.-изд.л. 16,5

Тираж 300 экз.